

Вера Чиркова

Ведунья против короля

Десятое светозарня

Королевский форт «Скальный»

Дилли

Узкий проход между надежно скрывавшими свою тайну довольно высокими скалами привел судно в крохотную бухточку, глубоко вдававшуюся в каменистый островок.

После кипящих вокруг пенных бурунов и грозно нависающих над бригам изрезанных ветром столбов и арок бухта выглядела неправдоподобно мирной и на удивление безопасной.

В прозрачной воде играли стайки серебристых и красных рыбок; чистенький деревянный причал, выкрашенный белой и синей краской, казался слегка провинциальным и оттого очень уютным, а кусты диких роз, оплетавшие ведущую вверх, к узкой дверце рукотворной крепости, лестницу, придавали этому местечку ощущение давно позабытого покоя.

Однако семеро гостей, ступавших по сходням за невозмутимым Леаром, почему-то чувствовали себя овцами, безропотно бредущими на бойню. Хотя никто из них и не признался бы в этом вслух – у каждого хватало гордости и уверенности в собственных силах. Но все непроизвольно поджимали губы и незаметно стискивали кулаки.

Кроме, пожалуй, двух девушек, одетых в одинаковые темные дорожные платья и прикрывающих лица плотными темно-серыми вуалями. Пользуясь этим простеньким щитом, ведуньи торопливо и бдительно изучали все, чего не сумели рассмотреть с палубы брига, пока он швартовался.

– Прощу, – указывая на лестницу, оглянулся на спутников секретарь и снова пошел впереди.

– А встречать важных гостей, похоже, тут не положено, – еле слышно фыркнула Лита, немедленно заработав предупреждающий взор регента:

– Тсс!

Девушка покорно кивнула зятю, не имея ни желания, ни возможности объяснять, что ведуньи, попав в западню, предпочитают не оборону, а нападение. Хотя это весьма спорное и зачастую абсолютно неверное определение их способа действий.

Сразу за калиткой прибывших ждали.

Выстроились по обе стороны дорожки хмурые воины, предупреждающе державшиеся за рукояти спрятанных пока в ножны клинков, а прямо перед гостями застыл непробиваемо бесстрастный форандский генерал. У его ног красноречиво разинул пасть большой сундук.

– Вам надлежит сдать мне все оружие, в том числе и магическое, – сухо и властно объявил он, едва за вошедшими захлопнулась тяжелая, окованная железом дверца.

– Мы ехали сюда с дружеским визитом по приглашению короля, а не сдаваться в плен, – ледяным тоном отчеканил Тровенг. – И если вы незамедлительно не снимете это требование и не извинитесь, отправимся домой.

– У нас есть подозрения, что вы явились сюда по сговору с лордом Шрагеном, – неуступчиво вздернул нос служака.

– Неточные у вас сведения, – процедил Гардант. – Лорд Шраген всего лишь доставил мне письмо короля с просьбой навестить его величество. А позже это приглашение подтвердил лорд Леарон Батенд.

– Леарон сам подозревается в измене, – презрительно скривил губы генерал, – и его ждут камера и допрос.

– За что? – тихо спросил секретарь.

– Слишком рьяно защищал самозванца! – В голосе офицера ясно слышалось злорадство.

– Тогда мы уходим, – повернулся к нему спиной Тровенг. – Мне не о чем договариваться с безумцами, и помочь им тоже нечем.

– Вы так уверены, что вам это удастся? – ударила ему в спину желчная ухмылка.

– Мы убеждены в одном: ты ни грана не уважаешь его величество Эршеля и не считаешь достойным королем, – с неожиданной дерзостью объявил вояке Звен. – Иначе не стал бы устраивать это глупое представление. А еще мы знаем, что всех вот этих воинов, так преданно глядящих сейчас тебе в рот, на самом деле ты презираешь и ни грана не ценишь. И уже заранее беспощадно приговорил к самому страшному, не пожалев ни их самих, ни жен, ни детей, ни матерей. Это простые воины могут не понимать, что ни у кого из них нет ни малейшего шанса остаться в живых, если попытаются выполнить твой приказ, а ты все просчитал. И надеешься на кучу мощных амулетов, спрятанных за пазухой, да на крепость двери, за которой я ощущаю магическое существо.

Воины побледнели, но не шелохнулись, лишь крепче сжали рукояти оружия, наивно веря в его защиту.

– Вы не осмелитесь! Или мои шхуны затопят ваш бриг! – высокомерно процедил цербер в эполетах.

– Пусть попробуют, – ехидно предложил магистр и вдруг резко и холодно прикрикнул: – А теперь прекращай свою комедию и отойди с дороги!

– Иначе? – едко заушмылялся генерал, незаметно отступая на полшага.

– Иначе пеняй на себя.

Больше ничего говорить Звену не пришлось. Ланс вдруг предупреждающе свистнул, и над гостями моментально сомкнулся охранный щит, закрывая их от воинов короля тусклым маревом. Ведуньи все же успели заметить, как злосчастный сундук птицей взвился в небо и улетел в неизвестном направлении. В тот же момент воины, мгновенно уснувшие во главе с вздорным генералом, рухнули как подкошенные на камни маленького дворика.

Словно не замечая валяющихся вокруг тел, регент уверенно повел свою разношерстную команду к входным дверям в помещения форта, вырубленные в теле скалы. Попутно он зорко поглядывал на крупную черную жемчужину, вставленную в каст надетого на средний палец кольца. После усиления способностей Тровенг с помощью артефакта мог распознавать ложь намного отчетливее и потому точно знал, что генерал в чем-то солгал. Хотя и не во всем.

Тровенгу осталось до двери всего пару шагов, когда она распахнулась как от удара, и в проеме застыл очень импозантный старик. Высокий, статный и совершенно седой. По плечам морозной пряжей рассыпались снежно-белые волосы, лохматые брови нависали клочьями инея, пряча светло-голубые глаза. А бледный рот кривила неожиданно язвительная ухмылка.

– Как умело и безжалостно вы расправились с его войском, сначала обвинив генерала в жестокости!

Гости замерли на несколько тягуче-долгих секунд, изучая его с головы до ног и постепенно приходя к выводу, что перед ними его величество Эршель Форандский собственной персоной. И все же душу каждого сверлило смутное подозрение, что это чья-то очередная шутка или проверка, а то и вовсе ловушка.

Тровенг, пару лет назад видевший короля на праздничном приеме, помнил его соломенным блондином, подтянутым и высокомерным. Магистры никак не могли объяснить себе появление в жизненной ауре Эршеля магического ореола. Ведуньи же с сомнением изучали простое одеяние незнакомца, помня, что король-сердцеед всегда славился изысканным вкусом и был завзятым франтом.

Только Леарон взирал на ехидного старца устало и хмуро, и губы секретаря кривились в немом укор, как у гувернера, поймавшего воспитанника на воровстве конфет из буфета.

Вот этот-то взгляд и решил сомнения тайком посматривающей на курьера Дилли, в пользу кажущейся каверзным обманом истины. Мгновенно сложились все кусочки головоломки, стали понятны все несуразности и недомолвки, каждое слово и каждый взгляд встали на место так точно, что ведунью взяла легкая досада на саму себя. Вот куда она вчера смотрела, почему не поверила смутным догадкам, не сделала ни одного шага ему навстречу? Но еще ничего не потеряно. Да и невозможно потерять то, что свято хранишь в сердце. Хотя намеков хватило, и довольно прозрачных, осталось лишь подать последний знак.

– И тебе добрый день, – откинув вуаль, голосом матери произнесла она с той же укоризной,

какая горела во взоре Леара. – А люди твои живы, просто спят.

– Не помню, когда я давал кому-либо из вас право обращаться ко мне на «ты», – вмиг оцетинился ледяными колючками Эршель.

– С памятью у вашего величества давно плоховато, – резко подняла свою вуаль Лита, – но право это мы все же имеем. Вот только не каждый из нас готов им воспользоваться.

– Так и будешь держать нас на пороге? – с насмешкой спросила Дилли. – Или желаешь пойти с нами на бриг?

– Ты – не она, – заявил Эршель, и в светлых глазах вспыхнула жаркая ярость. – И этого обмана я вам не прощу.

– А это ни грана и не обман, – гордо задрала нос графиня Тровенг. – Верно сказала моя сестра: с сообразительностью у тебя к старости стало плоховато. Иначе уже понял бы, что это условный знак, намек на некоторые тонкости, о которых тебе желательно было догадаться без излишних пояснений.

– За такую наглость... – король несколько секунд красноречиво молчал, давая беспардонной гостье сполна прочувствовать суровость грозящей ей кары, – тебя ждет наказание. И не надейся, что статус ведуньи дает право на снисхождение.

– Да кто же на это надеется? – презрительно фыркнула Дилли. – Мне уже двадцать семь лет известно, что ты никого и никогда не пожалел.

– Непонятно только одно, – с горьковатым ехидством добавила Лита. – А с какой тогда стати ваше величество надеялось на жалость нашей матери и на ее помощь? Если сам прожил всю жизнь образцом беспощадности и бесчувственности?

– Леарон! – грозно рявкнул король и смешно притопнул ногой в мягкой, разношенной домашней туфле. – Ты кого мне привез?

– Кого лорд Шраген пригласил, того и привез, – устало и совершенно без страха огрызнулся секретарь. – Но могу подтвердить, что он не ошибся. Это ведуньи Андилиана и Данлита. С лордом Тровенгом, регентом Онзирской княжны, ваше величество знакомо давно. Их сопровождают старшие магистры ковена магов.

– Лорды Дазвенорт, Ланберс, Даваргиус и Олбрэниз, – невозмутимо представил себя и коллег Звен.

– Ты ввел короля в заблуждение, – холодно попенял секретарю Гард. – Эти леди – не просто ведуньи. Леди Андилиана Тровенг – моя супруга. Леди Данлита ле Саренс – ее сестра и одновременно статс-дама, а также невеста магистра Ланберса.

– В княжестве большие перемены, – ехидно прищурился Эршель. – Самые завидные женихи начали искать себе невест по хуторам и приютам.

– Так чему же удивляться, – не выдержав, съязвил взбешенный Ланс, – если именно там живут самые замечательные девушки княжества и ближайших стран?

– И к тому же ведуньи, – желчно подколол мага неуступчиво загораживающий проход король.

– Да, – гордо усмехнулся Гардант, – у моей жены не счесть достоинств. Нежная, умная, преданная, смелая, да еще и ведунья.

– Еще и принцесса, – невинно намекнул начинающий уставать от этого спора Звен.

– А вот это для меня совершенно не имеет значения, – веско изрек регент и, подхватив жену под руку, нежно спросил: – Тебе еще не надоело в гостях, любимая?

– Не обижайся на него, – просительно глянула Дилли в сердитые глаза мужа. – Он влип так, как не влипал никогда прежде, и даже предположить не мог, что с ним подобное может случиться. И теперь одновременно очень боится грядущего и не хочет, чтобы его жалели, потому-то язвит и кусается, как пойманная за хвост змея.

– Леарон! – злобно зашипел король. – Немедленно проводи их на бриг и отправь сообщение патрульным кораблям, чтобы выпустили! Пусть плывут ко всем лешим, и больше никогда – никогда, слышишь? – не давай мне таких идиотских советов, иначе закончишь жизнь в

тюремной башне!

– Не смей его пугать! – внезапно разгневалась Лита. – И не ори на нас! Мы тебе ничего не должны, а вот ты перед нами по уши в долгу!

– Когда это я успел тебе задолжать? – яростно уставился на нее Эршель.

– Восемнадцать с половиной лет назад, – так же неистово рявкнула девчонка. – И не ври тут, как шкодливый сельский пастушок, будто не знал, откуда дети берутся! Тебе к тому времени было известно столько, что любой ловелас позавидовать мог! Только одного святого правила ты за всю жизнь так и не постиг! Если дал ребенку жизнь, то не жадничай, дай и кусок хлеба! Ты вот сейчас смертельно обиделся, что Ясвена не примчалась тебя спасать, а сам за восемнадцать лет хоть раз пришел ей на помощь? Подержал свое дитя на руках, когда она от усталости чуть не падала, ведь матери хлеб тяжким трудом доставался!

– Я предлагал ей купить усадьбу и нанять слуг! – Глаза короля стали белыми от бешенства, и трудно было не понять, что он едва сдерживается, чтобы не ударить маленькую нахалку.

– А! – едко фыркнула она. – Ну так давай мы сейчас купим тебе домик и наймем повара. Все проще, чем помогать снова сесть на трон.

– Да к змеям тот трон! – Гнев Эршеля вдруг резко угас, он отвернулся и зашаркал прочь.

А гости, онемев от неожиданности и страшных подозрений, потрясенно рассматривали нелепо болтавшийся за плечами короля короткий шелковый плащ, скрывавший нечто странное. Неправдоподобно, отталкивающе огромное и абсолютно противоестественное. Более всего это походило на привязанный к спине бурдюк с вином, и Гард даже поймал себя на попытке уловить бульканье напитка. Бесполезной, как выяснилось, – но это лишь подогрело его любопытство. Вот только спросить некого, король со сноворокой опытного жулика юркнул за одну из тяжелых занавесей, скрывавших проходы вглубь скалы, и звук его шагов сразу стих.

– Входите, – секретарь выглядел утомленным и расстроенным, – я покажу вам спальни. Здесь достаточно удобно, и даже вода в ваннах есть, но холодная, нужно согревать амулетами. Дровами топим только камин в гостиной, и лишь вечерами, чтобы не выдать себя дымом.

– Леар, – мягко произнесла Дилли, придержав его за локоть, – мы не отдыхать ехали, успеем еще устроиться. Веди за ним. И если знаешь, расскажи, что у него со спиной?

– Вы просите невозможного, – неуступчиво заявил секретарь, осторожно бросая многозначительный взгляд в ту сторону, куда сбежал его повелитель.

Однако ведунья пока не собиралась выяснять, чего он так опасается. Сейчас ей хотелось разгадать жуткую, истово хранимую королем тайну и попытаться выяснить, существует ли надежный способ ему помочь. Но вслух Дилли говорить этого не стала.

– Ничего подобного, все как раз наоборот, – возразила с грустным вздохом. – Он запутался – сначала в своих интригах, потом в собственных амбициях, а теперь страдает от семейной гордыни и чувства вины. Мне теперь ясно: наш любвеобильный родитель – крайне противоречивый человек. Вернее, симбиоз двух личностей: обаятельного хитреца и простодушного гордеца. Взрывоопасная смесь, толкающая его на самые неожиданные и даже неприглядные поступки. К примеру, подглядывание за гостями и подслушивание их разговоров.

Ведунья взглядом указала сестре на занавесь, к которой исподволь подвела Леара. Согласно взмахнув в ответ ресницами, Лита тенью скользнула туда. И сразу же, не раздумывая и не давая никому ни мгновения на рассуждения или протест, рывком отдернула штору.

Эршель был там, в глубокой нише, – неудобно скорчившись, сидел на простом стуле.

Но, попавшись с поличным, сумел не дернуться и даже сохранить внимательное выражение лица. Лишь разочарованно усмехнулся уголком губ и устало буркнул:

– Вы злые девчонки.

– Все в папочку. – Лита явно забыла, что собиралась разговаривать с королем с отстраненной вежливостью, либо уже успела изменить первоначальное намерение. – Если хотел получить добрых и любящих, то нужно было воспитывать самому.

– Значит, Ясвена не справилась.

– Неверный вывод. Мать все сделала правильно, и мы ее очень любим, – язвительно фыркнула младшая ведунья. – А чужих людей, да еще и обидевших нашу мать, ни уважать, ни жалеть не собираемся.

– Стоять! – вдруг с угрозой рявкнул Эршель, но было поздно.

Пока Лита пустой болтовней отвлекала его величество, Дилли мышкой прокралась ему за спину и откинула со странного горба плащ. А едва король ее обнаружил, спокойно протянула руку и сжала его предплечье стальной хваткой.

– Сидеть! – прикрикнула властно, как истинная королева, изучая открывшуюся ей картину, и позвала магистра: – Звен, иди, взгляни, что это такое?

– Проклятие... – едва оказавшись рядом, с досадой выдохнул маг и пояснил: – Самое настоящее. Примерно такое, какое было на Генри ле Саренсе. Саморазвивающееся и постоянно растущее. Кто-то очень сильно обозлился на его величество и приложил от всей души. Даже амулеты не спасли, в них ведь не предусмотреть всех пакостей, какие могут пожелать люди со скрытым даром.

– Ну так ведь он же сам всю жизнь старался делать все, чтобы его ненавидели! – едко произнесла Лита. – Вот и дождался. А по этой шишке вам не понятно, сколько времени он с нею ходит? Если бы он хоть примерно вспомнил, можно было точно сказать, кого так достал.

– Он и так знает, кто проклял, – буркнул Леар.

– Ну? – поторопил его Звен.

– Последняя королева. В тот день, когда они разводились... – Леар сдавал тайны правителя, не обращая внимания на злые взоры, которыми тот пытался его испепелить. – Шаманы пообещали снять проклятие, если им ее отдадут, но это уже невозможно. Она в ту же минуту прыгнула со стены монастыря.

– Бедняжка, – огорченно вздохнула Дилли. – Тоже нашла ради кого.

– Всё! – яростно рванулся король, но попытка не удалась. Девичьи руки держали крепче стальных кандалов.

– Ты не так поняла, – поправился Леар. – Прыгала она в надежде припугнуть его величество. Королева была отчаянной шантажисткой и совершенно не умела рассуждать логически. Придворные целители и охранники столько раз спасали ее сумасбродное величество от притворных попыток повеситься, отравиться и утопиться, что она поверила в собственное бессмертие. И, как избалованный ребенок, неустанно шантажировала всех окружающих, не понимая, что однажды может не повезти. В последний раз она прыгала в пышные заросли плюща, полагая, что они ее задержат, но промахнулась.

– Чем таким тебя подкупили, Леар, – почти с ненавистью процедил Эршель, уже не обращавший внимания на изучавших его магистров, – что ты стелешься перед ними, как раб?!

– Ничего-то он не понял, – разочарованно пробормотала Лита и успокаивающе погладила побледневшего секретаря по руке: – Не могу постичь, как можно много лет править огромной страной, оставаясь настолько слепым? И каждый раз упрямо наступать в одну и ту же лужу? Вот зачем он с таким постоянством женился на высокомерных и глупых принцессах, если рядом были любящие женщины?

– Беспольный вопрос, Чижик, – устало вздохнула внезапно озаренная наитием старшая сестра. – Он не знает ответа, потому что никогда не искал. И переставай уже дергать его за усы, наше дело простое – снять с него проклятие и вернуться домой. Леар, что она крикнула, перед тем как прыгнуть?

– Откуда ты знаешь? – вскинулся, как от удара, король.

– Ну это же элементарно, – одарила его снисходительным взглядом ведунья. – Раз она была шантажисткой, то просто не могла обойтись без театральных жестов. Выкрикнуть нечто трагическое и красиво погибнуть – это же самая излюбленная комедьянтами сцена.

– Да, – кивнул секретарь, – ты права. Ее последнее величество была заядлой комедьянткой. И вышла замуж за Эршеля вовсе не для того, чтобы рожать ему наследников, поэтому тайком пила зелья. Ей нужны были корона и свобода. Но не удалось – целитель поймал ее с поличным. Король рассвирепел, она надерзила и в результате оказалась в монастыре. А когда его

величество приехал провести ритуал расторжения союза, обвинила его во всех пороках и, крикнув: «Сам рожай себе уродов!» – прыгнула в заранее облюбованное место.

– Но в таком случае, – нахмурился Звен, – проклятие должно было появиться у него на животе.

– Там оно и проросло, – Леарон продолжал открывать тайны его величества с отчаянностью приговоренного, – но после шаманского обряда переползло на спину. И стало расти так быстро, что королю пришлось бежать, оставив трон и столицу на двойника.

– Предатель! – горько фыркнул Эршель. – Продался за ласковые улыбочки этих змеюк.

– Прекрати кривляться! – неожиданно строго прикрикнула Дилли. – И вообще помолчи. Дай подумать, как снять с тебя эту гадость.

– Не о том беспокоишься, – побелев от бешенства, прошипел король. – Я тебя к своему проклятию и близко не подпущу! Лучше ищи способ немедленно исчезнуть отсюда, пока я не приказал запереть тебя в карцере!

– Слушай меня внимательно, твое несчастное величество! – вмиг озверев, с ненавистью прокричал Тровенг. – Если ты осмелишься еще хоть одним словом оскорбить мою жену или пригрозить, бояться за свою жизнь придется тебе. Ты и так растерял все мое бывшее уважение своим отношением к собственным детям! Ни одна, даже самая тупая, скотина на свете не бросает свое потомство на произвол судьбы! А ты умудрился по всему свету засеять бесприютных сирот и куска хлеба никому не дал. И был бы беден, как схимник, так ведь наоборот! На балах и приемах кормил драгоценными яствами сотни лстивых блюдолизов и лукавых комедьянтов, одаривал бриллиантами никчемных стихоплетов и продажных куртизанок. А своим детям, ни в чем не повинным малюткам, пожадничал горстку серебра на молоко! Не сверкай на меня глазами, как оскорбленная монашка, знаю я твой главный довод. Их матери якобы родили детей без твоего дозволения! Но ведь с твоим участием? Чижик, заткни уши.

– Я ничего не слышу, – кротко отозвалась девчонка и тут же его похвалила: – Но ты совершенно прав, зять.

– Я знаю, – уверенно усмехнулся он, ловя презрительным взглядом мрачный взор короля. – Но не пойму другого. Почему за столько лет его величеству не пришла в голову простая мысль, что его дети не должны отвечать за поступки своих матерей?

– Хотя сам он ни о чем подобном не задумывался, – тихо вздохнула Дилли, – но наша мать ему все это объясняла, и не раз. Однако его упрямое величество уперся: врожденное высокомерие помешало признать, что и короли могут в чем-то ошибаться. Как вы думаете, почему мать от него сбежала, когда поняла, что ждет ребенка? Не пожелала разделить участь прежних возлюбленных, которых вывозили из дворца в стареньких платьях на крестьянской телеге с одним узелком в руках. И с указом больше никогда не впускать в столицу и в королевские имения. Король рассуждал до омерзения просто: раз тебе так нужен был ребенок, можешь рожать, но кормить будешь сама. Поэтому бедные фаворитки и сдавали детей той старухе, а потом и сами сдавались в содержанки богатым сластолюбцам. За это я его и ненавижу, хотя мне повезло. Ясвена вовремя отыскала и забрала. И не меня одну.

Крепкие руки регента подхватили ведунью, прижали к мощной груди, губы бережно собрали с ее щек непрошенные слезинки.

– Дилли, счастье мое, тебе нужно от него отдохнуть... Ланс, ты нашел какую-нибудь комнату?

– Мне тоже, пожалуй, пора отдохнуть, – устало буркнула Лита. – Ланс, найди и мне комнату.

– Если желаете, я провожу, – предложил Леарон и, бросив на короля сочувствующий взгляд, торопливо направился к уже обнаруженному магами широкому проходу.

Там начиналась лестница, ведущая к лучшим спальням, уже несколько дней как готовым принять гостей.

Десятое светозарня

Королевский форт «Скальный»

Гард

– Прости меня, – выдохнула ведунья, когда тяжелая дубовая дверь, мягко чмокнув, отрезала от них все звуки и, казалось, весь мир.

Здесь, в невысокой келье, частично выдолбленной в стене, частично сложенной из огромных плит, она невольно чувствовала себя узницей или монахиней. Впечатление усиливало узкое, хотя и высокое, зарешеченное сводчатое окно и кованые бра, вкрученные в стены по обе стороны от него.

Правда, кто-то очень постарался сделать это мрачное помещение уютным и даже роскошным. Застелил пол мягкими светлыми коврами, задрапировал стены дорогими гобеленами. И поставил посреди комнатки низкую треногу, поддерживающую литую чугунную жаровню, в которой плясал призрачный огонь нагревающего амулета. Камни стен даже в летнюю пору источали прохладу.

Но первого впечатления это все же не меняло.

– За что? – укоризненно спросил Гард, снимая камзол и небрежно бросая его на изящный диванчик, казавшийся тут совершенно неуместным. – Я и сам не сдержался, он ведь всячески нас провоцировал.

– Но я этого ожидала, меня предупредили, – виновато глянула Дилли и последовала примеру мужа: сбросив туфли, побродила босиком по ковру. – Да захлестнула старая обида. Не знаю, как удержалась, не ударила так, чтобы взвыл от боли. Он, видите ли, поместье матери предлагал! Но вряд ли бы разрешил привести туда всех, кого она опекала.

– А Леар? Ты же сказала, что она его учила, – Гард усадил жену на диван, сел рядом и устроил ее ноги у себя на коленях, – но теперь я догадываюсь, кто предупреждает вашу мать.

– Тебе только сейчас стало это понятно? – лукаво глянула на мужа ведунья. – Больше предположений нет?

– Есть. Но настолько невероятные, что боюсь даже произнести вслух. Лучше скажи сама... Кстати, сколько ему лет?

– Он на два года моложе меня, – улыбнулась Дилли. – Мать сумела устроить учеником к королевскому знахарю одного из наших старших братьев... нет, не по отцу. Он и помогал ей забирать бастардов и прочих сирот. Так к нам попал и Леар. Его мать была чтицей у одной из королевских приживалок – во дворце живет с десятком немолодых воспитанниц и племянниц покойной королевы-матери. Отдавая сыну власть, она взяла с него обещание не выгонять ее подопечных.

– Куда делась та чтица? – нехотя спросил Гард, подозревая, что ничего хорошего не услышит.

– Ее отправили в монастырь, но по пути она подхватила горячку и попала в лазарет при храме маленького городка. Там и осталась. И вскоре на ней женился местный целитель. Но о ребенке после болезни она забыла, а Леар и не собирается напоминать. Он считает матерью Ясвену, как и все мы. И когда в шестнадцать лет решил познакомиться с Эршелем, мать не протестовала, помогла получить протекцию знахаря. Сначала Леар был посыльным, потом – помощником секретаря, а теперь остался один. Старший секретарь сидит около двойника.

– А король не подозревает, кто ему служит?

– Ну ты же сам видел. Он на редкость невнимателен к людям. Видимо, это болезнь у владык такая, – невесело пошутила Дилли.

– Заразная, – вспомнив князя, зло фыркнул Тровенг и осторожно осведомился, заглядывая в любимые глаза: – А ты уже знаешь, как ему помочь? Эршелю, разумеется. Не нравится мне здесь.

– Помочь себе может только он сам, – огорченно пояснила ведунья. – Для этого нужно его истовое желание и очень веская причина. Не трон и не корона, этим старик давно пресытился и ни грана не ценит. Нечто более важное, жизненно необходимое, потому мы его и выводим из себя – ищем самое больное место.

– Жестокий способ, – признал Гард, обдумав ее слова, – но он такого и заслужил. Однако одно мне непонятно: раз ваша мать уже хорошо его знала, то как попала с Литой?

– Приехала за очередным ребенком и именно попалась, ты угадал. Стража задержала. Их как раз вооружили мощными амулетами. Что было дальше – я точно не знаю, а рассказывать об этом мать не любит. Но можно спросить Леара, он обещал попозже заглянуть.

Гард ничего подобного не помнил и не заметил никаких жестов или взглядов, но жене верил. И потому, отбросив всякие заботы на потом, все внимание и всю нежность недолюбленного сердца обрушил на нее.

Леарон постучал в их комнату на закате, деликатно выждал, пока ему откроют, и тенью скользнул внутрь.

– Утомился, часок поспит, – выдохнул в ответ на вопрошающий взгляд сестры и, присев на кресло, задал встречный вопрос: – Ты ему рассказала?

– Лишь то, о чем знала. Мать открыла мне правду только перед отъездом сюда.

– Ей и это было далеко не просто сделать, – мгновенно встал на защиту Ясвены бастард, и с души Гарда снялся тяжкий камень подозрения в предательстве.

Хотя регент доверял мнению Дилли и Чижика, но совершенно исключать такую возможность не мог. Слишком давно живет Леарон в королевском дворце, и память о детских годах, проведенных в небогатом сельском домике, и о женщине с ясными глазами, певшей одну на всех колыбельную, вполне могла стать туманным воспоминанием. Трудно, живя в роскошном дворце и садясь каждый день за заставленный яствами стол, помнить вкус жареной рыбешки, пойманной в ближайшей речке, и тосковать по недозрелым яблокам, сорванным прямо через окно.

– Да я не настаиваю, – примирительно улыбнулся он секретарю. – И того, что узнал, вполне достаточно. Но очень хочется побыстрее избавиться от этой гадости. У тебя нет никаких идей? Все-таки ты постоянно находишься рядом. И еще... если не желаешь, не отвечай... но почему ты не попытался сам его от этого избавиться?

– Я для него не авторитет, – грустно усмехнулся Леар, – а открывать свои умения не намерен. Он тогда меня и на пушечный выстрел к себе не подпустит. Эршель, как любой прожженный интриган, верит только тем, кого считает простодушными овечками. Хотя таких в его окружении давно нет, а те, кто таковыми кажутся, – просто талантливые комедьянты. Но хуже всего иное. Эршель, никогда не понимавший женского сердца и не испытывавший отцовских чувств, вдруг проникся нежностью к своему проклятию. Ему с чего-то втемяшилось в голову, что там зреет его сын, и он скоро родится. Вот для этого Эршелю и нужна была Ясвена. Несмотря на все прежние размолвки и недопонимание, он свято верит, что она никогда не обидит чужого ребенка. Не бросит, примет и полюбит, насколько бы калечным он ни был. Слова Сартоллы про уроду он воспринял слишком буквально.

– Но ведь это невозможно! – потрясенно охнула Дилли. – Дети таким способом не появляются.

– Обычные, – с горьким сарказмом фыркнул Леар. – А у него будет зачатый магически. Он даже ощущает, как там что-то шевелится, и переубедить его абсолютно невозможно. Но он не сошел с ума в общепринятом смысле: пишет письма двойнику, дает советы по управлению страной и удержанию войск от стычек. Адмирал мотается по морям, пытаясь уберечь королевство от гражданской войны, верные люди втихомолку ведут подпольную борьбу против двойника. Только генерал Пладиз сидит тут, как кот у мышиной норки, считая себя самым хитрым стратегом.

– Ну да, – понимающе усмехнулся Гард, – при любом развитии событий он окажется прав. Если на троне останется самозванец, генерал заявит, будто охранял короля, чтобы не сбежал, а если победит Эршель – то доблестно защищал.

– Больше он ничего не заявит, – тихо признался Леар. – Я вывел его из игры. Теперь гарнизоном командует полковник Карерс, утром он был лейтенантом и генеральским адъютантом.

– Ну и правильно, – похвалил Тровенг. – Не нужно терпеть врагов рядом с собой, они и издали достанут. Тогда давайте пригласим магистров и устроим совещание... Или ты не желаешь пока открывать своих секретов?

– Боюсь, сейчас он в разладе с самим собой, – сочувственно глядя на брата, пояснила мужу

ведунья. – Король никогда еще так не нуждался в чьей-либо поддержке. Страшно это – дожить до таких лет и обнаружить, что рядом нет ни одного по-настоящему близкого существа.

– Не надо было вышвыривать их из дома, этих существ, – непримиримо буркнул Гард и крепче прижал к себе жену, давая себе и ей мысленный обет никогда ничего не решать в одиночку и сгоряча.

– Король это понял, – помолчав, хмуро усмехнулся бастард. – Вскоре после гибели Сартоллы его пригласил хан Кемина на смотрины, он давно мечтает породниться. Я был в свите и все видел своими глазами. У хана полторы сотни детей, и он каждый день два часа играет с младшими. Они борются перед отцом на коврах в большом зале, бегают наперегонки, показывают свои рисунки и игрушки. Хан помнит всех по именам и всем находит доброе слово и особую сладость. Эршель смотрел на их счастливые рожицы потрясенно, как человек, случайно попавший в чужой мир и обнаруживший там невероятных существ. Вот тогда я очень хотел уйти, вернуться к матери, положить голову ей на колени и закрыть глаза... Так хочется иногда, чтобы тебя просто погладили по голове...

– Леар! – ринулась к брату ведунья, обхватила его руками как маленького, прижала к себе. – Но разве у тебя нет подружки?

– Была, – вздохнул он через минуту, поцеловал ладошку сестры и подтолкнул Дилли к мужу. – Но пока я сижу здесь, нашла другого. Я ее не виню, у меня ведь ни титула, ни поместья.

– Ну и пусть ее. Не нужна тебе девушка, которая меряет людей титулами и сундуками с золотом, – уверенно заявила Дилли. – А титул у тебя есть. Ты теперь граф ле Саренс, наша мать сейчас живет в родовом особняке ле Саренсов, и все ее дети будут носить это имя. Сейчас придут магистры, попрошу написать указ.

– Можешь сама написать, – нежно улыбнулся Тровенг. – Малая печать у меня с собой. А магам отдадим на сохранение. И вообще, Леар, я не успел сказать, что признал всех сестер и братьев Дилли своими родственниками. У меня найдется для тебя и хорошая работа, и место в замке князя. Ну а дом мы тебе подарим, когда женишься. Бросай ты этого неблагодарного старика, никогда до него не дойдет, что самое главное в жизни – это доброе отношение людей. Любовь супругов, детей, родителей, преданность друзей и коллег, уважение жителей своей страны и соседней.

– Спасибо, – Леарон выглядел несколько ошеломленным, – я подумаю. Посмотрю на него, когда спадет проклятие. Если ничего не изменится – клянусь, уйду.

Дилли только молча кивнула. Ей было отлично известно, насколько нелегко тем, кто способен понимать и прощать чужие слабости и ошибки, бросать на произвол судьбы взятых под опеку людей.

На ужин гостей пригласили в парадную столовую, и шли они туда с неохотой. Не очень-то приятно есть под прицелом злых королевских глаз. Слушать язвительные выпады его величества тоже никому не хотелось. Однако Эршель то ли взял себя в руки, то ли готовил особенную эскападу, но ни в чем не проявил своей несдержанности. Хотя был излишне угрюм и молчалив, но это гораздо более подходило его положению, чем недавние угрозы и ругань.

Приглашенные тоже старательно обходили все темы, связанные с их визитом, опасаясь наступить королю на любимую мозоль. К тому же детали ритуала избавления Эршеля от проклятия они уже обсудили и все приготовления сделали.

– Ваше величество, – учтиво предупредил Звен, покидая столовую после трапезы, – сейчас вам необходимо хорошенько отдохнуть. К ведьминому часу мы закончим составление необходимого зелья, и его нужно будет выпить немедленно. Оно действует только три минуты, после того как заложен последний компонент.

– Не буду я пить никаких зелий, – ожидаемо огрызнулся Эршель. – И почему его нельзя было сварить днем?

– Таковы условия успеха, – твердо и очень серьезно сообщил магистр, стараясь, чтобы в его взоре не мелькнуло даже искры смеха, от которого Звена просто распирало.

Пациент должен твердо верить, что слышит наичистейшую правду. Хотя полуправды и не бывает, но не стоит говорить об этом обывателям, считающим, что всегда остается крохотная

лазейка, эдакая спасительная щель для трусливой мышки.

– Успеха чего? – въедливо осведомился Эршель.

– Пока – только испытания. Секретарь сообщил о вашем предположении, и мы обязаны это проверить. Хотя до сих пор никогда не происходило ничего подобного, однако магическая энергия настолько непредсказуема и до конца не изучена, что можно подозревать все что угодно. А от вас требуется лишь одно: быть отдохнувшим и спокойным, чтобы эмоции не повлияли на результат.

– Я желаю немедленно услышать все подробности этого эксперимента!

– Ритуала, – строго поправил Дазвенорт.

Дичь жадно слопала наживку и сейчас ожидаемо лезла в расставленные силки, но ни в коем случае не должна была этого понять.

– Пусть будет «ритуала».

– Он очень прост. Чтобы сохранить стабильность, любое проклятие должно все время находиться в защитном магическом коконе. Поскольку после получения проклятия человек обязан постоянно подпитывать его энергией, он становится чем-то вроде живого камня-накопителя. Увы, к развитию способностей это не ведет. Почти. Но наделяет привычкой тянуть магию отовсюду: из собственных амулетов и чужих, из заклинаний и вещей. Вы не могли не заметить, что ваши амулеты все чаще требуют пополнения энергии.

– Вы хотите лишить его этой энергии? – подозрительно прищурился король.

– Всего на одну минуту. Вашему разросшемуся проклятию за это время не будет нанесено даже малейшего урона, а мы сможем просканировать находящийся внутри кокона объект и создать его точный макет. Ну, почти портрет.

– Я должен подумать и посоветоваться.

– С кем?! – Лицо мага вмиг стало надменно-оскорбленным. – Сейчас в вашем форте находятся четверо сильнейших магистров нашего мира, и мы уже провели консилиум. Но если вы считаете достойными экспертами халгирских недоучек, нам не о чем больше с вами говорить.

Звен развернулся и решительно направился к выходу.

– Ладно, – неохотное бурчание донеслось до магистра, когда он уже взялся за дверную ручку, – я согласен.

– За вами придут, – не оглядываясь, холодно обронил Звен и с достоинством вышел из трапезной.

Одиннадцатое светозарня

Королевский форт «Скальный»

Дилли

– Я так и не заснула! – Литта виновато глянула на сестру – вот зачем она ей жалуется?

Вряд ли сама Дилли поспала хоть немного... или кто-то из магов. Не говоря уже о его величестве. Но короля Звен нарочно предупредил заранее, собираясь довести до «стадии готовности», как выразился Ланс. А вот все они страдали за компанию и теперь просто мечтали разделаться с этой проблемой как можно скорее.

– Ничего, – бледно улыбнулась ведунья. – Отоспимся, когда поплывем назад. Ты мне другое скажи...

– Стой! – выставила ладошку младшая. – Ни слова больше, если хочешь спросить, почему он стал таким уттивым и безразличным!

– Я вообще-то спрашивать не собиралась, но мне грустно смотреть на тебя, когда ты такая.

– Мне самой это не нравится... – Чижик отвернулась к узкому окну, постояла, всматриваясь в непроницаемую мглу, и тихо выдохнула: – Вот почему я такая несчастливая? В мать?

– Литя! – возмутилась старшая. – При чем тут твоя мать? И у кого из нас матери были удачливыми? Но это же не значит, будто нужно сваливать на них все свои ошибки и промахи? Я тебя просила: не обращай со взрослым умным мужчиной как с зеленым рыночным прохвостом! Вспомни первое правило: надо поставить себя на его место.

– Ставила, – не оборачиваясь, горько усмехнулась Чижик. – И ты права. Если бы я была сильным магом и дознавателем, никогда бы не выбрала в спутницы такую дерзкую сумасбродку.

– А теперь вспомни правило второе, – с улыбкой продолжила Дилли. – Не забывать, что и твой избранник может знать первую заповедь.

– Если так, – помолчав, обреченно признала девчонка, – у меня вообще нет никаких шансов. С его точки зрения, девушка на моем месте должна вести себя совершенно иначе: таять от внимания, краснеть от признаний, благодарить за заботу. И не требовать невозможного.

– Думаю, ты недостаточно хорошо себя поняла, когда глядела со стороны. – Подойдя к сестре, Дилли обняла ее за плечи, по-матерински погладила по голове, прижалась щекой к прохладному виску и шепнула: – И правило третье. Если чувствуешь, что просто жить не можешь без этого человека, не прячься в свой домик, словно улитка, а распахни крылья и лети, как самый беспечный мотылек. И будь счастлива. Столько, сколько повезет.

Литя возмущенно фыркнула, но вслух ничего не сказала.

Для ритуала магистры выбрали просторный кабинет лекаря, даже не подумав предупреждать его самого. И вовсе не оттого, что маги вообще не любили доверять незнакомым людям свои тайны. Просто этого знахаря привез с собой генерал Пладиз, и поскольку других целителей король не имел, Масто́н занял пост главного лекаря форта. Это насторожило Гарта и Ланса, и они поделились сомнениями со старшими магистрами. Вскоре лекаря одолела неотступная сонливость, и теперь он мирно спал в собственной постели, а в его кабинете хозяйничали гости. Сдвинули в сторону столы, поставили посередине простой дубовый табурет, обвели его призрачно сиявшим кругом, расчерченным на сектора, подписанные диковинными знаками.

Все маги были одеты в длинные, серебристые, тускло поблескивающие накидки с капюшонами, напоминавшие одеяния пустынных кочевников, и у каждого на лбу поблескивал разноцветными камнями серебряный обруч. Ведуньям тоже выдали плащи, только бледно-зеленого цвета и с изящно вышитыми защитными рунами.

– Магии в них пока нет, – предупредил Звен, – но перед началом ритуала необходимо будет напитать. Старое проклятие, потревоженное и искореженное косорукими шаманами, может хранить любые сюрпризы.

– Нам это не повредит, – попыталась отказаться Дилли, но перехватила устремленный на Литу встревоженный взгляд Ланса и неожиданно согласилась: – Ну ладно, раз вам так спокойнее.

– Дилли?! – возмутилась ничего не заметившая Литя, но сестра успокоила ее кроткой улыбкой:

– Придется немного потерпеть, нужно уметь действовать в любых условиях.

– Король идет, – сообщил дежуривший у входа Ланс и предупредительно распахнул двери.

Эршель явился в сопровождении секретаря и Тровенга, решившего лично присмотреть за изменчивым величеством.

Но сейчас король вовсе не выглядел ни сумасбродом, ни интриганом, он был бледен и серьезен. И одет в темный простой костюм, какие носили все его немногочисленные слуги.

– Мне туда? – Хмуро указав на табурет, Эршель шагнул было вперед, но у него на пути решительно встал Варгус:

– Позвольте помочь вам снять лишние вещи.

Король вздернул подбородок, сверкнув глазами, явно намереваясь сказать что-то резкое, и вдруг обнаружил стоящих за кругом ведуний. Скрипнул зубами и неохотно потянулся к

застежке. Целитель с мягкой настойчивостью отстранил его руки, сам расстегнул пряжки, сам аккуратно снял с короля верхнюю одежду, оставив, кроме штанов, лишь нижнюю рубаху.

Все амулеты и обереги, включая королевскую печать, он тоже снял, потом уверенно стащил с рук Эршеля кольца, браслеты и цепочки.

– Еще в карманах какие-то камни, – буркнул наблюдавший за этой процедурой Звен.

– И в сапогах, – едва слышно прошелестела Дилли.

– А почти незаметно, – укоризненно признал магистр. – Так вот почему он не надел туфли!

– Тут есть какие-то... – Заглянув в шкаф, Леар достал войлочные госпитальные шлепанцы без задников. – Лекарь всех заставляет разуваться.

Эршель помрачнел и молча сбросил с ног короткие сапожки.

Через минуту на табурете сидел беловолосый старец в тонкой рубахе и дешевых шлепанцах и угрюмо сопел.

– Высыпай, – скомандовал старший магистр.

Брэн, осторожно помешивавший булькающее в серебряной чаше варево, кивнул и бережно, как золотую пыль, высыпал в свое зелье какой-то ингредиент.

Забулькало сильнее, вспухла над чашей пышная рыжая пена, и маг, немедленно сняв снадобье с магической горелки, слил его в прозрачную мензурку. Теперь оно было почти бесцветным, лишь чуть синеватым, и пахло свежестью и дождем.

– Одну мерку, – командовал процедурой Звен, и его коллега так же молча отлил зелье в прозрачный бокал с делениями. – Пейте, ваше величество.

Эршель, обреченно вздохнув, принял зелье с таким видом, будто это яд, и поднес к губам.

– Смелее, оно уже холодное. И не горькое.

Король смерил его едким взором и махом, как пьют противное лекарство, проглотил снадобье. Посидел секунду, прислушиваясь к себе, тихонько хмыкнул и оглянулся на столпившихся за его спиной магов.

– Ну...

– Тсс! Посидите минутку молча.

В следующую секунду король расслышал треск ткани и с досадой стиснул зубы, запоздало сообразив, что никто не собирался смотреть на его проклятый нарост через рубаху. Вот теперь он сидел не шевелясь, изо всех сил пытаясь унять бушующий в его груди гнев. А тот взвивался снова и снова, стоило старику вспомнить, что на его обезображенную мерзким наростом спину смотрят и две нахальные девчонки, в открытую называвшие себя его дочерьми.

– Темный лес!.. – едва слышно выдохнула Дилли, увидев воплощение проклятия.

Оно проросло под кожей короля, растянув ее уродливым пузырем. И если бы шаманы не вспугнули спонтанное заклинание и не добавили ему энергии и плетений, сейчас вполне могло бы сойти за возрастной жирок. А теперь было безобразным уродством, от которого хотелось побыстрее отвернуться и забыть. И его величество, несомненно, это понимал – вряд ли еще не рассмотрел себя в зеркалах.

– Я не вижу в нем ничего отчетливого, – почти виновато пробормотал Варгус. – Сплошная масса.

– Я тоже, – подтвердил Звен и вопросительно глянул на Дилли: – А вам что там видится?

Но ведунья, сделав знак сестре и брату, уже шла мимо них к королю. И искренне радовалась, что старик получил порцию успокаивающего зелья, добавляющего пациенту доверчивости.

– Там что-то неправильное. – Встав напротив отца, Дилли открыто заглянула ему в глаза. – Но в любом случае ты таскаешь это уже почти год. Тогда как женщины носят детей девять месяцев. А иногда и меньше, но младенцы от этого рождаются не менее здоровыми. Поэтому тебе пора его родить, и тогда мы посмотрим, что там. Но не волнуйся, никто из нас не намерен

тебя обмануть. Обещаю, ты все увидишь своими глазами. Леар, прикажи принести серебряную посудину побольше, на кухне должна быть для заливного. И пару зеркал, поставим так, чтобы он мог рассмотреть каждое наше движение.

Серьезно кивнув, секретарь позвонил слугам, но прежде, чем открыть им двери, заботливо накинул на плечи короля свой плащ.

Через несколько минут все было готово. Эршель, молча и отрешенно наблюдавший за действиями магов, пристально уставился в зеркало. И тут же спохватился – поднял взор на стоящую перед ним Дилли и вымученно улыбнулся.

– Начинаем, – получив разрешающий кивок Звена, объявила ведунья королю. – Запомни, сейчас главный – ты. Это на твоём теле прижилось чужое, нечаянное заклятие, и из тебя оно тянет жизненную силу. Тебе нужно осознать, что так не может продолжаться вечно, пора ему от тебя отделиться. Как разделяются мать и ребенок, птица и яйцо, дерево и плод. Время пришло. Соберись и дай своему телу приказ напрячься, отторгнуть от себя созревшую сущность. Представь мысленно, как она отделяется от тебя, собирается в комок, отталкивается изо всей мочи. И сам ее отстраняй, отрывай упорно, как выталкивают из себя детей женщины. Сейчас для вас самое важное – разделиться, стать двумя свободными существами, начать жить порознь.

Дилли не особенно выбирала слова, зная точно: они будут всего-навсего фоном. Главное – это ее уверенность в своих действиях и манипуляциях магов, понимание необходимости и неизбежности избавления от проклятия.

И ведунья вкладывала во взгляд и голос всю силу своего убеждения, всю веру в правильность происходящего, все умение увещевать и доказывать. Ловила взор Эршеля напрямую и в отражении зеркал, когда он пытался разобрать действия магов, держала его цепко, как ускользавшего воришку, и на все лады повторяла одни и те же доводы и аргументы.

А магистры, объединившись, осторожно и неспешно, но неуклонно отделяли присосавшееся проклятие, даже не сомневаясь, что просто так оно не сдастся. До последнего будет держаться за носителя цепко, словно впившийся в кожу кровожадный клещ или выросший на тонкой березке уродливый гриб чага.

Дилли не знала используемых ими заклятий, но видела и призрачные фиолетовые языки странного тумана, плывущие от Звена, и зеленоватых змеек целительной магии, вьющихся вокруг пальцев Варгуса. И явно защитные плотные синеватые коконы, выросшие вокруг всех присутствующих. И хотя ведуньи не опасались проклятий, Дилли была благодарна спутникам за заботу.

Можно, конечно, получив сочащийся злой магией комок чужой ненависти, поднять на защиту скрытые способности своего тела и смыть с себя водой все чуждое и агрессивное. Но гораздо легче просто делать свое дело, не следя за каждым, кто может походя стряхнуть на тебя свои недобрые эмоции. Иногда осмысленно, но зачастую просто так, походя.

Ведунья хорошо запомнила первое такое нападение. Тогда соседская девчушка, считавшаяся ее подружкой, окинув взглядом новое платье Дилли, вдруг метнула в нее неосязаемый пучок переливающихся багрянцем и зеленью игл.

– Способности у нее ведьминские, – огорченно ворчала потом Ясвена, помогая дочери снять последствия спонтанной порчи. – Небольшие, но вкупе с неустойчивым, буйным характером дают такие вот выбросы.

Дилли тогда ничего не поняла, но тренировать и развивать способность управлять своим телом стала еще упорнее. А подружку вдруг забрала гильдия знахарей, пообещав, что она сможет постичь ремесло предсказательницы.

– Больно... – вдруг процедил сквозь зубы Эршель, и к нему тотчас ринулся Варгус. Положил на плечи короля сиявшие зеленью руки и ушел взглядом в себя.

– Потерпи, – почти ласково попросила Дилли и с печальной усмешкой упрекнула: – Ты же слышал, что женщины рожают детей своих в тяжких муках? Только наверняка никогда не задумывался, зачем им это так нужно.

– Ну и зачем? – едва сдерживаясь, чтобы не застонать, прорычал Эршель.

– Любовь, – коротко вздохнула она. – Хочется знать, что будет жить на свете маленький

человечек, похожий на твоего любимого. Тот, в ком соединятся мечты, надежды и судьбы.

– А деньги? – с презрением скривился король.

– Какие деньги? Вот ты сколько отдал бы, чтобы не таскать целый год на животе эту штуку? И не терпеть сейчас разрывающей тело боли? А за сколько хотел купить покорность нашей матери? Однако она предпочла сама пахать землю и сажать фасоль, но не отказалась от нас.

– Ей я предлагал все, – огрызнулся король и не сдержал стона.

– Вот и подумай, как больно и обидно было ей, – прикрикнула Дилли, – если Ясвена предпочла от тебя сбежать! Да не переставай отрывать от себя эту напасть, если не хочешь мучиться сутки или двое, как некоторые женщины.

– Сутки?! – В голосе Эршеля прорвался невольный ужас. – Ты лжешь...

– Нет. Вот все закончится, отведу тебя к повитухам, пусть расскажут и покажут, иначе ведь не поверишь. И откуда в тебе столько недоверия?

– У-у-у!!! – замычал от боли явно пытавшийся что-то сказать король и вцепился в стул так крепко, что на бледных руках вздулись синие вены.

– Не терпи, отрывай его от себя, помоги магам, – кусая губы от сострадания, уговаривала, приказывала Дилли, но Эршель, казалось, ничего уже не слышал.

А за его спиной разворачивалось настоящее побоище. Маги уже опутали проклятие сложной сетью различных щитов и, постепенно стягивая ее у самой спины пациента кольцом, тянули прочь. Но магическая система, ощутив потерю устойчивой опоры и источника тепла, упорно стремилась отвоевать потерянные позиции. Нужно было оторвать ее так, чтобы не добавить ни капли энергии.

– Давай приманку, – скомандовал Звен, и в руках Брэна возник светлый шар размером с человеческую голову, даже издали выглядевший горячим. – Ближе!

Шар подплыл почти вплотную к стиснутому в щитах пузырю бледной, натянутой до полупрозрачности, кожи, и в тот же миг в щитах появилась круглая прореха, словно оконце открылось.

– Отрывай! – повелительно рявкнул Варгус.

Даже Дилли не сразу поняла, что это было командой вовсе не для Эршеля. Вернее, не для него одного. Маги вмиг напряглись; заискрили, сталкиваясь, разноцветные потоки магии; отчаянно замычал король, прикусив какую-то деревяшку... И вдруг смолк, покачнулся, безжизненно свесив голову, и Дилли тотчас оказалась рядом с ним, вцепилась в ворот расплосованной на спине рубахи, притянула к себе, прибавляя рукам силы.

– Еще! Еще! – рычал Звен, и все четверо магов, оставив короля заботам ведуньи, удвоили усилия, словно не замечая, как все жарче становится в комнате и все сильнее пахнет грозой.

Стиснутый сетью нарост, уже вытянувшийся, как верблюжий горб, и заметно истончившийся у основания, вдруг потянулся, как живой, к маняще пылающему шару. Щиты мгновенно разошлись на его самой выступающей части и соскользнули вниз, к телу короля, все сильнее стягивая сужающуюся перемычку, как стягивает винодел горло бурдюка.

– Ап! – прозвучал короткий приказ, и Варгус чиркнул по натянутой, будто барабан, коже магическим лезвием.

В комнате остро пахло болотом, и тут же в большую салатницу плюхнулось что-то тяжелое и мокрое. Дилли крепко зажмурилась, не желая потом несколько лет видеть во снах этот кошмар.

Коротко всхлипнула у плеча старшей сестры Лита, и Леар тотчас обнял сестренку, прижал к себе, пряча на груди ее залитое слезами лицо и приговаривая какие-то утешения. Совсем как в далеком детстве, когда спасал маленького Чижику от злой крапивы и нахальных кур, вырывающих пирожки из детских ручек.

– Накрой щитом! Отставь в сторонку! – Команды сыпались, как горох из дырявого мешка. – Отрезай, я почищу... Варгус, сюда!

Воздух в комнате посвежел, потянуло ароматом луговых цветов, видимо, кто-то из магистров позаботился, и Дилли заставила себя открыть глаза. Чижики рядом уже не было, остался только Леарон, но, оглянувшись, ведунья обнаружила сестру в совершенно неожиданном месте. Лита сидела на скамье, а рядом, откинувшись на стену, замер с закрытыми глазами Ланс.

Младшая ведунья задумчиво водила по его лицу пальчиком, явно забыв, что за ней может наблюдать целая компания людей, еще недавно бывших ведуньям не только чужими, но почти врагами. Однако никто в ту сторону не смотрел, наоборот, старались даже голову не поворачивать.

– Что с ним? – спросила Дилли у мужа, но ответил ей Варгус:

– Погибая, любое спонтанное образование обычно испускает всю накопленную грязную или злую ментальную энергию. Примерно такую, какая его и породила. И ее лучше не использовать, а собрать в щит и оставить очищаться естественным способом. Но тут очень тесно, мы решили не рисковать. Ланс собрал ее в сферу и забросил подальше в море, а это очень затратное заклинание. Теперь ему нужно выспаться и хорошо позавтракать.

– И всем нам тоже, – буркнул Брэн.

– Согласен, – заявил Гард, подходя к жене, и кивнул на короля: – Ему тоже необходимо отдохнуть, может, устроить в соседней комнате?

– Нет, – резковато ответила Дилли. – Я ему пообещала, что он увидит свое проклятие. Где оно?

– Вон, – кивнул Звен, испытующе рассматривая ведунью, словно впервые видел. – И тебе не жаль его будить?

– А тебе обязательно меня проверять? – вздохнула ведунья. – Лучше поторопись. Я тоже устала, еще и силу себе добавляла, чтобы его удержать.

– Прости, – маг, похоже, раскаивался всерьез, – просто хочется знать, насколько мы совпадаем во мнениях.

Варгус поднес к носу Эршеля какой-то флакончик, резко запахло нашатырем, и король, отбиваясь, замахал руками:

– Убери эту гадость!

Распахнул глаза, огляделся, остановив взор на державшей его за ворот Дилли, и, словно забыв про нее, уставился в зеркало.

– А где... – зашипел встревоженно, рассмотрев свою забинтованную спину.

– В тазике, вон у окна, – устало сообщила ведунья. – Сам дойдешь?

– Я помогу, – перехватил короля Леар. – Спасибо, Анди.

– А по уху? – вдруг по-мальчишески задиристо осведомилась она.

– Не нужно, исправлюсь, – засмеялся он обезоруживающе и потянул короля на себя, помогая подняться со стула.

– Вы росли вместе? – отстраненно заметил его величество и пошаркал к окну, недоверчиво дергая плечом, как будто ожидая, что на спину снова обрушится привычная тяжесть.

Подошел к вазе, рассмотрел накрытый щитом некрасивый клубок грязно-желтых нитей, плавающих в окрашенной королевской кровью жидкости.

– А можно открыть?

– Не стоит, – тихо предупредил секретарь. – Оно нехорошо пахнет. И оно не живое...

– Это просто обиталище для проклятия, результат варварских шаманских ритуалов, – устало потер переносицу Звен. – Чуда не случилось. А вам нужно отдохнуть, ваше величество, у вас теперь вся спина в шрамах.

Двенадцатое светозарня

Королевский форт «Скальный»

Гард

Многолетняя привычка спать и есть не когда захочется, а когда появляется возможность, иногда наверстывая упущенное, иногда впрок, в этот раз сослужила Тровенгу не лучшую службу. Он проснулся только к обеду и, обнаружив исчезновение жены, первым делом потрогал постель. Обычай, заведенный Гардом недавно и грозящий перерасти в самую упорную привычку. И огорченно вздохнул. Место рядом с ним успело остыть так основательно, словно еще недавно здесь не спала женщина, так неожиданно ставшая для него самой нужной и родной.

Торопливо умывшись и накинув обыденную одежду, Гард вышел в прилегающую к спальне гостиную и замер, рассматривая расположившуюся за обеденным столом компанию. Однако, к его смутному разочарованию, никакой еды перед сидящими не было. Его жена, Лита и Леарон стремительно передвигали по не покрытой скатертью столешнице какие-то мелкие предметы. Заинтригованный их действиями, регент подошел ближе и усмехнулся, обнаружив, что они просто играют. Тонкие квадратные пластинки мореного дуба с выгравированными изображениями мелькали с такой скоростью, что ему не удавалось рассмотреть ни одной картинку, а игроки умудрялись меняться, не путаясь в очередности и одновременно составляя перед собой единую табличку.

– Доброе утро, – с улыбкой оглянулась его любимая. – Мы сейчас закончим.

И действительно, через несколько мгновений Чижик, издав победный клич, подняла перед собой руки, показывая, что у нее не осталось ни одной пластинки.

– Доброе утро, зять! – закричала она весело. – Можешь меня поздравить! Я обыграла этих монстров.

– Я давно не тренировалась, – с доброй усмешкой смотрела на нее Дилли, – но даже не ожидала, что у Леара найдутся пикты.

– Купил случайно в лавке антиквара, – с легким смущением признался бастард, приветственно кивнув Тровенгу. – Вспомнил, как мы дома вечерами играли...

– Теперь всю дорогу будем играть, – уверенно пообещала Дилли.

– Какую дорогу? – внешне небрежно осведомился Тровенг, наблюдая, как ловко и уверенно эти трое складывают в шкатулку пикты, накрывают стол скатертью и начинают переносить на него из дубового, потемневшего от времени буфета тарелки с едой.

– В Эсмирт, – остановившись напротив него, тихо произнесла Дилли.

Тровенг смотрел на жену молча, уже понимая, что поступить иначе она просто не могла. Вот если бы Эршель был один, Дилли, возможно, не пожелала бы ему помогать, но оставить Леарона она просто не сможет. Досадно лишь, что жена не сочла нужным посоветоваться с ним.

– Гард... – шагнув ближе, почти вплотную, тревожно заглянула ему в глаза ведунья, – если тебе это не нравится, мы вернемся домой. Лита и сама справится, но Ланс и Брэн все равно поедут с ней.

– Я проспал все новости, – полуутвердительно буркнул регент, чувствуя, как откатывает от сердца неожиданная и незнакомая обида.

– Это я рассказал, – признался Леар. – За завтраком спросил у магистров, помогут ли они королю вернуть власть. Мне хотелось выяснить, пока он спит.

– И что же они сказали?

– Что решение за вами.

– За тобой, – поправил его Тровенг. – Мы же договорились. И скажу сразу – для него я бы и пальцем не пошевелил бы, но раз это необходимо тебе, то поеду.

– Да если честно, – невесело хмыкнул секретарь, – мне тот трон абсолютно безразличен. Я никогда не мечтал стать принцем. И Эршелю тоже пора бы отдохнуть и немного пожить как обычному человеку. Но те, кто рвется сейчас к власти, прикрываясь сидящим на троне комедьянтом, – просто жадные и подлые шакалы. Они за несколько лет обязательно разрушат все хорошее, что создал Эршель за время правления. Ведь он только в отношениях со своими женщинами непробиваемый дурак и упрямец, а в стране постепенно навел порядок. У нас нет нищих, не бродят по рынкам и причалам беспризорники, нет продажных судей и стражников. Да вам все это известно не хуже моего.

– «Тебе», – упрямо поправил Гард, принимаясь за еду. – Мы теперь родственники. А все это обсудим, когда Эршель проснется. Я не намерен помогать ему бесплатно, и цена будет высока. Заплатит вдесятеро за каждую булочку, не съеденную его детьми, и за каждую конфетку.

– Да ели мы конфеты, счастье мое! – засмеявшись, прильнула к его плечу Дилли, но Тровенг заметил растроганный блеск ее глаз и понял, что попал в больное место.

– Ну и ладно, – согласился он так покладисто, как и не ожидал от себя. – Но все равно стребую полной мерой. За жадность и жестокость нужно наказывать.

– Да у него, скорее, недопонимание и недоверчивость, – тихо произнес Леар. – И я, кажется, знаю, кто в этом повинен. Его тетушки – те самые, которых приютила королева-мать. Они почему-то очень боялись, что он женится по любви и станет слушать свою супругу. И с детства запугали его страшными сказками про наглых, пронырливых и меркантильных фрейлин и беловшеек, которые способны только заморочить мужу голову и потом менять любовников как перчатки. Ведь если девушка не устояла перед его обаянием, то не устоит и перед другими. Брать в жены нужно только принцесс, они-де самые стойкие и порядочные.

– Но он ведь давно не наивный мальчик, – с сомнением нахмурился регент.

– Да, но первый опыт оказался роковым, – огорченно вздохнул Леар. – Служаночка, с которой он вступил во взрослую жизнь, была глуповата, ветрена и обожала хвастаться его подарками. Оценивая своего возлюбленного именно по ним.

– И могу спорить на сто золотых, что ее подложили ему те самые тетушки, – по-взрослому зло фыркнула Лита.

– Чижик! – в два голоса воззвали к ней Дилли с Леаром.

– Ох, только не начинайте меня воспитывать, – огрызнулась девчонка. – Я на рынке и не такого наслушалась. Но ко мне не прилипает, спасибо матери.

– Благодарю, мама, – серьезно подняла глаза к небу Дилли, повернувшись в ту сторону, где находился Брагод, столица свободного Онзирского княжества.

– Спасибо, Ясвена, – прижал руку к сердцу Леар. – Иначе я бы не выдержал. Приказал бы поварам убрать всю еду и наварить гороховой каши.

– Нет, вы посмотрите! – возмутилась девчонка. – При встрече он меня даже не узнал, а про кашу за столько лет не забыл!

– Узнал я тебя, – со смешком успокоил сестру секретарь, – не переживай. Но виду подать не мог – тот гад следил. Ну ладно, гороха не будет, уговорила. Если ты расскажешь, что за странные отношения у тебя с женихом. Никак понять не могу, то ты его не замечаешь, бедняга о твои бастионы все глаза сломал, а стоит ему присесть с несчастным видом, бросаешься гладить. Неужели нельзя обращаться с человеком нормально, если он тебе так нравится?

– Леарон! – рассерженной тигрицей вскочила со стула Лита. – Вот сейчас ты лезешь своими сапогами в чужие отношения.

– Не в чужие, а в отношения моей сестры с ее женихом, – спокойно парировал тот. – И тебе хорошо известно, что я никогда бы не полез, если бы не видел, что они совершенно неправильны. Если ты не уверена в его или в своих чувствах, нечего подавать человеку надежду. Пусть идет доказывает свои намерения. А раз согласилась на помолвку, то не крути хвостом и не устраивай игры в загадочную молчунью, а ищи способ понять любимого мужчину и договориться. Поверь, мы не тупые, не злые и не упрямые. Мы хотим вас понимать, но хоть намек, хоть словечко, хоть шаг навстречу ты можешь сделать? Ведь идти-то нужно по пути к согласию и счастью, а ты пятишься в другую сторону.

– Спасибо, Леар, – с чувством выдохнула Дилли, – ты сказал именно то, на что я пытаюсь намекнуть уже который день.

– Ланса проверять не нужно, – посомневавшись, сдал друга Тровенг. – Я знаю его давно и даже не ожидал, что он способен так влюбиться. Но говорю это не ради того, чтобы его похвалить. У Ланса еще и железная воля. Если он, например, сочтет, что девушке будет без него лучше, то ничто не заставит его изменить это решение.

– Вы... вы... – зло сузив глаза, прошипела Лита со жгучей обидой, – ничего не понимаете! Дело не в том, как я к нему отношусь! А в том, как он ко мне! Он ведь с первого дня принялся мной командовать, как своим курятником! Сюда не гляди, туда не ходи! А мне такого счастья и даром не надо! Я – ведунья и не смогу жить в рабстве!

Гард хотел было сказать: «Ну какое же это рабство, когда о тебе беспокоятся и стараются защитить?» – но увидел, как разом помрачнели лица его жены и Леара, и проглотил едва не сорвавшуюся тривиальность. Лишь в этот миг сполна осознав, как сильно ведуньи отличаются от обычных женщин.

Да и ведуны тоже, судя по Леару. Нет, не внешне и не поведением. А незаурядным чувством собственного достоинства, обостренным восприятием несправедливости и особенной чуткостью к малейшим попыткам ущемить их свободу.

Значит, он и сам должен бдительнее следить за своими словами и действиями, подавлять естественные порывы спрятать любимую женщину в высокую башню и на всякий случай закрыть решетками все окна. Иначе придется шпионить за женой как Эршелю и издали следить с тоской, как растут без него его дети.

– Леар, – произнес он вовсе не то, что собирался минуту назад, – ты ведь все время был рядом с королем и знаешь больше других. Неужели он не подозревал, что у него есть ребенок?

– Не мог он ничего подозревать, – искоса глянув на притихшую Литу, пояснил секретарь, – потому что вспыльчив и обидчив. И когда Ясвена сбежала, запретил всем даже имя ее упоминать. Только года через три сообразил, насколько смешон был этот приказ. Все и сами вскоре забыли про его неудачливую возлюбленную, только на него самого этот запрет не подействовал...

Его пояснения прервал стук в дверь, и все насторожились. Ночью, когда они устало расходились по комнатам, Гард объявил наступающий день праздником, запретил всякие заседания и настоятельно посоветовал его не тревожить.

– Ваша светлость, – скромно потупив взор, промямлил королевский камердинер, – его величество проснулся и приказал королевскому фрегату готовиться к отплытию. А меня послал узнать, соблаговолите ли вы его сопровождать?

Тровенг и его новые родственники на несколько секунд застыли, огорошенные королевской наглостью, затем, переглянувшись, поднялись с мест дружно, словно по команде.

– Где он?

– В своих покоях, – учтиво сообщил камердинер и опасливо предупредил: – Но велел сказать, что никого не принимает.

– Спасибо, – голос регента скрипел, как замороженное дерево на ветру. – Иди на кухню, вели подать чай в королевскую гостиную. На всех нас.

– Но...

– Я кому сказал?!

Старичок съехал и побежал к лестнице, все сильнее втягивая в плечи голову под прицелом провожающих его взглядов.

– Ланс! – окликнула Чижик мага, неведомо как отыскав его в одной из ниш. – Идем с нами.

– К Эршелю?

– Да, – кивнул Гард, лишь в этот миг сообразив, что о намерениях короля они узнали далеко не первыми. – Как это восприняли твои коллеги?

– Пока никак. Ждем твоего решения. Мы же послали к вам Леарона.

– Они не захотели меня будить, – пояснил Тровенг, подавив вздох.

Едва в кои-то веки позволишь себе денек отдохнуть, как тут же появляются срочные дела и непредвиденные проблемы.

– Тогда я их позову. – Ланс приостановился, доставая сигнальный амулет, и Лита замерла рядом с ним.

Остальные поспешили побыстрее уйти, очень надеясь, что Чижик осознала свою неправоту и не собирается окончательно разругаться с женихом.

Магистры появились у королевских покоев почти одновременно с Тровенгом и, не задерживаясь ни на миг, направились к двери, у которой, угрожающе выставив вперед обнаженные мечи, стояла шестерка воинов из личной охраны Эршеля.

– Его величество никого не принимает... – уверенно заступив незванным гостям дорогу, попытался остановить их командир охраны, но вдруг как-то сник, словно забыв, кто он и что тут делает.

Вяло вложил меч в ножны и побрел в сторону караулки, глядя в никуда остекленевшими глазами.

– Быстро все за ним! – тихо и властно приказал Варгус, и воины, бледнея, попятились, словно увидели нечто ужасное.

Через несколько секунд дверь караулки захлопнулась за последним из охранников, и целитель с усмешкой бросил в нее что-то невидимое.

– Что ты решил? – осведомился Дазвенорт, обернувшись к Тровенгу.

– Плыть в Эсмирт. Эршель, конечно, не подарок, но я предпочитаю иметь в соседях его, а не кота в мешке. Да и должок хочу получить. И вашему ковену, по-моему, не помешает какой-нибудь замок на побережье, где можно тренировать молодых магов и зимой.

– Мы с тобой, – невозмутимо кивнул Звен и изумленно покосился на появившегося Ланса.

Дознаватель бережно вел под ручку кротко улыбающуюся Литу, но выглядел не столько счастливым, сколько глубоко озадаченным.

– На двери висит запирающий амулет, – предупредил Звен и спросил неизвестно у кого: – И где он только достает такие вещицы?

– Я соберу магию, – предложил Ланс и, аккуратно отцепив ручку Литы от своего локтя, попросил: – Подожди меня тут.

Все невольно затаили дыхание, ожидая чего угодно, только не покорной девичьей улыбки. Но Чижик поступила именно так, как просил жених. Кротко кивнула в ответ и безропотно замерла на месте.

– Нам не пора спасаться? – в шутку спросил у жены Гард и ошеломленно смолк, поймав ехидный взгляд Леарона.

– Рано, – мстительно буркнула Лита и тотчас поджала губы, заметив понемногу открывающуюся дверь.

– Вот, – Ланберс протянул Звену цепочку с камнями. – Халгирская штучка.

Гард направился к двери, но магистр его опередил:

– Я первый. Возможно, это не последняя подобная игрушка. Меня всегда изумляла доверчивость знатных лордов и правителей, скупающих подобные амулеты у всяких проходимцев. Вроде взрослые и умные люди, а, как самые наивные пастушки, верят всему, чего ни нальют им в уши полуграмотные шаманы.

– Я все слышу, – распахивая дверь, недовольно пробурчал Эршель.

– Я это знаю, – хладнокровно сообщил Звен, – и специально говорю погромче.

– У вас дурные манеры. – Король снова был не в духе. – Разве вы не получили сообщение, что наше величество никого не принимает?

– Ваше величество еще в шоке после проведенного ритуала, – спокойно заявил Звен, – и мыслить адекватно пока не может, поэтому не имеет права обвинять кого-либо из нас в отсутствии воспитания. Поскольку ваше величество все еще является нашим пациентом и не получало позволения вставать с постели, мы будем навещать его столько раз, сколько сочтем нужным. И в таком составе, какой нам покажется необходимым.

С минуту король сверлил нежданных гостей негодующим, пронзительным взглядом, однако так и не сумел никого смутить.

– А где мой камердинер? – подозрительно поинтересовался он наконец.

– Отправился за чаем, – пояснил Звен хладнокровно, незаметно освобождая карманы и шею короля от грозди подвесок и амулетов.

Сложил все в появившуюся в руках Брэна шкатулку и облегченно вздохнул. Эршель был весьма неплохим королем и вполне разумным человеком, но совершенно не терпел вмешательства в собственные планы и решения. А как раз именно это магистры и собирались сейчас сделать.

– Мне не нужен чай, – огрызнулся король, но Звен был непрекаем:

– И это мне известно. Вашему величеству требуется перевязка и постельный режим.

– Мне уже сделали перевязку, – непримиримо отказался Эршель и демонстративно сложил руки на груди.

– И кто же осмелился? – Вот теперь в голосе магистра прорезалась леденяще-бешеная ярость.

– Я, – пробормотал вошедший камердинер и, побелев, попятился: – Но хозяин приказал! Я не мог послушаться!

– А думать тебя не учили?! Или специально выбрали из всех слуг самого тупого и услужливого? Так вот, чтобы поумнел, походи до заката немой и черным.

Темное облачко сгустилось над головой ошеломленного старичка и пролилось на него мелким, морозящим дождиком. Кожа и волосы, одежда и обувь, даже поднос, который он держал в руках, мгновенно стали цвета воронова крыла.

– Это... это наглость! – Король захлебнулся праведным гневом, но в следующий миг охнул и стиснул зубы, обнаружив, что уже не стоит на месте, а легко летит в свою спальню, словно гонимое ветром перышко.

– Это не наглость и не демонстрация силы или возможностей, – голос магистра снова был спокоен и ровен, – а единственный способ доказать вашему величеству, насколько вы заблуждаетесь, пытаясь обращаться с нами так же, как с вашим несчастным камердинером. Мы не ваши слуги и даже не гости. Здесь мы – свита, сопровождающая лорда Гарданта Тровенга, регента Онзирской княжны и правителя свободного княжества на ближайшие пять лет. И за ваше избавление от проклятия мы взяли по просьбе регента и его супруги, леди Андилианы Тровенг. Поэтому, пока мы не сочтем ваше величество полностью оправившимся, способным рассуждать здраво и спокойно, вы будете лежать в кровати, и никто, кроме нас, не имеет права прикасаться к вашим шрамам. Мы не желаем потом выслушивать упреки в неумении, если по вине некомпетентных личностей на вашей коже останутся некрасивые рубцы.

Эта нотация сопровождалась наглядными действиями. С короля, несмотря на сопротивление, сползли камзол и рубаха, а за ней и сапоги. Штаны королю маг оставил, зато примостил его величество вниз животом на рабочий стол, небрежно смахнув оттуда все бумаги и письменные принадлежности.

Легкий ветерок, которым магистр управлял мастерски, как живописец кистью, развязал неумелые узелки новых повязок и бережно скользнул между ними и телом пациента. Нарезанные из батистовых рубах лоскуты сползли с королевской спины как живые, открыв взору лекарей испещренную шрамами кожу, густо покрытую сероватым снадобьем.

Дилли с мужем и Литой, едва сообразив, чем собираются заняться их спутники, отошли подальше и устроились в стоявших у окна креслах.

И, стараясь даже не смотреть в сторону магов, все же внимательно прислушивались к их разговорам.

– Чем это намазаны раны? – возмущенно осведомился Варгус, осторожно снял на стеклянную лопаточку каплю мази и принюхался. – Ваше величество! Если вы не будете отвечать, исцеление растянется на неопределенное время.

– Почему же неопределенное? – едко ухмыльнулся Брэн. – Луны три вполне хватит.

– Вы не осмелитесь! – придушенно прошипел король.

– Вы же отважились игнорировать мнение старших магистров ковена, взяв на себя решение тех вопросов, в которых совершенно несведущи? – жестко прикрикнул Звен. – И даже не удосужились дожидаться обычного осмотра или хотя бы спросить у нас как у ваших лекарей советов и рекомендаций.

– Мне с вами за сделанное рассчитаться бы, – желчно буркнул король. – Ну, допустим, замок у моря найду, еще все долги князя прощу, а там тысяч на пятьсот. Но больше не потяну.

– Я был прав, у вас есть возможность подслушивать наши разговоры, – устало произнес Тровенг, понимая, куда гнут маги. – Но насчет своих возможностей вы глубоко заблуждаетесь. Замок и долговые расписки имеются у короля, а вы пока для своих бывших подданных – не король, а самозванец. И если сейчас приплывете на пристань Эсмирта, то в лучшем случае станете узником. Но, боюсь, готовиться вам нужно к худшему. Ваш двойник вошел во вкус... или его кукловоды вошли, не это главное. Теперь трон придется отвоевывать, а без нашей помощи – это будет очень трудная и кровопролитная кампания. А мы не полезем во дворец напролом, не подготовив точный план и не просчитав всех тонкостей. Поэтому вашему величеству придется с нами договариваться, даже если это вам претит.

Король молчал, как и его камердинер, но магистры ждать не собирались.

– Так где ты взял эту мазь? – строго глянул на слугу Варгус. – Говори, я разрешаю.

– Мастон оставил, главный целитель, – всхлипнул старичок.

– Зачем?

– Мазать спину от опрелостей.

– Самозванец ваш Мастон, – презрительно фыркнул магистр. – Скупил у травниц самые дешевые мази и даже не удосужился выяснить, от чего они.

– Позволь, я гляну, – не выдержала Дилли и направилась к столу.

– Нет! – отчаянно закричал король. – Не подходи! Сидите там, а лучше подождите в другой комнате! Я прошу...

Последние слова Эршель прошептал с вымученной болью, и именно этот тихий, безнадежный шепот заставил ведунью остановиться.

– Ладно, – согласилась она, – мы выйдем. Лита, идем.

– Только ты уж тут не капризничай, – проворчала Чижик, направляясь к двери, и неожиданно для всех добавила: – И освободите этого старичка, не могу я на него такого смотреть.

– Хорошо, – согласился Звен, – раз ты просишь.

Что-то шепнул и отвернулся, а старый камердинер, обнаружив, что его руки обрели истинный цвет, всхлипнув, бросился за девочкой, которую до этого момента считал самым ненужным и незначительным человеком в свите регента.

– Зря ты его пожалела, – хмуро хмыкнул вслед Чижику Леар. – Этот одуванчик мне не одну пинту крови попортил.

– За что? – мгновенно остановившись, развернулась к нему девочка.

Старик едва успел замереть на полушаге, чтобы не врезаться в свою благотельницу. Зато напоролся на вмиг ставший ледяным взгляд ее прищуренных зеленых глаз и обмер, проклиная про себя наглого секретаришку, умудрившегося втереться в доверие к повелителю.

– У него спроси, – дернул плечом Леар. – Откуда мне знать? Но кто только меня по его милости не проверял и не допрашивал.

– А в чем обвиняли? – насторожилась Лита.

– Проще сказать, в чем не обвиняли, – отмахнулся бастард. – Да и леший с ним, пусть уже бежит, куда бежал.

– Нет уж, – не согласилась, вернувшись к двери, Дилли. – Вот теперь и мне интересно. В чем можно обвинить человека, который отлично делает свою работу, не пьет и не дебоширит, не лжет и не ворует?

– В шпионаже, – моментально сообразил Гардант и пояснил присутствующим свой вывод: – Слишком правильных людей всегда подозревают в самых ужасных намерениях или скрытых пороках. Шпион, колдун или вор, подбирающийся к казне, – вот первое, что подумают в таком случае слишком бдительные слуги. Была бы принцесса – его заподозрили бы в намерении влюбить девушку в себя и скомпрометировать, а если королева – то обольстить. И постарались бы сделать все, чтобы вывести «негодяя» на «чистую воду». Начали бы писать доносы, наущничать, подставлять и всячески вредить. Могу представить, Леар, сколько раз тебе пришлось доказывать свою невиновность, сколько допросов и расследований ты вынес. Ко мне князь начал придирааться только в последние годы, и то я уже собирался оставить к змеям эту должность. А ты терпишь уже восемь лет.

– Меньше, – поправил бастард. – Два года я работал посыльным и писарем. Но там меня хвалили.

Последние слова он произнес очень тихо и, явно пожалев о собственной откровенности, торопливо направился к выходу.

– Беги уже, куда бежал, – презрительно прикрикнула Лита на камердинера, растерянно хлопавшего выпцветшими глазками. – Да не попадайся мне под ноги!

Двенадцатое светозарня

Королевский форт «Скальный»

Дилли

– Скажи честно, – испытующе смотрела на брата ведунья, – ты ведь специально устроил это представление?

– А я и не собирался тебя обманывать, – улыбнулся Леар, но в его глазах отчетливо сквозили тоска и усталость. – Конечно, не случайно. Я во дворце давно уже отучился говорить то, что думаю на самом деле. Да и вообще скоро разговаривать разучусь. Только «да, ваше величество». Он ведь лишь здесь, когда прижало, начал немного разговаривать по-человечески. А уж о том, каково приходится живущим рядом с ним людям, и вовсе никогда не задумывался. А Фуск, камердинер этот, постоянно крутится возле короля и понемногу стучит на всех. Но по-разному: кого похвалит, кого осудит. А меня невзлюбил, поскольку я не собирался перед ним лебезить, вот и пытался всеми способами выжить. Сначала я надеялся его переубедить, потом держался, не желая бросить короля в беде. Но если он снова сядет на трон – уйду. Только не к вам, не хочу навести на ваш дом его ищеек. Буду просто иногда навещать – инкогнито.

– Неужели он такой мстительный? – задумалась Лита. – Но чем он может нам насолить?

– Много чем, – нахмурился Леарон. – И никогда не уgomонится. Я его изучил. Рассудительный и незлой человек, пока что-то не взбредет в голову. Тогда спорить с ним бесполезно.

Дилли взглянула в окно и вздохнула. Да, короля переубедить почти невозможно. Сегодня они и сами в этом убедились. Никому, даже магистрам, не удалось его уговорить остаться в надежном убежище еще хоть на пару дней, пока окончательно поправится здоровье. Эршель был неумолим.

И вот теперь они плывут куда-то на ночь глядя за королевским фрегатом, огромной белой птицей скользящим по темным волнам.

– Я вам не помешаю? – спокойно входя в собственную гостиную княжеской каюты, вежливо поинтересовался Гард.

– Разумеется, нет, – встретила его встревоженной улыбкой жена. – Так о чем тебе хотел сообщить капитан?

– С фрегата получено сообщение, – с невольным ехидством усмехнулся регент. – Просят принять на борт двоих пассажиров. Но брать кого попало я не собирался, вот и вели переговоры.

– Дай угадаю, – насмешливо фыркнула Чижик. – Родитель по нам соскучился?

– Скорее, боится, что мы тут без него сплетем заговор, – поправил ее Леарон.

– Ты настолько его не терпишь? Тогда почему не уйдешь? – Гард испытующе глянул на бастарда.

– Я три минуты назад дал сестрам слово вернуться в Онзир. Но не сейчас.

– Извини. Так вот, о переговорах. Сюда действительно хочет перейти король, ну и Варгус с ним, разумеется. Его величество спрашивал о камердинере – я отказал. Слуг здесь хватает, а места не так много. Пока совсем не стемнело, фрегат встанет на якорь, а мы подойдем с подветренной стороны. Маги обещали, что щиты удержат от столкновения.

Дилли понимающе кивнула. Без помощи магов ни один здравомыслящий капитан не решился бы в такую погоду на подобный маневр. Однако муж явно собирался сказать им не об этом. Только почему-то начал издалека.

– Ну и где мы его поселим? – вслух задумалась Лита, со своей практичной смекалкой сразу сообразив, что именно так заботит регента.

– Мы на него не рассчитывали, и я перед ним вытанцовывать не стану. Рядом с магами есть свободная каюта, где раньше жил Ланс, – твердо заявил Тровенг. – Меня интересует другое: позволить ему сюда войти или нет?

– Я бы запретила, – вздохнула Дилли, – но нужно разрешить. Не хочется сравняться с ним в неучтивости.

– Может, отдать мою каюту? – предложила Чижик. – А я перейду в маленькую.

– А Ланс? – нахмурилась Дилли, представив, как воспримет это напарник ее мужа. – Вернется к себе?

– Там не так уж и тесно, – загадочно буркнула Чижик, словно не замечая, как озадаченно замерли собеседники. – Обижать Ланса мне не хочется куда сильнее, чем короля.

– Хм, – откашлялся Гард, обнаружив, что Дилли с Леаром не собираются прерывать упорного молчания. – Как старший родственник я не могу не спросить... Лита, а ты отчетливо представляешь, на что провоцируешь Ланса?

– Спасибо, Гардант, – смущенно потупилась девчонка, но в ее голосе сквозил едва сдерживаемый смех, – ты напомнил мне о скромности. Я очень надеюсь, что завтра утром ты не станешь меня презирать?

– Наоборот, – огрызнулся регент, сердясь на себя за совершенно не свойственную ему заботу о чужой нравственности. – Я буду счастлив, что пристроил тебя в надежные руки. И попрошу Звена провести для вас свадебный ритуал.

– Вообще-то я сама себя пристроила, – не согласилась Лита и буркнула: – А вот и они идут.

– Можно? – стукнув, открыл дверь Ланс. – Мы на подходе. Что вы решили?

– Я отдаю ему свою каюту, – опередила всех Чижик, – и переезжаю к тебе. Пойду вещи соберу. Поможешь?

– Но... – остолбенел маг и тут же спохватился: – Конечно, моя прежняя каюта как раз

свободна!

– Вот видишь, зять, – поднимаясь с кресла, с наигранной горечью вздохнула девчонка, – не сбылись твои надежды. Плоховато ты знаешь своего друга.

– Просто ты еще не успела ему сказать, что там хватит места для двоих, – не сдался Тровенг.

– Ты всерьез считаешь, что именно я должна была это говорить? – изумилась она почти искренне и, оскорбленно вздернув носик, выплыла из каюты.

– Боюсь, – окинув всех внимательным взглядом, задумчиво проговорил Ланс, – никто из вас не откажется ответить мне на вопрос, о чем вы тут недавно беседовали?

– О том, когда лучше провести для вас ритуал объединения судеб, – сообразив, что упрямая сестрица и не думала шутить, тихо пояснила Дилли. – Прямо сейчас или на рассвете?

– Когда вернемся в Брагод, – отрезал маг и вышел, хлопнув дверью.

– Я ставлю на Чижика, – серьезно сообщил Леар.

– Я бы тоже так сделала, но посмотрю, кого выберет мой муж. – Ведунья ожидающе уставилась на любимого.

– Я в сомнениях, – нежно приобнял жену Гард. – Обычно Ланс в таких делах очень несговорчив, но в этот раз я его не узнаю. И пока не в силах решить, что победит, любовь или трезвый расчет. Ведь мы едем во дворец, а у Эршеля к тому времени вполне могут появиться на Литу собственные планы. Например, выдать ее замуж за одного из кеминских принцев.

– Ты хочешь сказать, что Ланс может уступить невесту какому-то смуглому красавцу? – живо заинтересовалась Дилли.

– Я хочу сказать, что это один из сотен возможных вариантов, и не знаю пока, какой из них окажется самым верным, – очень серьезно ответил Тровенг и невесело вздохнул: – И все же надеюсь на победу Литы.

– Тогда за нее, – кивнула жена. – И пусть помогут ей светлые боги.

Момент, когда бриг добрался до фрегата и перестал бороться с волнами, все ощутили на себе. Судно стало качать намного сильнее, и если бы вещи не были прикручены к полу, а посуда не стояла в специальных выемках, все уже разлетелось бы по каюте. Гард прилагал немалые усилия, чтобы удержаться в кресле, когда оно зловеще наклонялось, готовясь выкинуть седока из мягкой пасти. И с легкой завистью, щедро приправленной изумлением, наблюдал за спокойствием сидящей рядом Дилли. Казалось, она даже не замечает яростной качки и всех сопутствующих неудобств.

И вдруг болтанка прекратилось. На несколько невероятно долгих секунд судно замерло, держась идеально ровно, словно вмиг оказалось в порту намертво принайтованным к причалу.

– Магистры установили воздушный трап, – пояснил Гард удивленно вздернувшему бровь бастарду. – Король перейдет по нему, как по коридору, не замочив сапог.

– Но разве, – засомневался Леар, – такой трап может удержать судно в неподвижном состоянии?

– А это водные канаты закрепили нас на месте, как якорями. Но ненадолго – как только король окажется в безопасности, мы уйдем вперед. Звен считает, что теперь нам незачем ждать королевские суда и показывать всем встречным посудинам, с кем мы заодно.

Леар понимающе кивнул. Он и сам давно понимал, как неправильно в их случае переть напролом.

Судно качнулось, словно слетая с горки, и снова понеслось по волнам. Вскоре дверь распахнулась, и раздался вежливый голос Ланса:

– Сюда, ваше величество! Его светлость вас ждет.

Не ожидавший такого «подарка» Гард возмущенно фыркнул, и Дилли тотчас нежно пожала

руку мужа, молчаливо умоляя не спорить с другом. «И не собирался, но нужно же хотя бы предупредить?!» – хотел ответить регент, но вслух сказал совершенно другое:

– Проходите, ваше величество, устраивайтесь. Мы пьем чай, желаете?

– Спасибо, что отозвались на мою просьбу, лорд Тровенг, – устало произнес гость и откинул с лица капюшон морского плаща.

Вот теперь Гард узнал короля мгновенно. Непонятно, когда, но он успел преобразиться. Волосы и брови пострижены и выкрашены в его родной золотистый цвет, сделав Эршеля лет на тридцать моложе. На темени красовался толстый обруч походной короны, тело затянуто в черный замшевый дорожный костюм, из-под которого виднелся ворот бледно-синей шелковой рубашки. А на груди, рядом с многолучевой звездой мощного королевского артефакта, скромно висел заговоренный медальон с государственной печатью.

Дилли с Леаром тоже рассматривали неожиданного гостя, а сам он не сводил глаз с ведуньи, вернувшей себе облик графини Тровенг. Как пояснила она Гарду – самый близкий к портрету, который по настоянию Ясвены раз в год рисовали для каждой юной ведуньи. Ведь в попытках освоить новый образ так легко потерять саму себя, хотя в юности и не осознаешь трагичности этой утраты.

– Это твое настоящее лицо? – сразу забыв обо всем, хрипловато выдохнул Эршель и сглотнул вставший в горле комок.

– Почти, – хмуро призналась она и нехотя пояснила: – Но точнее нет. Когда приходится месяцами жить под чужой личиной, себя постепенно забываешь.

– Она говорила про картины, кто-то одаренный вас рисовал... – Голос короля предательски сорвался.

– Да, – вместо Дилли сухомерно подтвердил Леар. – Каждый год. И мы сверяли с прежними.

– А выяснить во дворце ты не пытался? – забыв, что мохнатых бровей больше нет, привычно глянул исподлобья его величество и с досадой скривил губы.

– Зачем? – холодно прищурился секретарь. – Мать давно знает имена наших родительниц. Но говорила лишь тем, кого это очень интересовало. А Дилли никогда не хотела знать ее имени.

– Мне и сейчас все равно, – холодно заверила графиня. – Если ребенок не нужен матери, значит, она просто не достойна этого звания. И ты не смей ничего рассказывать, я не хочу ни знать ее, ни жалеть. У нее был выбор, как у Ясвены, но тогда она думала только о себе.

– Мне казалось, ты добрая, – помрачнел Эршель и вздрогнул от полного ярости выкрика Литы, появившейся в дверном проеме:

– Дилли – добрая, очень добрая, тебе не показалось! Она может целую ночь носить на руках больного малыша, а потом уйти на полдня в лес за целебными травами для него! Может отдать голодной нищенке последний кусок хлеба и пообедать салатом из сныти и крапивы!

– Может пять лиг тащить на себе по лесу укравшего ее князя, а потом два дня выхаживать его, чтобы получить нож в спину, – веско добавил стоящий рядом с невестой Ланс. – И многое другое. Она полностью права, отказываясь жалеть женщину, бросившую на произвол судьбы младенца, даже не попытавшись найти более достойный выход. Но даже если той даме и пришлось очень несладко, помогать должен был ты, а не твои дети.

– Вы все меня ненавидите, – горько усмехнулся король и попытался развернуться, чтобы уйти, но не смог, спеленатый магией Ланса.

– Ошибаешься, – обходя Эршеля и останавливаясь перед ним, веско возразила Лита. – Ведуньи попросту не могут быть злыми и мстительными, это разрушает людей. Мы всего лишь ценим справедливость и не выносим, когда нас обвиняют в несвойственных нам поступках. И зря ты пытаешься найти в нас присущие твоим придворным дамам черты, им просто неоткуда взяться.

Девушка смолкла и гордо вздернула нос, ожидая ответной тирады, но король молчал. И смотрел на нее как-то особенно, жадно и истово, как люди смотрят только на неожиданное чудо. Звездочет – на появление новой звезды, мореходы – на открывшийся в скалах проход, а садовники – на редкий цветок, расцветающий лишь раз в десять лет.

Несколько мгновений Лита стояла в полном молчании, затем, внимательно глянув в глаза Эршеля и резко побледнев, отступила на полшага.

– Ланс!.. – Ее полусшепот-полувскрик еще звучал в ушах присутствующих, а маг, вмиг сняв с короля путы, уже был рядом с невестой, крепко прижимая ее к себе.

– Я не... – болезненно скривившись, выдохнул его величество и заторопился: – Просто зашел поблагодарить. Спокойной ночи.

– Я провожу! – Леарон стремительно поднялся с места и поспешил к хозяину, но, поравнявшись с сестренкой, приостановился, невесомо провел ладонью по ее щеке: – Ну чего ты так испугалась, Чижик? Он ничего плохого не сделает, и мы все рядом.

– Спасибо, – взмахнула влажными ресницами Лита и шепнула: – Просто мне ничего от него не нужно.

– Никому из нас не нужно, даже Леару, – тихо, но веско подтвердила Дилли и добавила, глядя на замершего короля: – Спокойной ночи, ваше величество.

Четырнадцатое светозарня

Мыс Прит, Хазретский замок

Дилли

Мир тонул в густом, промозглом тумане, надежно прятавшем даже стоявшего на расстоянии вытянутой руки Ланса. Все остальные и подавно безвозвратно затерялись где-то в этом безбрежном океане молочного пара, давая знать о своем существовании лишь негромкими, глухими фразами:

– Лево руля... еще лево... право, прямо...

Дилли понимала, что он как-то определяет направление, но не могла поверить тому, чего не видела сама.

И потому лишь теснее прижималась к мужу, крепко держащему ее за талию.

– Не волнуйся, – шепнул ей на ухо Гард, обдавая шею теплым дыханием, – они видят дно.

Ведунья лишь сильнее прижалась щекой к его груди, мысленно благодаря магистров, сумевших увести бриг от трепавшего их почти двое суток шторма. Здесь, на востоке, он пронесся сутки назад, и теперь океан был покоен, как налитое в миску молоко.

– Подходим! – донеслось из тумана, и вскоре бриг сотряс легкий удар, означающий, что «Алый» достиг причала.

Где именно находится этот причал, не знал никто, кроме магов и Тровенга. Лишь капитан, хорошо знающий побережье Форандии, мог примерно догадываться, куда они пришли, но говорить этого никому не собирался.

Ланс унес Литу в неизвестность первым, за ним Леар вел короля.

– Пора! – Гард подхватил жену на руки и почти бегом сбежал по трапу в белую пелену.

Последними на причал стремительно соскользнули несущие багаж магистры, оставив на бриге Брэна, обязанного помочь судну выбраться из этой бухты и уйти незамеченным в сторону Ресны. Догнать друзей он должен был через несколько часов с помощью мощных артефактов. Отныне делегация из Онзирского княжества превращалась в партизанский отряд, вступивший на тайную тропу борьбы за возвращение Форандии законного правителя.

Тровенг уверенно шагал вслед за напарником, по-прежнему не выпуская из рук жену, и она сидела в его объятиях совершенно спокойно, не делая ни малейшей попытки освободиться. Никогда прежде Дилли даже не предполагала, насколько это приятно – ощущать постоянную заботу и защиту мужчины, которому полностью доверяешь.

Однако чуткости своему слуху все же добавила, и вовсе не из необходимости или

элементарной осторожности. Просто за последние годы, проведенные вдали от дома, привыкла всегда и везде быть в курсе происходящего.

Оттого-то теперь отчетливо слышала, как поспешный топот десятка сапог по деревянному настилу сменился шуршанием гальки, а потом – глуховатым цоканьем по камню. Затем раздалось негромкое бряцанье, словно кто-то дергал дверное кольцо, и через долгую минуту тягостного молчания раздался шорох открываемого оконца и приглушенный мужской голос.

– Зачем пришли? – безразлично справился невидимый страж.

– За диким медом с Уголенских холмов, – буркнул Звен, и тотчас послышались лязганье засовов и стук распахнувшейся двери.

– Проходите.

И снова мужчины торопливо шагали сквозь туман, бывший здесь, за каменной стеной неизвестного поместья или замка, ничуть не реже, чем на море. Даже как бы не гуще, чего Дилли совсем уж не ожидала.

А потом незваные гости дружно ввалились в просторное полутемное помещение, и туман как ножом отрезало. Дилли завертела головой, с любопытством изучая в свете разгоравшихся магических бра темный камень массивных стен, отделанных в человеческий рост дубовыми панелями. С ними хорошо сочетались темный паркет и тяжелые кресла и диваны неизменного дуба, полукругом расставленные перед огромным камином, вполне пригодным для жарки бычка. Здесь все было устроено основательно и на века. Мощные медные переплеты, обрамляющие толстые квадратики зеленоватого стекла, кованые перила и решетки на каменной лестнице и вдоль внутренней галереи второго этажа.

– Какой улов! – раздался оттуда, сверху, хрипловатый и язвительный мужской голос, и ведунья мгновенно нашла взором говорившего.

Он стоял в тени колонны, закутавшись в темный шлафрок с капюшоном, и рассмотреть можно было немного. Лишь блеск глаз да белизну тонкой кисти.

– Двое правителей, толпа старших магистров, хорошенькие девушки и настырный бастард, – перечислял хозяин этого строения. – Даже не знаю, как распорядиться таким богатством.

– Дать пару повозок и забыть, – так же язвительно отозвался Звен.

– Про повозки? – делано возмутился мужчина в шлафроке и направился к лестнице. – Как же я смогу забыть про мои любимые повозочки? А вы ведь вместе с ними еще и лошадок моих попросите?

– И лошабочек и кучерочков, – передразнил его старший магистр, – и даже корзиночку с пирожочками.

– И за все это богатство я не получу даже рассказа из первых уст о самых интересных событиях, приведших вас в мою скромную обитель? – Мужчина, остановившийся на нижней ступеньке лестницы, откровенно издевался, но маги смотрели на него с укоризной, как на забывшегося шута.

– Извини, Шайонс, но мы очень спешим, – сухо вато извинился Варгус. – Вот если хочешь, на обратном пути...

– Нет, не хочу, – вмиг становясь очень жестким и властным, прервал его Шайонс. – К тому времени об этом будут знать все. А сейчас – я один, но не за бесплатно. В придачу к каретам вы получите очень важные сведения.

Вот теперь Дилли догадалась, кого видит перед собой и куда они попали. Обитель «Хазрет» была самым странным и загадочным местом, где укрывались от жизненных тревог и суеты люди, успевшие пресытиться известностью, властью и богатством. Непонятые поэты и художники, чудаковатые алхимики и изобретатели, строгие к себе схимники, философы и прочие одиночки обоих полов. А еще маги всех возрастов и стран, не нашедшие понимания на родине.

Но самым загадочным и нелюдимым был Шайонс, уже почти полсотни лет владевший замком Хазрет, и Дилли знала один из секретов старого мага.

– Отпусти меня, – шепнула она мужу и, ловко выскользнув из его рук, шагнула к хозяину: –

Доброе утро. Мы выпьем с тобой чаю с уголенским медом, если к нему будут творожные пончики с айвовым повидлом.

– И с деревенской томленной сметаной, – мстительно добавил Леар, обиженный на «настырного».

– Не может быть! – ошарашенно взирал на него Шайонс. – Я же знаю и твою мать, и твоего отца... Так вот почему...

Он оглядел молчаливых магистров и уставился на Звена:

– Значит, вы их все-таки нашли. И как?

– Ковен особым указом взял всех ведуний под свою защиту. Безо всяких требований и условий, – с достоинством сообщил старший магистр.

– Так вот почему вы здесь такой толпой, – догадливо хмыкнул Шайонс и перевел взгляд на Литу, рассматривая ее с откровенным интересом: – И как я мог так ошибаться? Это же не просто улов, и даже не королевский улов... Это настоящий клад с драконьими сокровищами. Целая семья бастардов... или у тебя, Эршель, хватило-таки сообразительности срочно их усыновить? Да ради такого я готов забыть наши прежние разногласия и выпить мировую чарку. Молчишь? Твое упрямое величество, ты опять меня огорчаешь!

Эршель сверкнул на него уничтожающим взглядом и снова отвернулся. Он вообще молчал уже второй день и упорно сидел в своей каюте, даже когда шторм стих. Там же обедал и ужинал, отдавая короткие приказы приставленному к нему слуге. С Леаром, несколько раз заходившим в его гостиную с известиями, разговаривал ровно и кратко, с самым непроницаемым выражением лица.

– В таком случае мы сейчас идем пить чай с медом и пончиками, – объявил хозяин обители, знаком приглашая гостей следовать за ним, и продолжил, шагая куда-то в полумрак: – Для меня желание родственников – закон. Не так часто нам доводится встречаться, чтобы стремление упрямого величества снова пристроить свой зад на затертое предками жесткое кресло с высокой спинкой стало важнее. Да и не опаздывает он никуда, я регулярно получаю из дворца самые точные сведения. У меня там осталось довольно много друзей с тех пор, как учил истории и алхимии малолетнего принца. Должен сказать по секрету, никаких способностей к алхимии он не выказал, а за прошедшие годы и подавно все позабыл. Думаю, сныть от крапивы не отличит, не то что ромашку от укропа. Ну вот и пришли.

Мановением руки Шайонс распахнул широкие створки расписной двери, и навстречу гостям выплеснулось яркое и душистое смешение света, тепла, заманчивых запахов и красноречивого шкварчания жира на сковородах.

– Юдиш, у нас дорогие гости! За любого не менее сундука золота дадут, но мы друзей не продаем. Девушки желают творожных пончиков с айвовым вареньем и деревенской сметаной, томленной в печи.

– Сейчас будет, – расплылся в счастливой улыбке шустрый круглолицый повар с выбивающимися из-под колпака рыжеватыми кудряшками. – Проходите в трапезную!

– Мы лучше в моей столовой, гости стесняются, – таинственно подмигнув, пояснил хозяин и прошел в неприметную боковую дверцу. – Располагайтесь, здесь места хватит на всех. Там – выход в отдельный коридор, налево – ванны и гардеробные, направо – спальни. Я не предлагаю вам тут ночевать, но ехать на повозках такой толпой – не самое разумное решение.

– Шайонс, – оглядев уютную столовую, защищенную от прослушивания мощным заклятием, вступил в переговоры Звен, – ты же понимаешь, что мы никогда не приплыли бы сюда, если не доверяли тебе полностью. Но только тебе. Слишком многое стоит сейчас на кону, и королевская корона в этом списке важнейших вещей – самая незначительная. Впрочем, ты не можешь этого не знать. И сам понимаешь, как важно сохранить тайну. Мы вчетвером полночи поднимали этот туман и гнали его на берег, чтобы успеть добраться до Согдежа. Там у нас есть свой человек, и он уже получил инструкции. Поэтому просто дай лошадей и повозки, хотя бы одну, для его величества.

– А девушки? – спросил тот, меряя гостя задумчивым взглядом.

– Сами добежим, – буркнула Лита, наконец признавшая хозяина безопасным человеком.

Хотя ведуньи во всем доверяют сородичам, но никогда не считают излишним проверить

собственную интуицию и составить личное мнение.

– Та-ак, – изумленно прищурился Шайонс. – И эта – тоже ведунья! А кто твоя мать, девочка, знаешь?

– Конечно.

– Молчи! – вдруг рявкнул король и поспешно выступил вперед, загораживая девушку собой. – Ничего ему не говори, не его это дело.

– Вот как, – зловеще протянул хозяин замка, и в его голосе ясно послышался раскат приближающейся грозы. – Ты и ее сумел обидеть? Дазвенорт, а вы хорошо подумали, прежде чем взялись ему помогать? Ведь ему абсолютно чужда обычная человеческая благодарность, он никогда не помнит добра и не умеет отвечать тем же. Да и верит лишь сладкоречивым подхалимам, а не друзьям, не раз доказавшим свою верность. Он умудрился даже посадить вместо себя на трон самого неподходящего человека, хотя спокойно мог оставить Леарона.

– Он не знал о моих способностях, – заступился за отца бастард. – И не имел никакой причины доверять.

– Неуд тебе, принц, за проницательность и умение делать верные выводы! – строго прикрикнул на него Шайонс. – Неужели не догадывался, сколько следивших за тобой шпионов ежедневно отправляли Эршелю подробнейшие доносы? А какие только ловушки тебе не подстраивали в стремлении поймать с поличным! Но ты все их обошел, и это стало для них самым подозрительным. Вот тогда он и заинтересовался тобой всерьез – до того момента просто играл в сыщика. Его детективам пришлось потрудиться, но они все же выяснили, кто твоя мать. Но признать тебя Эршель так и не решился.

– А ты откуда знаешь? – в ответ на это разоблачение заинтересованно прищурился секретарь.

Хотя никакой тайны хозяин обители ему не открыл. Леар давно понял, что король все осознал, но ничего менять в своей жизни не собирается. Ну так это его право, и никто у него ничего не просит. Парнишка вообще отправился когда-то во дворец из тривиального любопытства и сначала просто учился выживать в толпе придворных лизоблюдов. А потом рассмотрел, как ловко некоторые из них вертят королем. Осторожно, исподволь навязывают ему собственные взгляды и мнения, и хотя далеко не сразу, но все-таки пожинают плоды своего хитроумия и терпеливости.

– И давно ли? – добавила Дилли.

– С первого взгляда, едва увидел его во дворце, – очень серьезно ответил ей Шайонс. – Я ведь упоминал уже, что учил когда-то Эршеля, и прекрасно помню, каким он был. Это придворные знают его по парадным портретам, а у меня в памяти жив тонкий светловолосый мальчишка с упрямо закушенной губой. Леарон был его копией, только волосы темнее да глаза серые, а не голубые. Разумеется, я не мог пройти мимо, все выяснил и тоже приставил к парню своего человечка. Не хотелось, чтобы старый упрямец наделал непоправимых глупостей.

– Спасибо, – проникновенно поблагодарила ведунья. – Мать очень за него волновалась. Нет, никто из нас не знал, где он, она свято хранит такие тайны, но, встречаясь с ней, мы чувствовали, о ком сильнее всего болит ее сердце.

Она обвела всех строгим взором, словно призывая проникнуться тревогами материнской души, и внезапно с укоризной сказала совершенно невозможную вещь:

– Но, прости меня за прямоту, Шайонс, ты все-таки плохой учитель. Учить учеников добру и чуткости можно лишь пока они еще дети, еще начинающие постигать сложный мир человеческих отношений. Так учат нас старшие матери. Потом наставник должен только помогать воспитаннику понять глубину сделанных ошибок и показывать путь к их исправлению. Но деликатно и доброжелательно, без насмешек и издевок. Зачем ты оскорбляешь Эршеля на глазах у его детей? Кому из нас это принесет пользу? Ты же не можешь не понимать, что таким способом ничего хорошего от него не добьешься, всего-навсего сильнее озлобишь и отвернешь от нас. Хотя мы и не нуждаемся в отцовском признании и помощи, но и враждовать нам незачем, ведь сейчас мы делаем общее дело – возвращаем народу законного правителя.

– А ты уверена, что его необходимо вернуть? – задумчиво уставился на нее Шайонс.

– Мы все уверены, – твердо объявил Звен. – Потому что не считаем историю глупой и скучной

наукой. И знаем сотни примеров, когда в различных странах свергали законных властителей. Не раз и не два орды одуроченных простолюдинов и наемников, науськанные и подкупленные жаждающими власти и золота самозванцами, врываются во дворцы и замки, сея зло и боль, и тащили по камням того, кому клялись еще вчера. И все дурни, поверившие, что с этого момента на них снизойдут золотые дожди и многие годы благодати, радовались и веселились, прыгали в экстазе и швыряли в воздух шляпы и срывали замки с королевских винных погребов. Но история всегда жестоко наказывает тех, кто не знает ее законов. И ладно бы только их. Но ведь страдали и десятилетиями, а иногда и много дольше жили в нищете, разрухе и беззаконии их дети и внуки. Вот этого допустить мы не можем, иначе вскоре толпы злых и голодных беженцев ринутся в наше княжество, предлагая дешевый труд, а также своих сестер и дочерей.

– Я ошибся сегодня в третий раз, – ничуть не рассердившись, со вздохом признался хозяин обители, – посчитав вас толпой случайных попутчиков, связанных поверхностным интересом. И готов за это расплатиться. Только не глядите так возмущенно, денег я предлагать не стану. Но помочь просто обязан. И для начала... Эршель, я ни в коей мере не собирался тебя оскорбить перед детьми. Да и, честно сказать, знал заранее, что они много мудрее напыщенных и высокомерных лордов и леди, разгуливающих по твоему дворцу, и воспримут все правильно. А теперь к делу. Пока мы тут немного побеседовали, мои люди подготовили крылет. Он у меня один, но кархи сильные и послушные, до замка, стоящего в предместьях Согдежа, домчат за пару часов. Если отправить крылетом девушек и короля, то все остальные поедут верхом, лошади у меня тоже быстрые. И мы прибудем всего через час после них. Я часто езжу туда по делам в сопровождении учеников, никому это не покажется странным.

– Я не полечу, – категорично отказалась старшая ведунья. – Пусть с Литой летит Ланс. Незачем оставлять короля без защиты.

– Спасибо, Дилли, – признательно глянул на нее дознаватель.

– Я тоже могу на лошади, – заартачилась Чижики. – Отправьте с королем Леара и кого-нибудь из магов. А мы хоть посмотрим, как здесь люди живут.

Слушая план своего дальнейшего путешествия, король мрачно сопел и все сильнее сжимал челюсти. Желваки на щеках дергались, как от укусов, но молчания он все же не нарушил. Даже когда Леар неожиданно для большинства присутствующих спокойно согласился с предложением Чижики.

– Тогда с вами полечу я, – решил Звен. – Крылет у тебя старый?

– Кто же мне продаст новый? – ехидно съязвил Шайонс и мирно пояснил: – Нельзя мне такой, сразу вон ему доложат. Но у меня и старый хорош.

– Тогда не будем терять времени, – заторопилась Дилли. – Нам еще нужно сменить внешность и переодеться. В чем ездят твои ученики?

Четырнадцатое светозарня

Замок барона Трестьера в окрестностях Согдежа

Гард

Медленно тающий туман сослужил отряду спасателей еще одну службу – скрыл их появление из потайной дверцы в замковой оgrade и прикрывал почти до самого тракта. Дорога, пересекающая королевство с востока на запад, в эти минуты была еще пустынной, и почти два часа они мчались, не останавливаясь даже на миг. Но, достигнув узкого каменного моста через неширокую, бурную речку, вынуждены были остановиться.

Навстречу двигался отряд. Его сопровождал обоз, судя по одинаковым синим мундирам всадников и возниц, – гвардейский. Едва завидев их издалека, Шайонс резко свернул к придорожной харчевне.

– Придется задержаться на полчаса, – буркнул хмуро. – Это двойник ставит в каждом городе свои патрули. Скоро доберется до Ресны. Но зато перекусим. Хозяин мне знаком, сейчас сниму комнату.

Однако даже знакомство с хозяином, побледневшим от огорчения здоровяком, не помогло получить хотя бы каморку. Всю харчевню еще вчера полностью выкупили гвардейские квартиреры.

– Не сердчайте, ваша милость, – лепетал хозяин, – даже в конюшне места нет! Но могу дать с собой корзинку, пусть парнишка подъедет к заднему крыльцу.

– Не бери в голову, Рист, – небрежно отмахнулся Шайонс, – у нас с собой есть хлеб. А водицы в речке попьем.

– Ваша милость! – чуть не взвыл здоровяк. – Ну за что же вы меня-то? Они ведь ничего и слушать не хотели! Но как переправитесь на ту сторону, не побрезгуйте, загляните в деревушке в булочную, скажите – от меня, вам весь дом предоставят.

– Посмотрим, – отъезжая, буркнул Шайонс и сделал знак магистрам.

В тот же миг в сторону Риста ушло легкое заклинание забвения, и через минуту он уже ничего не помнил о последнем разговоре с владельцем обители.

Кастовав отвод глаз, Шайонс увел отряд шагов на триста вниз по течению, под прикрытие тенистых ив. Оглянувшись на неспешно тянущуюся по мосту вереницу всадников и сердито ругнулся.

– Чем ты так огорчен? – тотчас поинтересовался смуглый и стройный кеминец, недавно бывший королевским секретарем и бастардом.

– Мне давно доложили, что преданные Дейсу воинские части двигаются от столицы к границам, беря власть в свои руки и оставляя патрули во всех городах, селах и замках.

– Разве ему хватит гвардейцев, чтобы повсюду удерживать власть?

– Патрульным придется всего лишь защищать двери городского арсенала, пока не прибудет подмога. Во всех больших городах двойник держит особые отряды егерей, набранные из присягнувших ему войск, которые только и ждут сигнала, чтобы ринуться на помощь. Кроме хорошо обученных, сильных скакунов они имеют по две-три упряжки кархов и вооружены боевыми амулетами. Дейс разграбил все королевские запасы, включая те, что начали собирать еще прадеды Эршеля.

– Так вот почему ты так ругался на его величество, – сообразительно ухмыльнулся худенький парнишка с занавешивающей лоб пышной светлой челкой, надежно скрывавшей яркие глаза Чижики. – И даже не подумал, что король сможет потом отомстить.

– Я слишком хорошо его знаю, чтобы так подумать. Ваш отец не способен на глупую месть. Он вообще далеко не дурак и не самодур, в таком случае я бы ради него и пальцем не пошевелил. Но если поверит, что поступил правильно, переубедить очень трудно. Даже если потом и осознаёт свою ошибку, для него невероятный подвиг признать ее принародно.

– Ну, это не такое уж редкое качество, – усмехнулся сероглазый смуглый парень, в котором даже Гард с трудом узнавал свою жену. – Насколько мне известно, в мире не так много людей, которые с радостью признают свои ошибки. Некоторые принуждают себя силой воли, другие сдаются перед неизбежностью расплаты или разоблачения. Но большинство все же предпочитают смолчать или сделать вид, будто ничего подобного никогда не происходило.

Ждать пришлось почти час, и это было крайне тягостное занятие, зато окупилось неожиданным подарком судьбы. К исходу этого времени к спрятанному под пологом невидимости отряду уверенно подъехал немолодой селянин и подал условный знак.

– Слава светлому духу, успел, – сообщил он голосом Брэна и нырнул под полог. – Дайте попить, я свою воду в коня влил. С зельем.

– Не спрашиваю, чего тебе стоило нас догнать, – подавая фляжку, произнес Варгус, – но не могу не сказать, как я рад, что ты успел. Тут как в лесу: чем дальше, тем крупнее мухоморы.

– Обоз проехал, – вскоре сообщил следивший за гвардейцами Ланс и предупредил: – Но возле моста остался дозор.

– Это что-то новенькое, – нахмурился Шайонс и оглянулся на Гарда: – Чуть ниже, примерно в

двух милях, есть переправа, селяне гоняют через нее скот. Но ноги намочим. Хотя высушить нам нетрудно, есть и другой способ. Накрыть всех еще одним щитом отвода глаз и кастовать воздушную тропу, тогда сможем перебраться прямо сейчас. Нужно решить, как поступим.

– После этой тропы вы не свалитесь? – уже понимая, какое решение они примут, спросила Дилли, меняя внешность. Тратить в этих пустынных местах усилия на чужое лицо не имело никакого смысла.

– Нет. Если будем держать вдвоем, то через пару часов полностью восстановимся. Но есть одна тонкость – лошади ее не увидят. Или придется тратить лишнюю энергию и создавать иллюзию. Но тогда есть риск, что тропу заметит кто-то любопытный. Заклинания иллюзии не скрываются отводом глаз или обманом зрения, так как они одного порядка.

– Значит, завяжем животным глаза и переведем, – объявила Лита, последовав примеру сестры. – Мы всегда так проходим болота.

– Какие еще болота, девочка? – изумился Шайонс. – Зачем вы туда ходили?

– За ягодами и травами, – небрежно пожала плечами юная ведунья. – Семья большая, а зима запас любит. Так ведем?

– Ведем, – выразила общее мнение Дилли и предупредила: – И не пытайтесь нам помогать. В этом деле мы сами можем вам помочь.

– Какая полезная у меня жена, – пошутил Гард и тайком покосился на необычайно молчаливого Ланса.

С тех пор как Лита поселилась в его каюте, регент не узнавал напарника. Никто не решался спросить, что между ними произошло, но парочка ничем не походила на счастливых возлюбленных. Более всего их отношения напоминали вынужденное перемирие. Они разговаривали только о самых необходимых вещах, а в остальное время даже не смотрели друг на друга, хотя Ланс упорно держался рядом с невестой. А она делала вид, будто этого не замечает.

Тровенг знал, что Дилли пыталась потихоньку поговорить с сестренкой, но та сухо ответила, что у нее все хорошо. Поэтому он даже не пытался лезть в душу к другу. Бывают ситуации, когда чужая назойливость режет сильнее, чем нож.

Магистры вскоре присмотрели подходящее место, где русло делало резкий поворот. На этом берегу росли густые кусты, почти скрывавшие крутой обрыв, а противоположный склон был покат и порос высокой травой.

Брэн встал у края, завязал лошади глаза лентой из плотного тумана и вытянул руку, словно собираясь достать что-то невидимое. Вскоре от его ладони к сорнякам на том берегу пролегла узкая, чуть поблескивающая, как тонкий молодой ледок, иллюзорная тропка. Пристально глядя на этот призрачный путь, Шайонс чуть расширил его и добавил низенькие, всего по колено, бортики.

– Вперед! Быстро!

Маги, уже замотавшие морды лошадей, разделились поровну. Вслед за ринувшимся на тропу Брэном бежал Варгус, а за ним Шайонс подтолкнул взглядом Дилли. Ведунья закрыла глаза своему коню снятым с шеи платком и держала его под уздцы так крепко, что животное даже не думало сопротивляться. Они проскочили магический мостик, не отстав от Варгуса ни на шаг, и сразу отошли подальше, уступая место следующим. Следом, тревожась более за Дилли, чем за себя и коня, так же уверенно перешел Гард. А едва догнав жену, обернулся посмотреть, как идут остальные.

– Комедьянтка, – тихо вздохнула ведунья, укоризненно глядя на сестренку.

Лита и не подумала слезать с лошади. Замотав ей морду своей курткой, девушка сидела в седле прямо, как опытный фореитор, и так же уверенно правила лошадью одними коленями, не давая ей ни на ладонь отступить от середины тропки. Ланс, ведущий за ней в поводу своего коня, был мрачен как туча.

– Дилли, а нам не стоило оставить ее в обители? – так же тихо шепнул регент.

– Вместе с твоим другом? – усмехнулась она и успокаивающе погладила мужа по руке: – Надеюсь, со временем он научится ее понимать.

– Скорей бы. Я уже мечтаю увидеть наконец прежнего напарника, – пошутил Тровенг, но, судя по звучавшему в его голосе мрачному сарказму, в этой шутке была львиная доля правды.

Шайонс проскочил мостик последним, и сразу после этого льдистая дорожка растаяла, словно мираж.

– Отходим к тем кустам, привал на полчаса, – скомандовал он властно, но никто и не думал возражать.

Все устали, перенервничали и желали перекусить. Добравшись до намеченного места, хозяин лошадей достал из вещевого мешка тончайший шелковый шатер, с невероятным мастерством раскрашенный под поросший травкой каменистый холмик. Едва маги ловко растянули его меж кустов и прикрыли легким отводом глаз, стало ясно, что Шайонс приготовился к этой поездке очень серьезно. В таком шатре можно сидеть рядом с самой оживленной дорогой, и никто не заподозрит правды. Лишь магистры и ведуньи видели бледный, едва заметный отсвет маскирующего заклинания. Кроме шатра в сумках нашлись корзины с едой, фляжки с бодрящим взваром, легкие и тонкие, но не пропускающие сырость и холод ковры, а также запас надувных дорожных подушек из пропитанного особыми смолами кеминского шелка, без каких не отправится в путь или просто на прогулку ни один житель ханства.

Через полчаса, умывшись, и перекусив мясными пирожками с холодным взваром, отряд продолжил путь по бездорожью вслед за уверенно скакавшим впереди Шайонсом. Судя по всему, хозяин обители во время прогулок с учениками успел изучить все окрестные холмы, речки и тропы до самого Согдежа. Ехать приходилось почти вслепую, следя лишь за тем, чтобы лошади не оступились на кручах и держались подальше от слишком низко растущих ветвей. Вскоре все путники горячо желали одного: как можно скорее выехать на дорогу. Но взявший на себя командование Шайонс придерживался иного мнения и старательно избегал людных троп и королевского тракта. Да еще запретил всяческие разговоры и не позволял себя обгонять.

К тому моменту как самозванный командир наконец подал сигнал остановиться, все успели утомиться от бесконечной смены холмов и перелесков и разочароваться в подобных прогулках. Их сапоги были в паутине и зелени, шляпы и плечи – осыпаны хвоей и пылью, в гривах и упряжи коней запутались сухие веточки и сучки.

– Вон за той рощицей будет замок барона Трестьера, – придержав лошадь, сообщил долгожданную новость маг. – Он стоит на склоне холма и окружен густой изгородью из желтой акации. Мы подъедем к садовой калитке по ведущей к ручью тропке. Не спешите звать хозяина, у него за всеми воротами и проходами следят сторожевые псы. Я знаю, как их успокоить.

– Я тоже, – фыркнула Лита, покосившись на неотступно держащегося рядом Ланса.

– И я смогу, – невозмутимо ответил на незаданный вопрос ее упрямый жених.

– Не нужно, – отказался от помощи Шайонс и тронул поводья, отправляя коня вперед.

Рощу они миновали спокойным шагом, уже предвкушая прохладу залов старинного замка, теплую воду купален и горячий обед. Но, оказавшись на опушке, дружно застыли, глядя в выцветшее от жары летнее небо. Туда, где призраком беды расплывалось облако черного дыма, вырвавшегося из высокой трубы.

И каждому было предельно понятно, что никакой случайностью тут не пахнет. Это было предостережение, и адресовалось оно именно им.

– Дилли... – начал Гард, оборачиваясь к жене и обмер, не обнаружив ее в седле.

– Вперед! – яростно выкрикнул Ланс, пуская коня вскачь, но регент уже успел рассмотреть вторую лошадь, мгновенно потерявшую всадницу.

И тоже пришпорил своего скакуна.

– Куда?.. – еще сердито шипел Шайонс, но и сам уже несясь стремглав в толпе всадников, костеря про себя безрассудных ведунь.

И тайком им завидуя. Если бы он не выбрал когда-то между двух способностей магию как более мощную и удобную, то тоже смог бы сейчас без всякого заклинания добавить своему телу скорости и ловкости. Чтобы хотя бы на краткое время превратиться в самое совершенное и неуловимое существо.

Калитка была заперта, однако маги еще издали раздвинули щитами кусты, создав ровный проход, рассчитанный на одну лошадь. И заскакивали в него стремительно, как зайцы. Про собак они вспомнили, лишь обнаружив лежащее поперек ухоженной тропинки мохнатое тело огромного мастифа, но останавливаться и выяснять, что с ним произошло, даже не подумали. Промчались мимо, прямо по аккуратно подстриженной травке, и, почти на ходу спрыгивая с коней, ворвались в первую попавшуюся дверь.

Как сразу стало понятно – на кухню. Метнулись в стороны молоденькие служанки, встала, прикрывая их собой от незваных гостей невысокая, но очень решительная женщина с увесистым черпаком в руках. И тут же резко отбросила его, разглядев среди незнакомцев Шайонса.

– Господин маг, это вы! Ну слава богам, а то у нас тут... – Кухарка вдруг всхлипнула тоненько, как побитый щенок.

– Куда идти? – решительно прекратил эти страдания Гард. – Где все?

– В главном зале! – ринулась вперед одна из девчонок. – Цветами печку топят, я покажу.

Шайонс и сам уже распахнул дверь. Он кинулся в сумрак пропахшего дымом дома, безошибочно находя дорогу в череде коридоров и дверей. Главным залом тут называлась праздничная трапезная – высокая просторная комната с нарядными витражами и светлыми мраморными панелями. Однако все это Гард рассмотрел много позже, сначала в глаза бросились застеленные одеялами диваны, на которых кто-то лежал. И куча роскошных роз, небрежно брошенная у огромного очага.

Огонь уже не горел, кто-то из магов прямо от двери бросил гасящее заклинание, и теперь женщина, сидевшая рядом с топкой на скамеечке, настороженно разглядывала незнакомцев.

– Что у вас произошло, леди Конталины? – предупреждая вопрос хозяйки, обратился Шайонс.

– Светлые боги, это вы, мастер! – обрадовалась она и тут же помрачнела: – Воины самозванца вчера приехали и шаманов привезли. А сегодня настоящий король прилетел, я его давно знаю, ни с кем не спутаю. Вот шаманы его и поймали, повезли в Айканир бедолагу.

– А девушки? – не выдержал Гард, не обнаружив в зале ни жены, ни Чижики.

– Какие девушки? – изумилась хозяйка. – Лишь ученики Шайонса приходили пять минут назад, сказали, что он велел дать собак, и сразу уехали.

– На чем? – обомлел регент.

– На стравах. У нас молодые, необъезженные, но они взяли под свою ответственность. Егеря побоялись, а ваши мальчики такие смелые!

– В какую сторону? – ринулся к двери Гард и напоролся на связавший его упругий воздушный щит.

– Остыньте! – прикрикнул Шайонс. – Мы сами догоним, вы ждите тут.

– Незачем нам тут сидеть, хозяев под удар подставлять, – еще спорил регент, живо представивший, как его жена голыми руками дерется с закованными в броню егерями. Но дергаться все же перестал, обнаружив рядом сердито сопящего Ланса.

– Через три минуты мы их догоним, – процедил Шайонс, делая знак Брэну и Варгусу: – На крышу, там мои кархи! Они приучены к наездникам. Ланс, ты остаешься охранять.

Этот приказ донесся уже издали. Маги, явно кастовавшие на себя заклинание скорости, умчались как ветер.

– Соратнички, – свирепо шипел Тровенг им вслед. – Вот как им доверять?! Ланс! Ты можешь что-то сделать?

– Оно само скоро спадет, – потихоньку опуская руки и выпрямляясь, хрипло пробормотал маг. – Но он прав, тебя туда пускать нельзя.

– А тебя? – огрызнулся Гард, злясь на него, на короля и на всех магов разом.

– Меня – тоже. – Кривясь, как от зубной боли, Ланс разматывал нечто невидимое. – Потому что только я могу тебя убедить.

– Ты сейчас договоришься! – Почувствовав себя свободным, Гард ринулся к выходу и тут же остановился, сообразив, что представления не имеет, куда бежать.

К тому же бежать своими ногами вообще глупо, а лошадей, послушных только командам Шайонса, поймать сейчас не так-то просто. Хотя Ланс мог бы, но он уже принял решение и менять его вряд ли согласится.

– Простите за назойливость, лорды, – робко произнесла леди Конталиня, опасливо приблизившись к ним, – но ученики, те, которые уехали на стравах, сказали, что скоро приедут маги, и с ними будет лекарь, а пока велели поить его светлость настоем тысячелистника.

– А что такое с бароном Трестьером? – насторожился Ланс.

– Так ведь эти... – всхлипнула вдруг леди горько, как простая селянка, – ранили!

– А точнее? – Маг торопливо направился к диванам, закатывая на ходу рукава.

– Точнее?.. – растерялась женщина, следуя за ним по пятам. – Сейчас... Вам с самого начала?

– Можно с начала, – хмуро вздохнул Тровенг и нехотя поплелся следом за напарником.

Сел неподалеку на стул, стремясь устроиться так, чтобы не выпускать двери из виду, и покосился на бледного мужчину средних лет, лежавшего в подушках с закрытыми глазами. Судя по всему, недавно тут было очень жарко.

– Так вот... – задумавшись ненадолго, начала рассказывать леди, стараясь не смотреть на мага, решительно откинувшего покрывало с раненого и развязавшего завязки его нижней рубахи. – Приехали они вчера, под вечер. Привезли приказ короля. Самозванца, как мы теперь понимаем. Целый отряд воинов, еще и телеги с походной кухней и припасами. Но вели себя не как королевские воины, а как захватчики. Так, будто мы жители другой страны и они нас победили, – это Синглер сказал. Мы с первых минут были шокированы их действиями. Егеря чувствовали себя как дома. Бесцеремонно прошли на кухню, забрали все кушанья, потом отправились в кладовые, набрали продуктов, часть утащили, часть отдали кухарке и велели готовить на всех суп и жаркое.

Женщина путалась и повторялась, вновь переживая вчерашнее потрясение, а регент слушал и все мрачнел, начиная понимать, как неверно прежде представлял события в Форандии. Из относительно спокойной жизни в княжестве беды соседей виделись далеко не такими тяжкими.

– А потом молодые воины начали приставать к служанкам и горничным. Его светлость с дворецким с трудом сумели отбить девушек при помощи собак и защитного амулета. Так они со злости закололи двух псов, остальных Синглер успел запереть в вольерах. А служанок я спрятала в своей гардеробной, в шкафах и сундуках. Рано утром обоз ушел, но командир оставил на постой трех воинов и капрала. А потом приехали два шамана, они собирались поставить у нас на башне какой-то маяк. Мы сидели тихонько, как мышки, ждали, пока шаманы уедут, потом его светлость собирался предложить егерям выгодную сделку, если согласятся жить в доме привратника. Но тут прилетел крылет... – Женщина всхлипнула и прижала к губам смятый платочек. – Шаманы попытались что-то сделать прилетевшим, но с теми был маг. Мы поняли это позже, когда шаманы прибежали в столовую, собрали нас в кучу и связали, а его светлость поставили на колени и надели на шею петлю...

Несколько секунд она горько плакала, сотрясаясь от рыданий и пережитого ужаса, потом глотнула поданного Лансом зелья и, немного успокоившись, продолжила рассказ:

– Когда появились король с секретарем и маг, шаман приставил нож к горлу его светлости и заявил, что его смерть будет на совести его величества. Маг хотел что-то сделать, но шаманы дружно взвыли, и тот, что с ножом, воткнул свое оружие лорду в плечо. Кровь хлынула просто ручьем, и король приказал магу сдаться. Сначала егеря связали магистра, затем шаман повесил ему на шею какой-то странный ошейник с шипами, бусами и рунами, и маг стал бледным и медлительным. После этого они связали и короля с секретарем, запрягли в карету лошадей, погрузили всех пленников и уехали. Хотели увести и его светлость, но мы с дворецким встали на колени и умоляли забрать все, только не мучить раненого. Дворецкого послали за казней, а капрал начал приставать ко мне... – Закрыв лицо руками, женщина снова

горько всхлипнула и несколько секунд молчала, пересиливая горечь испытанного. – Но Фернон, наш дворецкий, что-то заподозрил и вернулся. Он ударил капрала по голове кочергой, тот упал и начал свистеть. Прибежали воины и утащили его, а Фернона избили, как... – она снова всхлипнула, но постаралась взять себя в руки, – как бешеного пса, и ушли, напоследок хлестнув меня плетью. Но это не важно... Как только они уехали, мы с девушками уложили раненых на диваны, перевязали и послали садовника рвать цветы и разжигать камин. Секретарь успел шепнуть про сигнал кухарке, когда мы стояли связанные. Но ученики прибежали только через два часа...

– Успокойтесь, леди, – твердо приказал Ланс, – теперь все позади. Ваш муж будет жить, я его подлечил. Дворецкого тоже, зелье вам оставлю.

Четырнадцатое светозарня

Замок барона Трестьера

Дилли

Смысл произошедшего ведунья осознала мгновенно, едва перед ней открылось небо, изуродованное черным облаком дыма. Трудно не понять, если это один из тайных сигналов их клана. Самый заметный и одновременно самый неоднозначный. Смысл сильно меняется от того, сколько очагов одновременно горят, а также от цвета и интенсивности дыма. Но когда он валит вот так откровенно, густыми клубами, возможными лишь в одном случае – если в печь не таясь добавили зелени, значит, случилось нечто страшное, но нападавших в доме уже нет.

Дилли не успела еще даже рот открыть, чтобы объяснить это мужу, как краем глаза заметила стремительно соскользнувшую с соседней лошади тень, и, не рассуждая, ринулась за ней.

Где-то в глубине сознания ведунья точно знала, что ее поступок огорчит и даже рассердит любимого мужчину, как, впрочем, и всех остальных спутников. И не было в этом ничего особого или неправильного. Так уж они были воспитаны и так привыкли поступать перед лицом опасности. И мощные маги и неодаренные люди. В любой непредвиденной ситуации первым делом задвигали женщин себе за спину и начинали совещаться. Сначала старались определить степень серьезности произошедшего, просчитать более безопасные и эффективные пути, обговорить малейшие детали принятых планов. И только потом – действовать.

Однако ведуньи были приучены поступать совершенно иначе. Для них в таких случаях самой главной ценностью становилось время. Ведь ни для кого не секрет, что зачастую от скорости, с какой придет помощь, напрямую зависят здоровье и жизнь подвергшихся нападению жертв. Вот потому ведуньи ничего не просятывают и не планируют общепринятым способом. Их матерями и прабабушками давно заучены и отработаны все действия, какие доступны обученной ведунье. Но сначала им нужно оказаться на месте происшествия, все увидеть собственными глазами, осмыслить и оценить, а лишь потом выбирать, куда сделать следующий шаг.

Ноги сами несли сестер через кусты и буераки с сумасшедшей для человека скоростью, при которой секунды вдруг растягиваются почти до минут. Мозг ведуний при этом сам отключает ту часть разума, которая рассуждает с помощью слов, проговаривая про себя вопросы и доводы. Власть над телом берет стремительное, как молния, подсознание. Оно мгновенно определяет пользу и опасность всех окружающих предметов и существ, выбирая наилучший способ действия. Если бы кому-то была доступна возможность проследить за мчавшимися по склону ведуньями, он был бы потрясен невероятной точностью их движений. Девушки так плавно и стремительно уклонялись от возникавших на их пути препятствий, сучьев, веток и камней, словно пробежали по этому месту раз сто, не менее.

Но сами ведуньи ничего этого даже не замечали, отдавшись во власть собственных способностей и интуиции, освободив сознание для подготовки с неизвестностью. Обе знали точно, что в подобных ситуациях жертвы куда больше доверяют мужчинам, ведь никто не готов думать, будто женщина сможет справиться с бандитами. Поэтому, ни на мгновение не замедляя движения, ведуньи стремительно меняли лица и срывали с головы накладные косы, готовясь заранее к встрече с жителями замка.

В замке барона Трестьера сестры действовали так же поспешно, ошеломив и покорив своей

напористостью растерянную хозяйку, не осмелившуюся даже в мыслях отказать наглым требованиям незнакомцев. Им хватило менее минуты, чтобы узнать все необходимое, выдать указания и получить ключи от вольеров со стравами и мастифами. А еще через пару секунд сестры уже неслись к воротам на лоснящихся молодых зверях за уверенно взявшими след собаками.

Ведуньи знали, что мастифам никогда не сравниться в скорости и выносливости со стравами, и не надеялись на их помощь. Только на тонкий нюх, который позволит собакам взять верное направление. Потом эстафету примут звери. И хотя нюх у стравов менее остёр, зато они сообразительны от природы и имеют хорошую память. Им не потребуется много времени, чтобы понять, кого нужно догнать.

Дилли почти распласталась на переходящей в гибкую шею мощной спине стремительно мчавшегося зверя и отстраненно жалела, что животные еще не приучены к седлу и поводьям. Хотя мех на их спине пышен и мягок, всадницам приходилось держаться за гриву, чтобы не остаться на дороге.

Мчавшаяся впереди Лита, повернув к сестре голову, что-то показала, но Дилли не поняла этот жест. Видимо, Чижик выучила его в последнее время и даже не догадывалась, что старшая ведунья может его не знать.

А в следующую секунду леди Тровенг и сама поняла, о чем пыталась предупредить ее сестренка. Неподалеку от дороги под раскидистым дубом стояла карета барона Трестьера. Вблизи от нее у небольшого костерка сидела четверка мужчин в военной форме, поглощавших походный обед.

Стравы, почуяв аромат жареного мяса, перебивающий запах, который вел их почти час, прибавили прыти, рассчитывая получить заслуженную награду за отлично выполненное задание. Ведь сидевшие у них на спинах всадники мгновенно куда-то исчезли.

У воинов, уверенных в своей полнейшей безопасности, не было ни единого белого камня против налетевшей смерчем расплаты. Мощные звери буквально раскидали их в стороны, отбирая мясо и колбасу, а две неуловимые тени, ударом ребра ладони отправлявшие сильных мужчин в темноту длительного забвения, пощадили лишь одного, и то временно.

– Где шаманы? – тихо и с угрозой шепнул сероглазый кеминец, сомкнув на горле капрала хватку стальных пальцев.

– Там, – бледнея от ужаса, показал егерь в сторону леска.

И тут же получил заслуженный удар по шее.

Светловолосый парнишка заглянул в карету, убедился что она пуста, и ринулся в лес следом за кеминцем. Вскоре они бок о бок неслись в чащу леса, безошибочно находя направление по примятой траве. Совсем недавно тут прошли несколько человек, и раз не предприняли никаких мер, чтобы замаскировать свои следы, значит либо не верили в возможность погони, либо считали себя надежно защищенными.

– Тсс! – Заслышав впереди голоса, Дилли замерла на месте, удерживая Литу, и секунд десять они стояли, слушая визгливый, полный злобы и яда, голос одного из шаманов.

Угрожая расправой привязанным к дереву магистру и секретарю, он требовал от Эршеля добровольной передачи фамильной королевской короны и печати. Обе ведуньи отчетливо расслышали ложь в его обещании отпустить за это всех пленников, и эта подлость решила судьбу шаманов.

Если до этого момента сестры еще собирались подобраться незаметно, чтобы оглушить врагов на время, то теперь выбрали более простой способ. Хотя и более жестокий – из тех, которые противны самой природе ведуний, но иногда, в самых крайних случаях, все же применяются ими в виде исключения.

Оружие у сестер было: пробегая по замку, каждая выбрала наиболее подходящее и привычное для руки. Лита сжимала узкий, обоюдоострый кинжал, а Дилли – пестик от ступки.

«Мой – левый», – показала знаком старшая, и младшая согласно кивнула.

А в следующий миг дружно взмахнули две тонкие кисти, с вовсе не женской силой посылая

оружие возмездия.

Полыхнуло жгучим разноцветьем пламя защитных амулетов, далеко отбросив короля, стоявшего перед старшим шаманом.

И тотчас пронзительно и страшно взвыли недоучки, сраженные собственной же защитой, настроенной на ближнее нападение. Прокатилась по полянке жаркая волна и ушла вглубь леса, не принеся пленникам особого вреда.

– Дилли? – выдохнул сидящий на земле Эршель, неверяще рассматривая выскочившую из кустов девушку в мужской одежде.

– Я, – небрежно отозвалась она, бросаясь развязывать магистра.

Чижик со злым шипением распутывала узлы на шее Леара.

– Зачем ты сдался? – волновал ее только один вопрос. – Ты же мог...

– Не мог, – виновато отводя светившийся облегчением взор, хрипловато шепнул он разбитыми губами.

– Почему? – нахмурилась Чижик, поймала полный укора взгляд сестры и задумалась. – Ты хочешь сказать, что не выполнял наказ матери? Не тренировал дар?

– Лита, – негромко, но веско окликнула сестру Дилли, – ты лучше спросила бы, не хочет ли он пить?

Сама она уже справилась с веревками и попыталась было снять с шеи Звена сочившийся грязно-зеленым отсветом ошейник, но резко отдернула руку, когда в пальцы впились жала злых искр.

– Что это за гадость? – пробормотала ведунья, покосившись на лежавшую неподалеку неподвижную кучку шаманских одежек. – Прости, Звен, но тебе придется потерпеть еще немного.

– Пло... – с трудом выдавил магистр, и его лицо исказила непонятная гримаса.

– А где остальные? – оглянулся на кусты Леарон, разминая и растирая руки и ноги, исподтишка поглядывая на все еще сидевшего на земле короля. – Лита, у его величества связаны ноги, чтобы не убежал.

– Сейчас развяжу, – бережно усаживая магистра под деревом, пообещала Дилли и направилась к королю: – Ну, давайте ваши ноги. Леар, он их поджигает! Я с ним что, драться должна?

– Ваше величество, – укоризненно вздохнул секретарь, – не артачьтесь. У меня пальцы затекли, а Дилли может прибавить своим рукам силы.

– Не зови меня величеством, я же тебя просил, – горько произнес Эршель.

– Возможно, просьба запоздала? – неуступчиво фыркнула Чижик.

– Не «возможно», – печально взглянул на нее король и перевел взор на Дилли, – а точно опоздала. Лет на тридцать, по меньшей мере. Я всегда считал себя непоколебимым и настойчивым. Как выяснилось, это было простое тупое упрямство и твердолобость.

– Ноги давай, – бесцеремонно потянула его за штанину Дилли, достала из-за голенища нож и просто перерезала крепкие веревки из конского волоса.

– Ты хорошо вооружилась, – усмехнулся подошедший Леарон и подал королю руку: – Встать сможешь? Нужно уйти отсюда подальше, все шаманы, которые сидят в Согдеже, пять минут назад получили сигнал тревоги. Хотя они и недоучки, но амулеты у них на удивление хорошие.

– Пло... – снова прохрипел Звен.

– Что он хочет? – шепотом спросила ведунья у брата.

– Не знаю. Это все, что он может сказать, – помрачнел Леарон и предложил: – Вы помогаете ему, а я королю.

– Попытаемся, – глянула искоса Дилли и туманно намекнула: – Мы немного пробежались, остальные еще в пути.

– Спасибо, – сразу все понял Леарон. – Значит, хотите есть. Там егеря что-то варили...

– Надеюсь, стравам хватило, – усмехнулась Лита, подныривая под вторую руку магистра. – Но, может, у них хоть хлеб остался.

Четырнадцатое светозарня

Лесок у старой дороги на Согдеж

Дилли

Обратная дорога почудилась ведунье длиннее раз в пять и заняла намного больше времени. Дилли даже начало казаться, что они идут не в ту сторону, хотя такого просто не могло быть. Но вынырнули вдруг из зарослей терна две настороженные серые морды и бросились навстречу сестрам с самым счастливым видом.

– Как вернемся домой, – глядя лобастую голову, мечтательно произнесла Чижик, – попрошу Ланса купить мне такого малыша. Как выяснилось, именно о стравах я всегда и мечтала.

– Я сам подарю тебе парочку, – тотчас откликнулся король. – Поодиночке они скучают.

– Не надо, я передумала. Они наверняка жрут много мяса, накладно.

– Лита! – укоризненно глянул на сестру Леарон, стараясь не замечать, как вздрогнули, словно от удара, плечи Эршеля.

– Не нужно, она права, – устало одернул секретаря король. – Вы все правы. Я сам отказался от вас и сделал все, чтобы мы никогда больше не встретились. Теперь мне уже невозможно вернуть вам того, чего вы не получили по моей вине, как никто не вернет всего, потерянного мной. Но страшнее всего, что я искренне считал себя умным и справедливым, а на самом деле был последним дураком и подлецом.

Дальше они шли молча, даже Звен перестал время от времени произносить свое непонятное «пло». Но когда деревья поредели, Дилли решительно остановилась:

– Подождите тут, схожу посмотрю на вояк. Мы их бросили на месте, нас должны были догнать, но пока никого не видно.

– Здесь две дороги, старая и новый тракт, – просветил ее Леарон. – Я слышал, как шаманы выбирали старую. У них уже был план. Сама понимаешь, в этой стае шакалов не принято делиться удачной добычей. А магистры скорее всего едут по тракту.

Ведунья молча кивнула и скользнула в кусты, снова добавляя себе силы и чуткости. Хотя острый голод, проснувшийся после недавней сумасшедшей пробежки, уже нещадно грыз желудок, жалеть себя пока было рановато. И все-таки она собиралась пошарить по багажным ящикам в поисках еды.

Не повезло. На дороге стояли нагруженные сеном крестьянские телеги, и возле них сновало несколько дюжих селян. Они уже успели развернуть карету в сторону замка барона Трестьера и затаскивали в нее найденных егерей. Один из добровольных спасателей стоял лицом к леску, крепко сжимая в руке здоровенный дровяной топор, и с опаской следил за кустами, явно ожидая появления страшных зверей.

Простые люди стравов недолюбливали. Многие были убеждены, что от голода звери вполне могут напасть и на человека. И сегодняшняя находка селян, своими глазами видевших множество следов огромных лап, полностью подтверждала это мнение.

Возвращалась Дилли ни с чем, хозяйственные крестьяне не оставили на месте стоянки даже старого мешка, в котором егеря возили сухие дрова. Теперь она шла, внимательно осматривая каждую былинку, и вскоре выловила под кустом зайца. Негусто на пятерых, но ничего лучше пока нет.

– Давай, – протянул руку к зайцу, без слов все понявший Леарон и, уже отходя с добычей в сторонку, ровно сообщил: – Но костер нам разжечь нечем.

– У меня есть кресало. – Дилли достала из кармана заранее приготовленную вещицу.

Отобранный у князя браслет в этом путешествии она носила не снимая, однако показывать не стала даже Лите. В ее секрет был посвящен лишь Гард, полностью одобрявший эту предосторожность.

– Отлично, – похвалил сестру Леар и хмуро признался: – А то нас обобрали подчистую. Даже ремни и обувь забрали, выдали какие-то старые опорки.

– А я не поняла сразу! – прикусила губу ведунья, лишь теперь осознав, чего так стеснялся король.

– Они очень боялись спрятанных в одежде ловушек, – насмешливо просветил ее брат. – Мне сразу почему-то подумалось, не сталкивались ли они с кем-то из вас?

– Интуиция тебе пока не отказывает, – хихикнула Лита. – Это Дилли недавно провела целую толпу халгирцев.

– Пло... – с отчаянием булькнул Звен и, покачиваясь, побрел в кусты.

– Нам не следует за ним присмотреть? – заволновалась Дилли.

– Пло!.. – приостановившись, сердито выкрикнул магистр и побрел дальше.

– Не нужно, – проводив мага огорченным взглядом, ответил Леарон. – Он все понимает, но связан артефактом. Слишком мощным для нас, я тоже пытался снять – не вышло.

– А корону у его величества... – Лита искоса глянула на молча сидевшего на кочке короля.

– Она тоже артефакт, – пояснил Леар, – как и печать. Потому они так и торговались. Но Эршеля их обещаниями не проведешь. Он выставил условием нашу свободу, а эти жулики думали сломить его угрозами, один раз ведь удалось.

– А почему ты в тот раз не сбежал? – сердито засопела Лита. – Почему вел себя как наивный инфант?

– Вережка, – мрачно буркнул секретарь. – Заговоренная. Если бы мы не сдались, эти звери могли за пару минут сжечь барона со всеми домочадцами. Не нужно было идти напрямик, но в тот момент мы считали себя сильнее, ведь у всех были боевые амулеты. Это они сгорели там, на поляне, шаманы ни одного не отдали егерям.

– А почему вы мне не сказали? – вскинул голову Эршель.

– Когда? – хмуро спросил Леарон и поднялся, держа в руках освежеванную тушку. – Дилли, а соль?

– У меня есть, – вытащила крохотную плоскую фляжку Лита. – Кто зажигает костер?

Ответить ей никто не успел. Где-то за деревьями грянул гром, рванул ветви неожиданный ветер, пахнувший гарью и серой.

– Звен?! – ошеломленно охнула, стремительно повернувшись в ту сторону, Дилли и тут же крепко зажала рукой рот.

– Держи! – Леар торопливо сунул ей зайца и ринулся в кусты.

– И это! – Чижик вложила сестре в другую руку соль и помчалась следом за братом.

Дилли проводила их встревоженным взглядом, но не сделала ни одного движения, прекрасно понимая, почему Лита ринулась на помощь брату вместо нее.

– Р-р-р? – вопросительно муркнул рядом страв, умильно поглядывая на заячью тушку.

– Сами ловить должны, – не повелась ведунья и уверенно скомандовала: – Гулять!

Лохматые серые коты размером с хорошего бычка немного посомневались, потом все же двинулись в чащу, чутко прислушиваясь и обнюхивая все подряд. Селяне зря боялись – в

отличие от собак, стравы никогда не нападали на людей. Может, потому, что в предках у них были не волки, а домашние коты, многолетним трудом и целенаправленным отбором превращенные в ездовых зверей.

– Что же ты с ними не побежала? – с горечью проворчал король, но Дилли хватило времени, чтобы все обдумать.

– Они и сами справятся. А я осталась присмотреть за тобой. – Ведунья ловко разделала мясо на куски, нанизала на срезанный толстый прут и принялась разводить костер.

– Чего за мной следить, куда я денусь.

– Мало ли какая блажь в голову придет? Я тебя еще очень мало знаю, а мнению матери пока доверять не могу. Поэтому хочу сразу объяснить, почему так поступаю. Сегодня ты от чистого сердца высказал очень правильную мысль, и я тебе поверила. Нет, никакой любви у меня не возникло, но и считать тебя чужим человеком я больше не могу. А дальше думай сам.

– Спасибо, – тяжело сглотнув, хрипло шепнул король. Помолчал и опасливо спросил: – А они?

– Не знаю. У нас такие вопросы каждый решает для себя сам. Никто не подсказывает, не уговаривает и не убеждает. Но насчет Леара совет могу дать, если хочешь.

– Конечно, хочу, – горько усмехнулся Эршель. – Просто мечтаю. Я ведь намеревался его хорошенько испытать. Ты не представляешь, сколько людей всевозможными способами пытаются втереться ко мне в доверие, стать полезными, нужными, незаменимыми. Готовы ради одобрительного взгляда или похвалы на коленях ползать, пыль с сапог облизывать. Чтобы потом, когда постепенно добьются своего, получить возможность незаметно управлять мною, исподтишка диктовать свои желания и мнения.

– Ну и проверил?

– Да. Все расследовал и выяснил. Не знал лишь одного – что его воспитывала Ясвена. Но убедился, что у него сильная воля и благородное сердце. И уже придумал, как объявить его наследником. Мне не хватало ведуньи, которая сыграет его мать. Якобы я с ней помирился и решил жениться.

– Но его мать замужем!

– А кто говорит про настоящую? – мрачно буркнул Эршель. – Я хотел получить все сразу – любимую женщину и прекрасного сына. И не считал невинный обман такой уж большой ценой за счастье.

– Вот теперь я вижу, – огорошенно признала Дилли, – что мать действительно слишком хорошо тебя знает.

– Я найду ее, – кивнул король так убежденно, что у ведуньи не осталось и тени сомнений. – И больше никогда не отпущу. Мне хватило одного раза увидеть, как жадный и злобный зверь бьет по лицу моего честного и терпеливого сына, чтобы понять – за это я готов собственными руками задушить всех шаманов и тех мерзавцев, которые сейчас пытаются исковеркать все хорошее, что я сделал за свою жизнь.

– Только не спеши... – попросила ведунья и резко оглянулась: – Идут.

– А совет? – вспомнил король.

– Поговори с ним откровенно, только наедине, – еле слышно шепнула Дилли, не сводя взгляда с окружающих прогалину кустов.

Первой из-за них вынырнула Литта, и сразу бросилось в глаза, что курточка на сестре застегнута до шеи, несмотря на жару.

– Что случилось? – нахмурилась Дилли, но тут показался Леарон, поддерживающий Звена, и ей все стало понятно.

Магистр был одет в штаны и рубашу секретаря, а вот на самом Леаре остались лишь нижние штаны и узковатая для него рубашка Чижики.

– Надеюсь, леди, вы простите мне некоторую небрежность в одежде? – учтиво осведомился он, подводя магистра к костру. Принюхался и сообщил: – А зайчик подгорает.

– Ничего подобного, это не заяц горит, а жир капает на дрова, – ни грана не смутилась при виде брата Дилли. Дома он вообще все лето бегал в одних старых портках, обрезанных по колено. – Кстати, дров маловато.

– Он уже готов, – махнув рукой, медленно выговорил Звен.

Леарон принял эти слова как сигнал к действию, выхватил из костра прут и ловко оделил мясом сестер и магистра.

– Нам с вашим величеством обедать рановато, – вежливо, но непреклонно заявил он королю. – Да и не подобает вам без салфетки, набора вилок и трех тарелок.

– Спасибо за заботу о моей репутации, – в тон ему величественно произнес Эршель и открыто улыбнулся Звену: – Я очень рад, что магистр жив и здоров.

– Но зол, – на миг перестав жевать, почти внятно произнес маг.

– Еще бы! – фыркнула Дилли, и не подумавшая отказаться от еды или поделиться с братом.

Им сейчас этот полупрожаренный жесткий кусок мяса был намного нужнее. Через несколько минут, справившись со своей порцией, ведунья вытерла пальцы давно не белым платком и задумчиво вздохнула:

– Боюсь, теперь меня всю жизнь будет мучить вопрос: что такое «пло»?

– Плохая идея! – Торопливо доев мясо, маг сделал умывающийся жест и, сбросив в сторону что-то невидимое, уже обычным голосом пояснил: – Это была последняя фраза, которую я начал произносить, ощутив на шее проклятый ошейник. Давно утерянный старинный артефакт, подробно описанный в книгах мастеров. Но узнать его с первого взгляда было абсолютно невозможно. Эти неучи намотали на камни кучу кожаных полосок с бусинками и камнями, бездарно и безалаберно влили в него совершенно ненужные и бесплодные заклинания. Несколько слоев – мне не удалось распутать и половины, так они переплелись и срослись в нечто уродливое.

– Но как ты его снял?

– Накопил силу на тройной щит, протиснул его под ошейник и разом порвал все шаманские плетения.

– А одежда?.. – заикнулся король и смолк, сообразив, что на самом деле все происходило не так легко и просто, как в рассказе магистра.

– Да, пострадала, – ничуть не смутился Звен и поднялся на ноги. – Леарон, проводишь меня туда, где шаманы? Мне нужно проверить некоторые подозрения.

– Езжайте на стравах, – предложила Дилли. – Тут не так близко.

– Я брошу ускорение, – отказался магистр и с усмешкой добавил: – Тем более стравов вы уже привязали к себе. Они быстро признают хозяина и менять не любят. И не волнуйся, Чижик, ковен с бароном расплатится и мясом тебя обеспечит.

– Что, правда? – ошеломленно смотрела вслед ушедшим Лита. – Он ведь не пошутил?

– Нет, я тоже это знаю, – деликатно поведал король. – Просто думал, что тебе хочется малыша. Они очень игривые и смешные.

– Но как мы их поделим? Дилли, ты сможешь узнать своего?

– Конечно, – пряча улыбку, заверила старшая ведунья. – Нужно просто доверить выбор им. Они никогда не ошибутся. Вспомни Оха.

– Да, – задумчиво согласилась Лита и встревожилась, увидев, как сестра направляется в сторону кустов, откуда слышалась возня зверей: – А ты куда?

– Отберу у стравов кусок мяса. По-моему, они поймали кого-то крупного.

– Я с тобой! – мгновенно подскочила Чижик. – За свою добычу звери могут и покусать.

– Дилли! – всполошился и король. – Не ходи! Зачем тебе то мясо? Нас скоро найдут!

– Не волнуйся, – откликнулась ведунья. – Ничего они мне не сделают.

– Ты с ним разговариваешь как-то слишком... ну, как будто помирилась, – отойдя на полсотни шагов, сердито прошипела Лита.

– Не помирилась. Я с ним вообще не ссорилась, – не согласилась Дилли, выйдя на заросший травой берег озера, словно снегом, засыпанный птичьими перьями.

Стравы славно поохотились, выловив в камышах стайку молодых гусей, и теперь лениво грызли каждый свою тушку. Еще несколько лежали неподалеку, и звери бдительно присматривали за пытавшейся подобраться лисой. Заметив людей, она вмиг растаяла в густой осоке, сообразив, что тут ей ничего не перепадет.

– Но отвечаешь так, словно он свой, – подозрительно смотрела на нее Лита.

– Ты знаешь, сегодня он сказал одну вещь... – Старшая ведунья, собиравшая самых непотрепанных гусей, внезапно выпрямилась и откровенно глянула сестре в глаза: – И мне вдруг пришло в голову, что на самом деле все далеко не так просто, и с одной стороны я должна его поблагодарить.

– Чего?! – В голосе Чижика так ясно прозвучало презрительное возмущение, подходящее только рыночному сиротке-горбуну, что старшая ведунья невольно рассмеялась. – Дилли! Ты с ума сошла? Или он тебя чем-то заманил? И перестань хохотать!

– Прости, наверное, это нервы начинает отпускать после того страшного огня, – поспешила успокоить Литу сестра. – Но я говорила совершенно серьезно. Вот представь. Король не выгнал бы мою мать, а поселил в каком-то из своих замков, нанял слуг. А потом, когда я родилась, приставил нянек, гувернанток, и я никогда – пойми, НИКОГДА! – не увидела бы Ясвену, не научилась мастерству ведуньи и, конечно, не встретила бы ни Леара, ни тебя. И, несомненно, никто не выдал бы меня замуж за Гара. Но страшнее всего другое. Я была бы совсем не этой Дилли. Не умела бы становиться быстрой и сильной, не знала бы трав и зелий, не выучила историю, алхимию, целительство и многое другое. Просто сидела бы в кресле, вышивала натюрморты и вздыхала над наивными слезливыми романами о сладкоречивых менестрелях. Как все те дамы, с которыми мне откровенно скучно разговаривать, хотя они самоуверенно берутся судить обо всем на свете. Но на самом деле круг их увлечений и представлений узок и ограничен. А все пышные фразы не представляют никакого интереса. Зачастую мне их просто искренне жаль, хотя они и не виновны, что не учились ничему поистине серьезному. Представила? А теперь поставь себя на мое место. Ведь если бы король женился тогда на Ясвене, тебе никогда не позволили бы бегать по лесам и лугам, лазить по деревьям и выступать на рынке с Охом. И, само собой, тебе негде было бы заметить Ланса.

– Но ведь Эршель... – упрямо поджав губы, начала Чижик, однако старшая тотчас ее перебила:

– Да, когда-то он поступил некрасиво и жестоко. Не сумел вовремя разобраться в своих возлюбленных, не понял сам себя. Но ведь и они поступали не совсем честно. И сейчас мы не знаем точно, о чем думала моя мать, когда решила родить королю ребенка, которого он не просил. И даже не выяснив сначала, что Эршель думает по этому поводу. Хотя, возможно, все знала, но в какой-то миг поверила его любовным клятвам, почувствовала себя особенной. А потом опомнилась или что-то подтолкнуло... Ты еще слишком молода и мало видела таких случаев, поэтому можешь судить лишь со своей точки зрения. Однако есть и другая. Мне пришлось встречаться с разными людьми, и хорошо известно, как часто женщины намеренно, нередко обманом, заманивают богатых, знатных или просто понравившихся мужчин в свою постель. И стараются сделать все возможное, чтобы понести от этой случайной связи. А потом шантажируют нечаянного любовника, всеми силами стремясь склонить к свадьбе. Можешь представить, как ненавидят такое подлое принуждение попавшие в капкан лорды, господа и воины? Особенно если они давно самостоятельны и успешны, занимают видное положение, правят армией или даже страной? Можно не сомневаться, что подобные ловкие, расчетливые дамочки строили Эршелю такие ловушки каждый день и каждый час. И смолodu он наверняка попадался. Но сначала его выручала старая королева, потом всегда были на чеку всякие тетушки, которых она оставила на страже. Вот они скорее всего и убедили его, что если девушка решила на подобный шаг – значит она обманщица и шантажистка. Заметь, я говорю «возможно», а вовсе не собираюсь оправдывать короля. Но и наказывать его мне теперь не за что, свои промахи он осознал, прочувствовал душой и этим оплатил сполна. А вот за то, как сложилась моя судьба, я ему благодарна. Совершенно случайно Эршель сделал мне бесценный дар – следовательно, ненавидеть его мне тоже не за что. Ну а вы с Леаром решайте для себя сами. Я вас никогда и ни в чем не обвиню. А сейчас бери вот этих гусят, и идем жарить. Туман, ко мне!

Лита молча смотрела, как один из зверей, лениво поднявшись, послушно направляется к Дилли, и пыталась понять, захотела бы она вернуться лет на десять-двенадцать назад и оказаться в роскошном дворце. Каждый день есть конфеты и мороженое, играть с красивыми куклами и спать на кровати под шелковым балдахином. Не ходить в лес с матерью и Дилли собирать ягоды и травы, не тренировать по несколько часов умение управлять своим телом и лицом. Хотя мать наверняка не отказалась бы от своих способностей и всему научила свою дочь, но король, скорее всего, никогда не разрешил бы ей собрать вокруг себя толпу бастардов и совершенно чужих сирот. И значит, не было бы у нее ни Дилли, ни Снежка, ни матушки Миры. Возможно, остался бы Леарон, но вряд ли они дружили бы.

Пожалуй, действительно хорошо, что все сложилось именно так. Хотя стоит обдумать это еще раз, спокойно и не торопясь.

Лита подхватила тушки птиц, свистнула страву, имя которому пока не придумала, и помчалась вслед за сестрой, точно зная, что щипать гусей – не такое уж быстрое дело.

Четырнадцатое светозарня

Замок барона Трестьера

Гард

– Где их может носить столько времени? – тихо рычал Тровенг, нервно меряя шагами трапезную.

Из зала уже унесли раненых, убрали все следы происшествия и накрыли для гостей изобильный стол, но регент с магом лишь наскоро перекусили. И уже четвертый час нетерпеливо поглядывали в окна, выходящие на подъездную дорожку, хотя баронесса послала на площадку для крылетов и к воротам служанок, наказав звонить, как только появятся гости.

О том, что нагрянуть могут шаманы или егеря, настрадавшаяся женщина запретила себе даже думать. А вот напарники такую возможность не исключали и за свою свободу собирались драться до последнего. Потому-то заранее договорились о тактике боя и поделили боевые амулеты.

– Не знаю, – мрачно вздохнул в ответ на вопрос правителя Ланс. – Надеюсь только на одно. По всем подсчетам, магистры должны уже были догнать карету, и раз они там все вместе, просто обязаны победить. Гард, я хотел спросить... если, конечно, это не тайна... Тебе не известно, сколько у нее еще подобных умений? Я ведь видел, как она спрыгнула с лошади, и своим глазам не поверил. Так даже мы не можем, когда кастуем на себя скорость. Кстати, после этого заклинания очень хочется есть. К сожалению, организм не берет силу из воздуха, как считают невежественные селяне.

– Что же ты раньше не напомнил! – вскочил со стула едва присевший регент и бешено затряс колокольчик. – Нужно попросить, чтобы все это переложили в корзины, Дилли после похищения стала совсем худышкой!

– Не извольте волноваться, ваши светлости, – успокоила прибежавшая кухарка. – Мы уже упаковали для вас еду в походные лари и мешки. Такие удобно приторочить к седлу. Все стоит пока в холоде, а горячее мясо положим в горшочки, как только вы соберетесь в путь.

– Спасибо, – искренне поблагодарил добрую женщину Гард, и едва она ушла, снова нетерпеливо зашагал по комнате. – Знаешь, Ланс, я хотел тебе сказать, не сочти за наглость... Ты мне друг, и я очень это ценю, но и Лита теперь мне родственница, почти сестра...

– Я понял, – невесело усмехнулся маг. – Ты считаешь, что я ее обижаю. Но это не так, все наоборот. Я больше всего в жизни желаю, чтобы она была счастлива.

– Видишь ли, я не могу тебе не верить, но этого как-то не заметно.

– Потому что я не стал делать так, как она придумала. Я считаю, что Лита достойна самого лучшего, самого волшебного торжества, с подарками, салютом, балом. А не наскоро проведенного ритуала соединения судеб. Такое подошло бы бедному наемнику, а я – магистр ковена. У меня есть и особняк, и поместье, и возможность устроить для любимой девушки незабываемый праздник, чтобы потом можно было рассказывать детям и внукам. Скажи,

я хочу слишком многого?

– Да нет, – помрачнел Тровенг, вспомнив свой скромный ритуал, – в самый раз. Но почему ей это не понравилось?

– Чижик боится, что ее у меня отнимут. Либо король, либо шаманы – как будто я буду сидеть и смотреть. Пусть только попробуют, я весь Халгир переверну вместе с королевским дворцом!

– Она тоже в чем-то права, – обдумав его слова, сделал невеселый вывод Гард. – Но мне по душе твое решение. Я тобой просто горжусь. Далеко не каждому мужчине хватило бы мужества и силы воли отказать в таком вопросе любимой девушке. Не стану утверждать, что сам смог бы устоять.

– Я и сам от себя не ожидал, – горьковато хмыкнул маг. – Но вдруг понял, что перестану сам себя уважать, если поступлю как сопливый подросток.

Больше они эту тему не обсуждали. Через некоторое время не сговариваясь сели к столу, основательно подкрепились, проверили оружие и, подозревая, что магистрам пришлось сражаться, попросили хозяйку упаковать запас одежды и обуви. Ланс пытался оставить ей расписку, но леди Конталины отказалась наотрез:

– Даже не заикайтесь! Вы спасли моего мужа и слугу, это я у вас в неоплатном долгу. Все сейчас будет.

И вскоре у выхода выросла кучка дорожных мешков, вполне достаточная для трехмесячного путешествия.

– Почти все новое и все чистое, не сомневайтесь, – убеждала хозяйка. – Если не понадобится, оставьте храмовым прислужникам, они найдут куда деть.

Спорить Гард не стал – нельзя убивать в людях светлые чувства. Но себе мысленно пообещал найти способ отблагодарить леди за доброту.

Звонок зазвенел, когда напарники уже начали подумывать, не пора ли седлать лошадей и ехать в ту сторону, куда подсказжет интуиция.

– Кархи прилетели! – возвестил откуда-то сверху девичий голосок, едва гости стремглав выскочили из трапезной.

– Куда?! – остановил Гарда окрик мага. – Подожди, что скажут.

– Разумно, – неохотно замер на месте регент, не сводя взгляда с лестницы.

Менее чем через минуту на верхней ступеньке появились Шайонс и магистр Брэн. Они выглядели утомленными, но не расстроенными, и очень спешили.

– Все живы, ждут нас. Сейчас запряжем коней, выпьем по кружке взвара и назад! – громко сообщил Шайонс, торопливо сбегая вниз, и добавил тихо, только для гостей барона: – Подробности чуть позже.

– В трапезной накрыт стол, – мигом сообщила леди Конталины. – А ваши лошади уже в конюшне, конюх дал овса и закрыл в денниках. Багаж и еду в дорогу мы тоже упаковали.

– Спасибо, – признательно глянул на нее хозяин обители, торопливо проходя в столовую. – Вы ангел, леди Конталины. Как Синглер?

– Благодарю, намного лучше. Его подлечил лорд Ланберс.

– Я отправил своим братьям послание, – торопливо поглощая мясо, объяснял Шайонс. – Скоро они будут тут. Выделите им помещение, они будут охранять ваш замок. Еще одно. Крестьяне в вашей карете везут сюда спящих егерей, я им все объяснил, они сами отташат негодяев в подвал, вы только выберите чулан, где дверь попрочнее. Их охранять тоже будут мои люди. Никому не рассказывайте о том, что здесь произошло, даже самым надежным подругам. Слуг из дворца не выпускайте, считайте, что вы в осаде. Шаманы злобны и мстительны, а им сегодня досталось.

– Мы едем верхом? – осведомился Ланс, едва хозяйка убежала выполнять поручения.

– Да, и ведем в поводу вьючных. Иначе не получится, – с сожалением вздохнул Брэн, – кархи

устали. Да и мороки с ними много. А делить отряд еще раз никто не собирается. Но потерпите немного, все поясню в дороге.

Гард не представлял, как можно разговаривать на скаку, но спорить не стал. Главное, его любимая жива, свободна, и они снова будут вместе. Теперь он постарается объяснить Дилли доходчиво, как неправильно она поступила, сбежав от мужа, не сказав даже словечка.

Вскоре маленький отряд из четырех всадников выехал из ворот замка, которые тотчас накрепко за ними заперли, и направился в сторону старой дороги на Согдеж. Трое вели в поводу вьючных лошадей. Тровенг с огорчением осознал, что очень быстро скакать не удастся, и надеялся хотя бы на рассказ.

- Вам придется поменять внешность, - заявил спутникам Шайонс, немного отъехав от замка.
- Хорошо, - согласился регент, доставая из зачарованного кошелька амулет личины.

Магистры поступили проще: кастовали на себя смешанное заклинание рассеянности и отвода глаз, превращаясь для всех чужаков в фантомов. С этого момента заметить проезжавшего мага мог каждый, но никто после не мог припомнить ни одной его черты.

- Привал, - доехав до каких-то кустов, скомандовал Брэн. - Мы пообещали вам рассказ. Но сначала небольшой фокус. Слезайте с коней.

Не успели всадники спешиться, как он достал из своего саквояжа странную тряпку, похожую на вышитую бусинками редкую шаль или слишком частую сеть, и набросил на животных. Сначала Тровенгу показалось это шуткой, сеть была мала даже для одной лошади, но он терпеливо молчал, ожидая, чем все завершится. И не ошибся.

Сеть разворачивалась, ползла и растягивалась в разные стороны будто живая, опутывая лошадей тонкой паутиной и подтаскивая друг к другу, как самая совершенная упряжь. И в то же время они были свободны от узды и вожжей, хотя и стояли плотным табунком, словно цирковые.

- Дилижанс! - восхищенно выдохнул Ланс и объяснил изумленному напарнику: - Это артефакт, он единственный в ковене.

- Не ожидал, - с уважением покосился на магистра Шайонс, - такой щедрости.

- Может, не стоило? - забеспокоился Тровенг, не понаслышке знавший, как трепетно магистры хранят такие вещи. И с какой неохотой достают их из тайных сокровищниц.

- Они сегодня Звена спасли, - бросил на спутников укоризненный взор Брэн, - а вы меня уговариваете спрятать какую-то сеть, пусть и особенную. Нет в мире такой вещи, которая была бы дороже жизни хорошего человека.

Тем временем артефакт разросся и потемнел, становясь плотнее и вытягиваясь вверх. Табун почти скрылся под его прикрытием, видны были лишь три лошади, стоявшие впереди. С каждой секундой этот купол все больше походил на один из легких грузовых гильдейских дилижансов, в каких купцы и ювелиры перевозили особо ценные товары под охраной воинов и мастеров-одинок.

- Прошу, - подмигнул Тровенгу магистр, когда в дилижансе прорезалась дверца и выросли ступеньки. - Ты первый из правителей, кто поедет в этом экипаже.

- А кучер? - заглядывая в полумрак странной повозки, поинтересовался регент.

- Правит изнутри, там есть оконце. Маги не любят сидеть на виду, да еще и под дождем и снегом, - с усмешкой пояснил Брэн. - Так ты идешь?

- А куда деваться, - шутливо огрызнулся Гард, взбираясь внутрь. И добавил, оглядевшись: - Хорошо вам живется.

Удобные мягкие кресла из пышной паутины, широкое переднее окно, как стеклом, закрытое зеленоватой пеленой щита, узкие смотровые бойницы по всем стенам и даже гибкая лесенка на крышу. Ворами и бандитам лучше держаться от этого дилижанса подальше. Хотя они и на простые стараются не нападать - хозяева такого транспорта обычно не скупятся на заговоренное оружие и боевые амулеты.

- Вот теперь поедет с ветерком! - усевшись в кресло для кучера, возвестил магистр. - А то у

меня зубы ныли, как вспомню, сколько трястись.

Дилижанс рванул вперед стремительно, как легкий парусник. Некоторое время регент с интересом следил, как мелькают мимо кусты и деревья, потом не выдержал:

– Коней не загоним?

– А жаль?

– Конечно. Хорошие скакуны, молодые, послушные. И преданные, – уверенно ответил Гард.

– Не беспокойся. Они сейчас стоят и жуют овес. Дилижанс тащит всех нас силой магии. Создавший его магистр был гениальным артефактором. В созданном артефактом куполе нам не грозит даже внезапно возникшая речка или пропасть, просто больше магии уйдет на создание моста. Но у нас с собой достаточно накопителей. Хотя сегодня чуть не лишились почти половины, они были в сумке Звенорса, – поглядывая на дорогу, объяснял Брэн, и вскоре регент с другом вкратце знали обо всем произошедшем с королем и ведуньями.

– Подробнее нам и самим пока неизвестно, – сообщил Шайонс, когда магистр смолк. – Видели их всего четверть часа, потом отправились за вами, оставив в помощь Варгуса. Мы ведь сначала промахнулись. Летели над новым трактом и не сообразили, что шаманам приспичит немедленно отобрать у Эршеля корону и сбежать от егерей. А это намного удобнее исполнить на старой дороге, там никогда не ездят ни воины, ни наемная охрана. Мы заподозрили, что ошибаемся, только когда добрались до Согдежа. Там на переправе очередь, и никого не пропускают в сторону города, через него проходят войска, идущие на запад. Двойник торопится, явно что-то узнал.

– А что они едят? – волновало Гарда.

– Стравы наловили гусей, Дилли с Литой их жарят. Еще мы оставили Леару свой мешок с припасами и шатер, я никогда и куда без дорожной сумы не езжу, – успокоил регента хозяин обители, помолчал и твердо добавил: – Но они и сами бы справились. Королю крупно повезло, он даже пока не подозревает, насколько. Ведуньи никогда не нападают первыми, но если обидели их самих, друзей или просто спутников, сделают даже невозможное, чтобы наказать наглецов.

– Вот только даже не подумают о том, каково их мужчинам чувствовать себя брошенными и ненужными, – тихо фыркнул Ланс.

– Ты не прав, – взор Шайонса вмиг стал строгим, – это не про них. Обо всем они думают и переживают сейчас ничуть не меньше вашего. Я всегда знал, как чутки и совестливы ведуньи, а сегодня видел глаза Дилли, когда она спрашивала, где мы вас оставили. Ей ведь никогда даже в голову не придет, как какой-то легкомысленной придворной прелестнице, просто от скуки или ради глупой шутки устроить своему любимому испытание. У меня в обители хватает послушников, разочаровавшихся в любви и жизни после притворных измен или ссор, разыгранных такими глупыми ветреницами.

– Ты думаешь, мы не знаем цену своим любимым? – нахмурился Гард. – Но тревога от этого меньше не становится. И я уже решил держать наготове зелье ускорения, чтобы не отставать так сильно.

– Мы больше не выпустим их из виду, – уверенно пообещал Брэн. – Нам тоже не понравилось прибегать к шапочному разбору. Хотя пленникам очень повезло, что за последние годы у Литы выработалась привычка бросаться на врагов, не рассуждая и не оглядываясь. Ведь это она ринулась в замок первой, а Дилли ее только догоняла как старшая, чтобы оберечь и помочь. Таковы законы старших матерей, в больших семьях у каждого свои дела.

Тровенг покосился на хмурого друга и смолчал. Лансу придется простить Лите ее отчаянный поступок, за который любой другой девушке маг без слов вернул бы все ее обеты. Гард и сам уже простил жену, а после пояснения магистра даже виноватой ее не считал. Человек всегда поступает так, как учат его с раннего детства, особенно если искренне верит воспитателям.

Дилижанс остановился резко, словно налетел на мель, и прильнувший к бойнице регент увидел опушку смешанного леса, примятую траву и привязанную к одной из ветвей светлую тряпку.

– Это знак, что все в порядке, – пояснил Брэн, распахивая дверцу, но первым из дилижанса, обойдя всех, выпрыгнул Ланс.

– Куда? – спросил тихо, осмотрев кусты.

– Вот по этой тропке... – Шайонс не договорил.

Из леса выскочил смерч, налетел на дознавателя и повис у него на шее худеньким мальчишкой.

– Лита! – грозно рявкнул Ланс, рассмотрев, кого держит в объятиях. – Верни свою внешность!

– Ладно, – покорно согласилась она, покосилась через его плечо в нутро дилижанса и закрыла ладонями лицо. – А ты не знаешь, мы поедem в этой повозке? И куда поместим стравов?

Гард прошел мимо, ободряюще подмигнув другу и сразу же забыв про обоих. Его сейчас больше всего волновало, где Дилли, почему не идет навстречу? Ранена? Не может быть, тогда Лита думала бы не про стравов, а про нее. Сестры очень трепетно относятся друг к другу. Занята? Чем? Или кем? А может, опасается, что муж начнет отчитывать ее за побег? Так он же далеко не дурак и почти сразу сообразил, что для ведуний это был единственный возможный путь. Ведь там были их брат и отец, которого девушки хотя и не собираются призывать родным человеком, но и отдавать на растерзание шаманам тоже не готовы. А кроме них магистр, стремившийся сделать для маленького клана ведуний все, что в его силах.

Любимая женщина вышла на Тровенга из кустов как-то неожиданно, он не слышал ни шагов, ни шелеста листьев. Просто раздвинулись ветви, и она оказалась перед ним, удерживая в руках шлейку, накинутую на шею лобастого серого страва. На спине зверя, крепко вцепившись в пышную гриву, сидел король, смотревший странно умиротворенным, хотя и бросал по сторонам сердитые взгляды.

– Гард!.. – Отпустив повод, Дилли шагнула к мужу, и он тотчас стиснул ее в крепких объятиях, разворачиваясь спиной к Эршелю.

Смотреть в этот момент на упрямого короля регенту не хотелось абсолютно.

– Звен сказал, что вы приедете в дилижансе, – шепнула ведунья, признательно глянув в любимые глаза, – но не объяснил, куда нам деть стравов. А мы к ним уже привязались.

– Устроим, – успокоил он, но думал не про гигантских длинноногих котов. И все отчетливее осознавал, что и Дилли говорила вовсе не о них.

Что-то изменилось за это время между ней и королем, и на эту тему пока не следовало говорить вслух, а лучше вообще сделать вид, будто ни о чем не догадываешься. Чтобы случайно не сделать больно своей любимой женщине и не отпугнуть ее неудачливого венценосного родителя.

Ведь, как со всей очевидностью стало понятно Гарду только в этот миг, больше всего в отвергнутых когда-то детях сейчас нуждается сам Эршель.

Шестнадцатое светозарня

Айканир, столица Форандии

Дилли

По мере приближения к столице скорость дилижанса все уменьшалась. Он уже не летел по дороге стремительно, словно смерч, лишь изредка замедляя ход, чтобы не испугать встречного селянина или не передавить гуляющую по деревенским улочкам живность. Хотя в некоторых местах новый тракт шел не через центр села, как прежде, а огибая его на значительном расстоянии, поскольку был прямым как стрела.

Теперь магическая повозка двигалась почти так же, как десятки подобных карет, телег и дормезов, и лишь поздно вечером и рано утром, когда все остальные путешественники только еще продирали глаза, Брэн прибавлял скорость. Все жалели, что нельзя ехать ночью, но вблизи столицы ночное время традиционно было отдано всадникам. Приходилось сворачивать с тракта и становиться на ночлег, с завистью следя за мчащимися мимо отрядами воинов и наемников.

– Почему мы не можем пересесть на коней и ехать вместе с ними? – в первый же вечер задал законный вопрос Гард.

– Еще лет тридцать назад, когда был построен новый тракт, его величество издал указ, – пояснил Шайонс, ехидно покосившись на Эршеля. – Все отряды, желающие проехать ночью из города в город, берут у начальника привратной стражи подорожную грамоту. И обязаны предъявлять ее на каждой заставе.

– Это делалось, чтобы перегонщики табунов и любители ночных катаний не мешались под ногами занятым людям и войскам. Тракт строился не для развлечений, – строго, но спокойно пояснил король. – И прежде я мог бы написать вам грамоту, но теперь в ней проставляется номер, и командиры каждый день получают новый секретный пароль.

– Кто-то очень не хочет, чтобы ты вернулся в столицу, – подвела итог Дилли и уверенно усмехнулась: – И еще пять дней назад они могли бы считать, что надежно перекрыли любые лазейки. Но после того как я увидела след от плети на плече женщины, вставшей на защиту мужа и своего жилища, все их ухищрения бесполезны. Мы с Чижиком все равно пройдем и уведем самозванца из дворца.

– Но насколько мне известно, ведуньи никогда не нападают первыми? – шутливо изумился Звен.

– Правильно, – с превосходством глянула на него Лита. – Но самозванец ведь уже начал войну с народом? С теми, кого мы приняли в друзья.

Тровенг смолчал, и вовсе не от безразличия. Наоборот, он очень беспокоился за Дилли и потому уже взял с нее слово никуда без него не соваться. Хотя самому Гарду и недоступны умения ведуний, но зельями усиления он запасся с избытком.

Время подходило ко второму завтраку, когда на горизонте поднялись высокие стены и сияющие купола Айканира.

– Отсюда до ворот еще пять верст, – сообщил выглядывающий в оконце Леар, – но впереди почему-то слишком много карет и повозок. Сегодня же не праздник... или что-то случилось?

– Сейчас узнаем! – Шайонс ловко открыл потолочный люк и выскользнул на крышу.

Там, в огороженном бортиками и застланном одеялами кузове, можно было ехать, не опасаясь любопытных взглядов из соседних карет, и путешественники очень ценили возможность посидеть на свежем воздухе.

– Ну что? – Лита встретила спускающегося мага нетерпеливым вопросом. – Самозванец женится?

– Хуже. Он объявил, что раскаялся и готов официально признать своих бастардов. Но поскольку сам не в силах всех припомнить, каждый желающий может попытаться доказать свое родство.

– И желающих, как водится, нашлось в сотни раз больше, чем истинных принцев, – съязвил Тровенг. – Оказывается, он великий пройдоха, этот двойник вашего величества.

Взглянул на короля, потрясенно вытаращившего глаза и беззвучно пытавшегося что-то выговорить, и осмотнительно, стараясь не задеть его величество откровенным сочувствием, осведомился:

– А откуда он вообще узнал про бастардов? Разве такие сведения не держатся в строгом секрете?

– Бадейсан считался близким другом и доверенным лицом его величества, – сухо пояснил Леарон и еле заметно усмехнулся: – Ему доверялись самые деликатные дела и тайны.

– А еще он признан самым талантливым лицедеем, – в тон ему подхватил Шайонс, – и может сыграть все что угодно. От искренних слез до смертельной обиды. И кроме этого, был счастливым любовником прекрасной Сартоллы, делившейся с ним всеми секретами, какие она могла подслушать.

– Ты врешь! – взвился как ужаленный Эршель, но напоролся на безжалостно сочувственный взгляд бывшего учителя и тотчас потемнел лицом, остывая. – Извини, я позабыл, ты ведь всегда говоришь только правду. Но откуда тебе известны такие подробности?

– Неважно откуда, – сурово отрезал хозяин обители. – Но раз сказал так – значит, это проверенная информация. Хотя сплетни по твоему дворцу ходили, а шут с королевой нагло делали вид, будто просто дурачат публику, втянув в эту подлую игру и тебя. Я уже собирался приехать, просветить твое величество насчет «друга», которому достаточно устроить несчастный случай, чтобы получить корону. Но тут с королевой произошла трагедия, и я начал было сомневаться, верные ли сделал выводы из всем известных фактов. Однако он нашел другой способ сесть на трон, и это стало лучшим доказательством, что ты попал в тщательно и умело расставленную сеть. Он давно и упорно подбирался именно к короне. Все комедьянты, как правило, – люди с повышенными амбициями и самомнением, а некоторые и с манией величия, и твой шут – не исключение.

– Допустим, – устало согласился Эршель, отвернувшись к оконцу в передней стенке дилижанса, расположенному рядом с сиденьем возницы. – Но если он уже на троне, зачем ему понадобились мои бастарды? Тем более толпа претендентов? Ведь у тайного советника имеется точный список...

– И я в нем есть? – мгновенно заинтересовалась Лита.

– Нет, вот про тебя никто не знает. – Сразу посветлев, король взглянул на Чижику с невероятно мягкой, ясной улыбкой и тут же усмехнулся виновато и горько: – Ясвена доказала свою правоту очень наглядно. Но слишком жестоко...

– Мне другое непонятно, – Дилли поспешно перевела разговор на более насущную тему, – зачем ему толпы претендентов?

– Есть у меня подозрение, – хмуро пробормотал Звенорс. – И его можно проверить. Брэн, останови вон там, под дубами, у ручья. Нам пора перекусить и погулять.

Сидевший на облучке Брэн кивнул и свернул к высоким дубам, под которыми уже расположились пассажиры пяти или шести карет разной степени потертости. И пока он втискивал громоздкий с виду дилижанс под развесистый дуб рядом с двумя самыми солидными каретами, отряд поспешно преображался. В узкой каютке, расположенной в задней части повозки и отданной в полное распоряжение ведуний, двое худощавых, но далеко не юных «кеминцев» торопливо переодевались в походные костюмы егерей почтовой гильдии. Такие же, как у всех остальных спутников.

А мужчины так же поспешно надевали меняющие внешность амулеты и старательно запоминали непривычные пока личины. И чужие и свои. Новичков, впервые сменивших образ, зачастую выдает простое зеркальце.

– Мы готовы, – вернувшись, объявила Дилли и оглядела незнакомых мужчин, которых отныне опознать точно могла лишь по свету аур.

Крепкий, высокий воин с низким лбом и тяжелой челюстью сердито смотрел голубыми глазами короля; стройный парень, имевший на груди знак целителя, сиял мощной магией Звена; белокурый егерь постарше нежно улыбался ей знакомой улыбкой любимого. Изменились и все остальные, и если бы ведунья встретила их на дороге, вполне могла бы принять за самых обычных охранников ценного груза. Именно такими те и были: серьезными, внимательными и недоверчивыми. Другие на такой работе долго не выживали, ведь бандиты, желающие разбогатеть разом и без труда, всегда и во всех странах одинаково безжалостны.

– Я первый, – предупредил Шайонс, ставший рыжеватым мечником с острым взором и серьгой в ухе. – Потом вы. И не оставляйте без присмотра «кеминцев», они народ ненадежный.

Распахнул дверку, не обращая внимания на возмущенное фырканье Чижики, и подозрительно оглядел дохнувшую летним зноем поляну.

Гуляющие с зонтиками под дубами дамы обмахивались огромными веерами и делали вид, будто не замечают появления новых соседей, однако все пассажиры дилижанса прекрасно рассмотрели их любопытные взоры, украдкой брошенные поверх вееров.

– Добрый день, леди! – вежливо поздоровался Звен, и они моментально расплылись в искренних улыбках.

Магистр не зря вывесил на грудь амулет целителя – все дамы старше двадцати с хвостиком лет относятся к лекарям с особым уважением и откровенны с ними, как с родными сестрами.

– Вы из почтовой гильдии? – на всякий случай уточнила старшая из путниц и, едва получив

заверение в собственной правоте, щедро оделила новичков важной информацией: – А мы едем в Айканир на проверку. Король наконец осмелился признать своих детей.

– И кто из вас, – почтительно улыбаясь, осведомился Звен, – прекрасная принцесса?

– Ах, не шутите так! – польщенно покраснелись леди. – У нас принц. Вон он сидит под деревом.

– А его мать? – заинтересовался похожий на пирата Шайонс, нахально ощупывая дам бесцеремонным взглядом, и тут же представился: – Я капитан Шай Онсел. Прошу прощения за любопытство и надеюсь, его высочество не сирота? Хотелось бы, чтобы наш беспутный король наконец подарил стране спокойную, рассудительную королеву.

– Вы правы! – обрадовавшись возможности позлословить на излюбленную тему, зашебетали дамы. – Королевы так не хватает! Хотя сейчас, после окончания траура по бедной Сартолле, балы стали устраиваться все чаще, но попасть туда могут далеко не все. А королева-мать, говорят, частенько давала благотворительные балы и назначала народные гулянья. Его мать, – она заговорщицки оглянулась на читавшего книжку парня, – моя двоюродная сестра, и она замужем в Терази. А племянник живет у своей бабушки, моей матери, и вполне может быть сыном хитрого Эршеля.

– Желаю, чтобы ваши мечты сбылись, – желчно буркнул прислушивающийся к разговору король.

Он один остался не у дел. Брэн и Ланберс, отправившиеся к ручью поить лошадей, выполняли еще и тайную миссию разведчиков и дозорных, а «кеминцы» с самыми серьезными лицами кормили и выгуливали стравов. Гард издали присматривал за ними, попутно расставляя на складном столике немудреную, но сытную снедь. Жареных птиц, хлеб, острый овощной соус, свежие лук и огурцы.

– Но даже если и не сбудутся, – мудро заметила старшая дама, – мы все равно не в обиде. Поживем несколько дней во дворце, бастардов пускают с родней, погуляем по королевскому парку, повеселимся. Каждый вечер обещали устраивать балы и представления. Король пригласил лучшие балетные труппы, менестрелей и комедиантов. А в полночь халгирские шаманы будут запускать волшебные салюты.

– Прямо не король, а зимний пряничный дед, – снова не сдержался Эршель. – Так он быстренько спустит королевскую казну.

– Наша страна далеко не бедная, – сердито поджала губы младшая дама. – Королю никогда не придется просить корку хлеба. Зато теперь, когда его величество стал более человечен и решился признать своих детей, мы будем не просто уважать его, но еще и гордиться. Я так мечтаю первой увидеть принцев и принцесс, чтобы выразить им свою преданность!

– Шел, помоги парням с лошадьми, а то есть хочется, – ненавязчиво оттолкнул короля Звен и учтиво улыбнулся претенденткам в королевские кухни: – Мы все об этом мечтаем, поверьте, леди. Не желаете разделить с нами простой обед?

Дамы снова мило заулыбались, но от еды отказались наотрез. Простились с целителем и «капитаном» очень доброжелательно, поспешив к уже ожидавшей их карете.

– Ну, – бросив страву обглоданную кость, обвел пристальным взором неожиданных подельников рыжий пират, – у кого есть предположения, зачем Дейс это устроил? Кто смелый?

Спутники смотрели на него с насмешливой укоризной.

– Скажи уже сам, – буркнул наконец его величество. – Ты ведь наверняка уже все понял и знаешь то, о чем мы и не подозреваем.

– Мне интересно ваше мнение, – не сдался его учитель.

– Дилли? – вопросительно глянул на дочь король.

– Я подожду, – улыбнулась она загадочно и пожала руку мужа, словно случайно оказавшегося за столом рядом с «кеминцами».

С другой стороны от них так же «нечаянно» разместился Ланс. Магистры сидели напротив и упорно делали вид, будто увлечены едой.

– Предположений море, – так и не дождавшись смельчака, задумчиво начал Шайонс, – и все очень тревожные. Но главный вывод не вызывает никаких сомнений. Шуту уже точно известно, что Эршель возвращается домой. И едет не один. Не знаю, продан ли кто-то из твоего окружения, моряков или слуг, либо мы упустили шпиона в баронском замке, – пока это не имеет никакого значения. Хотя я намерен отправить туда своих учеников – пойманная в ловушку крыса бывает весьма опасной. Но важнее всего сейчас другое. Судя по всему, Дейс тебя очень боится и отчаянно спешит упрочить свое положение. Подскажи, прав ли я, подозревая, что хотя он сам и не сможет провести ритуал коронования, так как под этим именем уже коронован ты, зато имеет право отдать указание короновать сына?

– Какого сына? – не выдержал его величество. – Дейс пока даже не помышлял о женитьбе, ему нет и пятидесяти. Он имеет небольшие способности, в основном очарования, и надеется прожить триста лет...

– Прости, Эршель, – со вздохом прервала его Дилли, – что перебиваю твою речь, но ты забыл одну мелочь. Бастарды бывают не только у королей. А Дейс – вполне зрелый мужчина, чтобы иметь взрослого сына от двадцати до тридцати лет. И скрывать его такому ловкому комедьянту наверняка особого труда не составляло.

– Ты так считаешь? – Король задумался и начал мрачнеть по мере того, как открывал для себя вещи, о которых до этого момента не задумывался.

Не то чтобы его величество чего-то подобного не знал или не допускал. Нет, наивным он не был никогда. Просто верил донесениям шпионов своего тайного сыска. И только сейчас вдруг сообразил, что следили они за обычным человеком, а дело имели с прожженным жуликом и талантливым хамелеоном.

– Да, – ответил на его отчаянный взгляд Шайонс. – Вот теперь ты начинаешь понимать, кто из вас был котом, а кто мышкой. И теперь мне не верится, что сын или дочь Дейса до сих пор не во дворце. Скорее всего бастард давно уже там, и лжекороль собирает толпу претендентов только ради того, чтобы понадежнее спрятать в ней вашего нового правителя. Ведь позже отменить этот ритуал не получится, даже если сам Дейс будет признан преступником. Иного объяснения у меня пока нет.

– Это хорошая версия, – обменявшись взглядом с напарником, подтвердил Тровенг. – Но могут быть и другие. Раз ваш шут так хорошо знаком с его величеством, то должен понимать, что король просто так свое королевство никому не отдаст. Тем более в войсках уже разброд. И бравым морячкам вполне по силам захватить столицу и дворец. Следовательно, Дейс должен заранее усилить охрану, а нашествие претендентов на место принца – самая логичная и не вызывающая никаких подозрений причина. Нам сейчас необходимо срочно выяснить, на самом деле двойник ввел в столицу дополнительные войска или обходится обычной стражей. И как идет процедура отбора бастардов.

– Я уже отправил магические письма своим знакомым, – согласно кивнул Шайонс, – но ответа пока нет.

– Это шаманы, – болезненно скривившись, нехотя пояснил Эршель, – еще лет пять назад продали мне особый артефакт, не пропускающий никаких посланий. Он хранится в арсенале командира городской стражи на случай войны или осады, чтобы никакой предатель не продал важных тайн.

– И ты только сейчас об этом говоришь?! – возмутился хозяин обители. – И даже не задумался, что я волнуюсь, не получая ответов?!

– Извини, – его величество мрачнел с каждой минутой, – только теперь я начал понимать, что порой бываю наивен, словно сельский дурачок. Меня уже несколько лет ведут к гибели, как бычка на бойню, а я не только не сопротивляюсь, наоборот, еще и весело помахиваю хвостом.

– Рогами, – желчно поправил Шайонс. – Но, на наше счастье, хотя бы вовремя это осознал. Ведь шел туда ты не один, а со всеми друзьями, преданными слугами и детьми.

– Вот поэтому и сказал, что никуда они не пойдут, – твердо заявил Эршель, на миг став прежним, жестким и язвительным стариком. – Я немедленно вызываю адмирала Бердиссона и отдаю приказ об осаде королевского замка. И издам указ о награде за голову Дейса. Я знаю секрет его амулета личины и смогу легко разоблачить его перед народом.

– Вполне возможно, этот план и удастся, – тихо произнесла Дилли, взглядом остановив сердито сверкнувшую глазами сестру. – Но сам ты ничего хорошего от этого не получишь. Нельзя возвратить былой мир и благоденствие в страну, которую одним неосторожным указом привел к братоубийственной войне. Как и невозможно вернуть матерям и невестам погибших сыновей и женихов. И нас в таком случае ты тоже потеряешь, теперь уже навсегда. А вот этого теперь не желаю я, так как осознала простую истину: ты не злой и не жестокий, а просто упрямец, однажды обжегшийся на молоке. И мать это тоже знает, иначе никогда не отпустила бы к тебе сначала Леарона, а потом и нас. Как ты думаешь, зачем? Чтобы мы полюбовались на твой горб? Да ничего подобного. Она просто пытается тебя спасти, завернуть с нашей помощью с неверного пути.

– Я с тобой согласен, Диль, – нежно глянул на сестру Леарон. – И хочу сказать при всех – я поменял свое решение. И никуда не уйду, когда мы вернем отцу трон. Но изображать секретаря больше не собираюсь, мне по плечу пост советника.

– Наконец-то, – фыркнула Чижик. – А то я уже начала бояться, что ты никогда не вылезешь из шкуры лакея. Но с собой мы тебя не возьмем, и не проси. Сам знаешь, почему.

– Зато возьмете меня, – невозмутимо заявил Ланс. – И это не просьба.

– Я уже обещала никуда не ходить без мужа, – открыто глянув в ошарашенные глаза короля, сообщила Дилли. – Значит, идем вчетвером. Мы с Литой будем претендентками, Гард – нашим старшим братом, Ланс – кучером.

– Куда идете? – В обманчиво ласковом голосе его величества слышались громовые раскаты.

«Быстро же король опомнился», – усмехнулся Тровенг. Секунду назад не мог прийти в себя от дружного заявления младших детей, еще час назад и не помышлявших даже о простом перемирии, не говоря об открытом признании, а сейчас начинает на них рычать, как будто всегда был отцом большого семейства.

– В столицу, разумеется, – дерзко ответила Литя. – И как можно скорее. Твой любимый шут времени даром не теряет.

– Нет! – рявкнул Эршель. – Я не разрешаю. Пусть я плохой король и никудышный отец, но я мужчина и никогда не отпущу женщин в такие опасные вылазки!

– Ты не прав, – стояла на своем Дилли. – Мы не просто женщины, мы ведуньи. И идем не одни, а с сыщиками. Причем один из них маг, а другой – ученик мага и воин. И мы вовсе не собираемся геройствовать, просто немного разведаем обстановку.

– А магистры тем временем найдут способ попасть в город, минуя ворота и проверку, – поддержал ее Звен. – И не смотрите на меня так возмущенно, ваше величество. Вы ведь не успели еще забыть, как совсем недавно эти девушки спасли нас от смерти? А я ничего не мог поделать, хотя считаюсь одним из сильнейших магов нашего мира.

– Им просто повезло, – не желая сдаваться, проворчал король.

– Это самое любимое выражение бездельников, лентяев и завистников всех мастей, – усмехнулась старшая ведунья. – Они всегда стремятся объяснить чужие победы банальной удачей или счастливым амулетом, при этом не вспоминая о годах обучения и постоянных тренировках. Они никогда не поймут и не примут простое как мир правило: без упорного труда нету вкусного плода. Поэтому больше об этом спорить не будем, нужно подготовиться. Мы не взяли платьев и украшений, в которых можно претендовать на звание принцесс, а бедных провинциалок изображать небезопасно. Стража может сообразить, что такие еще никак не могли добраться до столицы.

– Это я беру на себя, – объявил Шайонс. – Неподалеку есть поместье, где нас примут и не зададут никаких вопросов. Остальное обсудим в дилижансе.

– И все равно это неправильно, – огорченно бурчал король, влезая в магическую повозку.

Шестнадцатое светозарня

Айканир, столица Форандии

Дилли

– Кто и откуда? – Усталый стражник смотрел на очередных «принцесс» без малейшего интереса.

– Леди Элалита и Андилия Сорейн из Несвелла! – заносчиво объявил Гард. – А я их старший брат, граф Ардон Сорейн.

– Тоже принц? – на миг прорезалось ехидство в голосе командира стражи.

– Ничего подобного, – оскорбился граф. – Мой отец умер, когда мне было пятнадцать. А отцом сестер вполне может быть и король, матушка служила чтицей у одной из его тетюшек.

– Вряд ли Эршель стал бы размениваться на немолодую чтицу, – тоскливо буркнул стражник, оглядывая нескончаемую очередь карет, повозок и дормезов.

– С чего это она вдруг стала немолодой? – снова оскорбился путешественник. – Ей в то время было всего тридцать!

– Проезжай, – обреченно махнул рукой старший. – Устраивайтесь в любой гостинице, казна платит. Завтра утром запишетесь на проверку, возле дворцовых ворот стоят шатры, там с рассвета до заката дежурят писари. Сегодня вы уже опоздали.

Сунул Гарду в руки зеленоватой листок плотной бумаги с надписью «пропуск» и, сразу забыв про него, подал знак кучеру следующей кареты, позволяя подъехать ближе.

По городу разведчики двигались нарочито медленно, откровенно восторженными взорами изучая освещенные масляными и магическими светильниками витрины магазинов и булочных, провожая восхищенными вздохами столичных щеголей и модниц.

Но едва добравшись до тенистого переулочка, где стоял нужный особняк, разом притихли и посерьезнели. Однако пока помалкивали, предпочитая обменяться мнениями в более безопасном месте.

– Кто такие? – Привратник смотрел на неожиданных гостей подозрительно и не спешил открывать ворота.

– Старый друг лорда Гонзалли, граф Сорейн с сестрами, – произнес Ланс первую условную фразу.

– Сейчас спрошу. – Немолодой, довольно упитанный мужчина неспешно двинулся к дому.

– Интересно, – едко буркнула младшая из дам, – к утру он вернется?

– Привратник сменился, – еле слышно выдохнула Дилли. – Шайонс говорил – худощавый старик.

– Отъелся, – продолжала язвить Лита, недовольная тем, что ей не позволили изображать мальчишку.

К ее огорчению, в этом вопросе маги и сыщик проявили полное единодушие.

– У девушки, которая может внезапно стать парнем, десяток преимуществ, – остановила спор старшая сестра и укоризненно попеняла Чижику: – И ты сама знаешь все их наперечет.

– Проезжайте! – Обратно привратник прикатился проворно, как мячик, но, закрывая ворота, мстительно буркнул: – И помогай вам боги!

– Что он имел в виду? – сразу став серьезной и собранной, насторожилась Лита.

– Сейчас узнаем, – прислушиваясь к доносящимся от распахнутой входной двери голосам, откликнулась Дилли и оглянулась на мужа: – Похоже, мы приехали не в лучший час, там семейный скандал.

Тровенг поморщился. Как все мужчины, большую часть своей жизни прожившие холостяками, он люто ненавидел всевозможные скандалы и был несказанно рад, что его самого подобная участь миновала. Дилли никогда ничего не требовала и не спорила по пустякам, а все свои неожиданные действия или заявления старалась подробно объяснить.

– Переждем? – предложил он, заранее не веря в подобную возможность.

– Время дорого, – мягко напомнила жена. – Лучше поможем помириться.

– Я поставлю карету, – высадив напарников у крыльца, произнес Ланс, и это опять-таки была условная фраза.

Маг намеревался снять с животных и спрятать артефакт «дилижанс», а заодно проверить охранные плетения особняка и добавить свою защиту.

– Придешь ужинать на кухню, я договорюсь насчет комнатки для тебя, – поднимаясь на крыльцо, велел Гард, ощущая на себе чей-то взгляд.

– Премного благодарен, ваша светлость! – обрадованно закивал маг, пряча невольную усмешку.

Он тоже чувствовал чужое присутствие и усиленным зрением видел прижавшуюся к дверям женскую фигурку.

– Добрый вечер, леди Гонзалли, – опередила мужа Дилли. – Я так рада вас видеть! Матушка передавала вам большой привет, она считает, что с вашим появлением лорд Валтон стал намного доброжелательнее! Познакомьтесь, моя младшая сестра Элали. А я – Андили, если вы запомнили. Мы были здесь проездом...

Она по-хозяйски подхватила растерявшуюся женщину под руку и почти насильно впихнула в распахнутую дверь.

– Добрый вечер, лорд Валтон! А мы с вашей женой обсуждаем ваш характер... Все считают, что после женитьбы он изменился к лучшему. Даже Шай.

– Но я... – протестующе начал стоящий перед ней худощавый мужчина среднего роста и резко смолк, услышав последнее слово, однако тотчас опомнился: – А как погода у вас на море?

– Прошел шторм, – ответил на пароль Гард, – но теперь все спокойно. А вот у вас, я смотрю, сплошные грозы.

– Наконец-то... – слегка растерянно пробормотал хозяин и попытался заглянуть за спины гостей: – А где?..

– Идет другим путем, – многозначительно шепнул регент и, потеснив лорда, буквально ворвался в его дом. – Не стойте в дверях, время дорого. Позже все поймете, сейчас быстро расскажите, что происходит в городе и во дворце? Магическая почта не работает, Дейс велел активировать артефакт, искажающий мини-порталы.

– А Кассика? – встревоженно оглянулся Валтон на Дилли, уводящую куда-то вглубь дома его возлюбленную.

– Моя сестра не причинит ей никакого вреда, – уверенно пообещала Лита, нетерпеливо глянув на внушительные напольные часы. – Только успокоит.

Лорд Гонзалли хмуро кивнул, не веря пока, что затеянный Касси скандал завершится так мирно, но спорить с неожиданными гостями не стал. Однако не счел излишним проверить их еще раз.

– Если вы от моего друга, – испытующе глянул он на Гарда, предпочитая вести переговоры с мужчиной, – то у вас, наверное, есть от него весточка?

– То есть паролю вы не верите? – иронично приподнял бровь регент и одобительно усмехнулся: – И правильно делаете. В Айканире творятся странные дела, и извне невозможно понять, к чему это может привести. Вот...

Он протянул Валтону извлеченный из амулета клочок бумаги, скрученный в тонюсенькую, как соломинка, трубочку, и замер, ожидая, пока хозяин прочтет несколько совершенно невинных фраз о погоде.

– Я рад, – едва пробежав взглядом по строчкам, с облегчением выдохнул хозяин, – что он нашел способ передать письмо. Здесь и в самом деле очень гнетущая обстановка, а еще и эти бастарды...

– Расскажи поподробнее, – отбросив церемонии, приказал Тровенг и кивнул на вошедшего Ланса: – Он с нами.

– А женщины?

– Женщины – тоже, – отозвалась торопливо идущая к ним Дилли. – Ваша жена спит. Ей сейчас необходим отдых.

– Она не жена, – тяжело вздохнул лорд. – Вам же известно, что знатный лорд не может жениться на простой чтице?

– Но это старинный закон, – нахмурилась Лита. – Он давно не в силе!

– Откуда вы прибыли, если не знаете, что наш Великолепный именно этот закон считает обязательным для всех знатных леди и лордов? – вмиг насторожился хозяин замка.

– Из Онзира, – мягко произнесла Дилли. – Но вам мы не враги, потому что друзья у нас с Шайонсом общие. Еще мы точно знаем, что ваш истинный король недавно кардинально поменял взгляд на волнующий тебя закон. И к тому моменту как появится на свет ваш ребенок, леди Кассика будет законной хозяйкой этого дома.

– Какой ребенок? – безрадостно отмахнулся Валтон. – Об этом мы даже не думали. Пока отбиваемся от моих тетюшек, решивших освоить ремесло свах.

– Дети иногда рождаются независимо от того, думают о них или нет, – лукаво улыбнулась Дилли и сразу посерьезнела: – Берегите вашу леди. Если я верно поняла, сегодня она готова была от вас удрать, а в ее положении волноваться нельзя.

– В как-ком положении... – начал заикаться лорд и попытался куда-то ринуться, но Гард поймал его так же ловко, как ловил мелких воришек:

– Возьми себя в руки, Валт, она спит. Сядь и расскажи все, что знаешь. А о своих проблемах забудь, их больше нет. Если Эршель не разрешит вам провести ритуал, это сделаю я, в Онзире. Но он изменился, и сильно, поверь мне. Неудачи и предательства не всегда ставят людей на колени. Иногда наоборот – делают сильнее и мудрее. И помогают осознать ошибочность собственных убеждений. Ну? Мы ждем, время дорого. Двойник короля явно задумал что-то нехорошее, нужно попытаться уберечь ваш народ от непоправимых ошибок.

– Да... – внял наконец голосу разума растерявшийся Валтон. – Конечно... Во дворец сейчас не попасть, он кишит егерями и шаманами. Слуг, чиновников и придворных из дворца не выпускают, объясняя это тем, что под их личиной назад могут проникнуть шпионы и заговорщики. Да! На них на всех надели особые неснимаемые браслеты, каждое утро и вечер проводят переключку. Шаманы обращаются с ними как с рабами, фрейлин считают своими наложницами.

Тривенг скрипнул зубами. Вот о подобной мерзости он даже помыслить не мог.

– Откуда тебе это известно? – участливо справилась Дилли, расслышав в голосе хозяина особняка острую горечь.

– Всех запереть оказалось невозможно, – вздохнул лорд. – Эти толпы народа хотят есть. Хотя королевские погреба набиты продуктами, каждое утро несколько поваров скупают у селян и перекупщиков свежие яйца, молоко, мясо, рыбу, сметану и зелень. Один из этих поваров – мой человек, он пишет шифром крохотные записки и передает перекупщику, приносящему острые травы. Они очень осторожны и все равно едва не попались, егеря время от времени устраивают внезапные обыски и проверки. Чудом удалось незаметно выбросить записку. Я запретил им рисковать, и теперь повар просто пользуется условным шифром. Например, пять пучков черемши и два – горчицы обозначают «все по-прежнему». Но если добавить к ним пару пучков рукколы, смысл изменится и будет переводиться как «осторожно».

– А что с бастардами? Точнее, с претендентами.

– С ними хуже всего. Во дворец их привозят в каретах и с сопровождающими, но на третий этаж отправляются только те, кто считает себя принцем. Или принцессой. Вниз их не пускают, следят, как за злоумышленниками, и сразу предупреждают, что все, кто собирался обмануть короля и погреть руки за его счет, будут объявлены государственными преступниками. Остальных устраивают вместе с прислугой и заставляют работать. Мыть, убирать, обслуживать воинов и шаманов. Некоторым офицерам и егерям такое обращение со знатными и состоятельными согражданами очень не нравится, они понимают, что за все придется отвечать. Но выступить против опасаются, несколько смельчаков уже сидят в камерах под казармами, и иногда оттуда доносятся крики и стоны.

– А Дейс? – помрачнев, задал последний вопрос регент.

– С ним тоже все очень странно. Иногда он выходит на балкон и следит, как глашатай читает указы, но большей частью безвылазно сидит в своих покоях.

– Как по-твоему, кто там правит? – спросила Дилли, уже сделавшая для себя четкие выводы.

– Сразу трудно сказать, – огорченно признался лорд. – Иногда мне кажется, это все-таки мутит воду двойник Эршеля. Но чаще все же склоняюсь к тому, что им самим управляют шаманы, хотя все знают, что они никогда не действуют сообща. А иногда мне приходит крамольная мысль, что это готовят переворот генералы сухопутных войск. Не зря же они торопятся разместить своих дозорных в каждом городе и даже мало-мальски значимом поселке.

– А в столице?

– Все затаились. Но добра не ждут, поэтому скупают золото и продукты про запас. Цены взлетели вдесятеро, рынки опустели, а беднота начинает голодать. Но из столицы никого не выпускают, и это не насторожило ни одного идиота из тех, кто сутками сидит у ворот в своих повозках, стремясь попасть в город.

– Но ведь отсюда доносится музыка и смех, – проскрежетал Гард, припомнив восторженные рассказы встреченных под дубами дам. – А ночами над городом сияют салюты.

– Наглый обман, – горько усмехнулся лорд. – Музыка и смех – это трактиры и фривольные заведения, где веселятся сторонники Дейса и его егеря. А салют иллюзорный, его показывают городские фокусники с помощью амулетов. К утру большинство из них лежат без сил, все они, как правило, обладают очень слабыми способностями. Маги вообще оказались самыми уязвимыми, если не самыми наивными. Их торжественно пригласили на консилиум, якобы доказать истинность короля, и поселили в лучшие комнаты. А потом приглашали по одному в королевские покои, и обманом надевали страшные шипастые ошейники. Теперь они спят в подвале, в камерах для преступников, и служат шаманам.

– Темные силы! – огорчилась Дилли, сразу сообразив, что этим сообщением вдребезги разбиты самые надежные планы магистров.

Как выяснилось, в их среде принято негласное правило не отказывать коллегам в помощи в подобных случаях, и Звен надеялся, что, попав в столицу, сможет призвать в свой отряд пять-шесть магистров и не менее пары десятков магов уровня мастера и подмастерья.

Но если все они сейчас во дворце, то помощь сначала нужна им. И в то же время первыми спасать магов нельзя, шаманы сразу же поймут, чем им это грозит, и поспешат кого-нибудь наказать в ответ. Или придумают какую-нибудь новую пакость. Всем известно, что ход мыслей халгирских недоучек и простая человеческая логика – это абсолютно противоположные вещи. Шаманский разум дик и темен, а все понятия о добре и справедливости настолько извращены, что кажутся безумными любому жителю Форандии, Онзирского княжества и всех западных и северных стран.

– Будем ждать магов, – постановил Тровенг, словно подводя итог размышлениям жены. – Они обещали прийти после полуночи. Полагали, что в этот момент улицы полны гуляющего люда, вышедшего смотреть салют. Жаль, нельзя их предупредить, но, думаю, и сами догадаются, что дело нечисто, когда переберутся через стену.

О том, как магистры намерены это сделать, не знал никто из его команды, даже Ланс. И не из-за недоверия или особой секретности. Просто у них не было возможности получить более-менее достоверные сведения и детально обсудить план.

Выехав днем из-под дубов, дилижанс быстро присоединился к веренице повозок и карет, медленно приближавшихся к столице. Вернее, они больше стояли под палящим полуденным солнцем, чем двигались вперед. Очень скоро магам стало ясно, что при такой скорости придется просидеть тут не менее трех дней, а это было недопустимо. И они в первом же удобном месте свернули в сторону, якобы на привал, напоить лошадей, умыться самим, отдохнуть в тени деревьев.

На самом деле все сделали наоборот. Едва тракт скрылся за кустами, дилижанс окутался зеленой дымкой и понесся по беспутице в направлении северных ворот. К ним вела дорога из предгорных областей, и во все времена по ней проезжало в несколько раз меньше народа, чем по основному королевскому пути. Тут и сейчас было намного свободнее, чем у западных ворот, но становиться в конец очереди пассажиры дилижанса не собирались.

Промчались через болотце, потом по дну овражка и остановились в тени прибрежных ив и акаций. В этом месте отряд разделился. Маги оседлали коней, уменьшили дилижанс до размера кареты и расстались. Всадники помчались в расположенное за холмом поместье одного из адептов Шайонса, а карета, вынырнув из густых кустов в полулиге от северных ворот, уверенно втиснулась между замерших в ожидании повозок.

Ведуньи все это время упорно прятались внутри, на крайний случай создав себе лица юношей примерно одного с Литой возраста, и с тревогой поглядывали вдаль, гадая, успеет ли вернуться Шайонс.

Успел. Вынырнул из придорожных кустов, одетый как пожилой селянин, в соломенной шляпе и с завязанной чистым ситцевым платком корзиной в руках. Стукнул в стекло оконца и робко предложил господам купить пирожков и молока. Корзина мгновенно исчезла в распахнутой дверце, а старик, попробовав на зуб монету, довольно кланяясь, исчез в кустах.

В корзине нашлись женские туфли и одежда, а в тайничке под ними – короткое письмо, настрого запрещавшее лезть во дворец без магистров.

Семнадцатое светозарня

Айканир, столица Форандии

Гард

Ночное небо над столицей переливалось яркими огнями призрачного фейерверка, а в домах, окружающих особняк Гонзалли, все окна были темны. Город словно вымер, нигде не горели ни садовые светильники, ни фонари перед крыльцом и у ворот. Лишь доносился откуда-то грубый смех и нарочитый женский визг, заставлявший регента раздраженно кривить губы в презрительной усмешке. Отсюда, из замершего в тревоге дома, этот дешевый спектакль казался Тровенгу невыносимо примитивным и неправдоподобным. И зарождал в душе вовсе не желание выйти на улицу и присоединиться к незатейливым развлечениям толпы, а тоску по хорошим мечам, со свистом разгоняющим наглую пену, неизменно поднимавшуюся из неведомых темных углов и щелей в дни тяжких испытаний.

Гард сердито фыркнул и тут же, спохватившись, сжал губы и оглянулся на мирно спящую жену. Осторожно прикрыл окно, прошел к кровати, прилег рядом, нежно поправил любимой упавшие на лицо волосы. Самому ему никак не спалось. И ведь понимал отлично, что отдых просто необходим, но не давала уснуть тревога, подсовывавшая воображению одну незамеченную опасность за другой. Во дворце угнездилось зло, жестокое, нелогичное и какое-то чужеродное. Ни один из претендентов на место князя Онзирского никогда не додумался бы до таких бесчеловечных подлостей, какие устраивал своему народу Дейс.

Шут словно не понимал, что копает яму под себя самого. Ведь ему же предстояло потом править этими людьми, смотреть им в глаза, доверять свою жизнь. Отчего же он сейчас с тупым упорством самоубийцы делал все, чтобы восстановить их против себя?

– Зря ты не выпил отвар мяты, любимый, – легла на его щеку теплая ладонь жены, нежно погладила, успокаивая. – День будет трудный, неясно, удастся ли отдохнуть. Может, накапать зелья? А как они придут, я сама тебя разбужу.

– Я волнуюсь за вас с Литой, – откровенно признался он. – Ничего не говори, я и сам видел, на что вы способны. Но ведь этого умения хватит ненадолго.

– Потому я поужинала поплотнее и сплю, набираясь сил... – лукаво хихикнула Дилли и сразу стала серьезной: – Не волнуйся, счастье мое. Мы же не бесшабашные сорвиголовы, в ловушки да в самую гущу боя не полезем.

– Как бы мне хотелось, чтобы никакого боя не было, – обняв жену крепче, прошептал регент ей в макушку и попросил: – Постарайся еще поспать.

– Ладно, – покладисто согласилась она и притихла. А через минуту, приподняв голову, вдруг абсолютно не сонным голосом произнесла: – Ты помнишь, что ответил Валтон про привратника?

– Старый вдруг взял расчет, и ему пришлось нанять нового. Но что в этом странного?

Возможно, у прежнего появилась возможность улизнуть из города, например, с селянами, которые привозят продукты. Если он человек немолодой и рассудительный, то наверняка осторожен и бдителен, как все, кто долго проработал привратником. И просто обязан был отсюда сбежать. Даже меня угнетает происходящее в Айканире, хотя я нахожусь тут всего несколько часов. И вообще чужой этому городу человек. А для них это родина... Могу представить, насколько страшно стало людям жить здесь с тех пор, как Дейс решил проявить свою власть. Тут ведь даже просто ходить по знакомым с детства улицам стало опасно, словно по зыбучим пескам.

– А мне кажется, его заставили, – убежденно произнесла ведунья и, поднявшись с постели, метнулась к окну. Несколько мгновений стояла, прислушиваясь, затем негромко, но уверенно крикнула: – Чижик, атас!

А в следующую секунду уже находилась у стула с приготовленной одеждой и стремительно одевалась. Выбрав на этот раз легкую летнюю амазонку.

– Дилли? – Вскочив с постели Тровенг торопливо затягивал на груди шнурки простой рубахи. – В чем дело?

– У ворот всадники... Боюсь, прежнего привратника заставили уйти. А новый служит вовсе не лорду Гонзалли.

– Старый трюк, – вмиг сообразил Гард, рассовывая за пояс оружие и вешая перевязь для меча, – поменять слуг! Редко кто готов выдавать своих прежних хозяев, особенно если его не обижали и ценили.

– Значит, шаманы – просто наемники, – заключила ведунья. – Они таких деталей отношения к слугам никогда не знали и не понимали.

И Тровенг был полностью с ней согласен. Все обстоятельства этого набирающего скорость переворота указывали на стоящего во главе человека, хорошо знавшего тонкости обычаев и привычек жителей северных стран, но не имевшего ни малейшего желания их уважать.

– Как действуем? – вихрем влетела в комнату Лита. – Сдадимся или воюем?

– Посмотрим, как они будут с нами разговаривать, – произнесла ведунья и, шагнув к мужу, просительно заглянула ему в глаза: – Не приближайся к ним, родной. Они вооружены магическими штучками, это работа для Ланса и для нас.

– Я тоже кое-что могу, – напомнил Гард, но обижаться и не подумал.

Смешно ведь обижаться на любимую женщину, которая смотрит на тебя с такой искренней тревогой, истово желая уберечь от худшей доли. Но и говорить ей сейчас, что все равно поступит так, как подскажет ему совесть и опыт, тоже не стоит. Она и сама это знает.

– Сдаваться нельзя, – спокойно проговорил Ланс. – Вместе с нами они заберут и хозяев. Я вечером подслушал шепотки, когда вез вас сюда. Но не думал, что они примчатся среди ночи.

– А Касси ждет ребенка, – напомнила Дилли.

– Тогда запускаем всех во двор и берем в плен, – принял решение Тровенг. – Ланс, сумеешь бросить ловчую сеть?

– Я лучше Чижику в них метну, – кивнув, пошутил маг. – И посмотрю, как они станут просить пощады.

– Не успеют, – пренебрежительно бросила Лита. – Если я окажусь среди них, никто ничего даже не поймет. Поэтому если сможешь – кидай.

– Леди! – Коротко стукнув в дверь, в спальню ворвался полуодетый Валтон. – Надевайте что-нибудь и быстро следуйте за мной! Привратник нажал секретную кнопку, за вами пришли. Не знаю, как они узнают...

Он наконец разглядел уже одетых и вооруженных гостей и скорбно поджал губы, сообразив, что все они в курсе происходящего.

– Простите, до сих пор я считал, что мой дом безопасен, и те, кого забирают по ночам, сами нарушают последние указы...

– Про указы потом, сейчас быстро объясни, куда ты хотел нас увести? – решительно остановил его извинения Гард.

– В потайной ход. Про него знаем только мы с Касси. Ее я уже отнес.

– А слуги?

– Ночуют у себя дома, мы оставили только приходящих, кухарку и прачку, – ответил Валтон и смущенно пояснил: – Продукты все дороже, а управляющий имением попасть в город не может.

– Идем, покажешь нам ход. – Получив от напарника условный знак, Ланс первым направился к двери. – Но мы попробуем с ними договориться. Если уж не получится – успеем уйти.

Команда дружно двинулась за ними.

Потайная дверца нашлась неподалеку, в нише с зеркалом. Кто-то очень хитро замаскировал опирающий рычаг под обычную резную раму и спрятал в стене крохотную каморку, откуда начиналась узкая лестница вниз. На верхней ступеньке, пристегнутая ремнем к перилам, сидя спала Кассика, и ведунья первым делом ринулась к ней.

– Нужно разбудить, – пояснила спутникам, молниеносными движениями нажимая какие-то точки на голове девушки. – С ношей на руках тут трудно спускаться. А выход из тайника далеко?

– В углу сада. Но я не хотел оттуда уходить, просто пересидеть в секретных подземных комнатах. Там спрятано все необходимое. Может, сразу пойдете с нами?

– Нет, это не для нас, – покосившись на ведуний, отказался регент. – Но ты иди, не сомневайся. Только скажи, как дать тебе знак, что все в порядке?

– Просто нажмите вот тут, и дверь откроется.

– Держи. – Маг достал из кармана и отдал хозяину подвешенный на тонкую цепочку узкий и прозрачный, как льдинка, камень. – Он засияет, если можно будет возвращаться. Запри там все двери и не рискуй.

– Поспеш! – прикрикнула Дилли на собиравшегося еще что-то сказать лорда. – Они уже на крыльце.

Валтон виновато глянул на девушек, нехотя отвернулся и нырнул в дверцу. Через секунду зеркало повернулось и встало на место, надежно скрывая свою тайну.

Ланс едва заметно усмехнулся и бросил на потайной проход маленький маячок. Так, на всякий случай.

С крыльца донеслись удары, сначала осторожные, затем все более решительные и громкие, но никто из разведчиков и не подумал бежать открывать двери. Пусть ломают, если имеют такие полномочия.

Напарники и ведуньи расположились на галерее, огибавшей на высоте второго этажа просторную прихожую, и затаились в тени, ожидая появления егерей. Однако едва дверь со скрипом и треском сдалась под натиском магических ударов, первым в дом вошел шаман. И без единого слова, не выставив условий и не выяснив, есть кто-то в доме или все ушли смотреть фейерверк, поднял перед собой боевой жезл, ударив по лестнице, дверям и углам градом жарко светящихся шариков. Затлели портьеры и ковры, занялся пламенем висевший у камина плетенный из соломки лапот, в котором, по поверью, живет дух дома.

В тревоге за жену Гард метнулся в тот угол, где в последний раз ее видел, но озадаченно замер, ощутив окативший спину холод. Глянул через перила вниз и невольно поежился. Шаман лежал на полу рядом со своим страшным оружием, и его лицо было белым и спокойным. Только поблескивало в свете ночника алмазными кристалликами льда.

– Ланс, вы тут? – раздался от входа осторожный вопрос Звена, и через несколько секунд маг шагнул в дом, бдительно осматриваясь по сторонам.

– Как вы вовремя, – с облегчением отозвался Ланберс, выходя из своего укрытия. – А мы уже собирались отбиваться.

– Пришлось ускоряться, остальные еще идут, – пояснил вошедший следом за магистром Шайонс и окинул быстрым взглядом помещение: – А где хозяин?

– В тайнике. – Лита успела первой спуститься вниз и уже рассматривала ледяное лицо шамана. – А вы его того... навсегда?

– Нет. Хотя он и заслужил. Это заклятие называется «ледяная амфора». Он сейчас просто замедлен и отделается обморожением носа, – объяснил Звен, ловко избавляя шамана от оружия, зелий и амулетов. – Вот второму досталось сильнее, но и он выживет.

– Но раз шаманы не вернутся к своим, значит, к ним скоро придет подкрепление? – забеспокоилась Дилли. – Не пора ли нам подумать о защите? Или у вас другой план?

– Сначала неплохо бы умыться и выпить по стакану взвара, – взмолился Шайонс. – Пришлось несколько часов лежать на дне телег с картошкой. Ланс, нужно встретить Эршеля, он ни в какую не пожелал переждать в безопасном месте. Брэн приведет их под отводом глаз, мы опередили всего минут на пять. Кстати, привратник сбежал, едва увидев нас.

– Гард покажет вам ванную, а мы сделаем взвар, – заторопилась на кухню Дилли.

Пока король с охраной не окажутся здесь, рано и бессмысленно строить планы и думать о спасении хозяев дома.

– Как ты представляешь себе наше нападение на дворец? – осведомилась Лита, нарезая найденные в кладовой колбасы и окорока.

– Пока никак, – осторожно ответила старшая сестра. – Нужно послушать, что они узнали.

– А тем временем наступит утро, – многозначительно намекнула младшая, – и шаманы обнаружат пропажу братьев. Или еще кто-то, егеря, допустим. И придут сюда всей ордой. Как думаешь, уцелеет на этом месте хоть клочок травы или камень? Он сегодня только разок посохом махнул, припугнуть хотел, как я понимаю. А комната чуть не сгорела.

– К чему ты клонишь? – замерла Дилли.

– Такой толпой мы во дворец не пройдем. А нам нужно защитить липовых бастардов. Их матушки и тетушки желали праздника, а расплачиваться за это придется, как всегда, детям. Но если нас раскусят заранее, у ворот или при подходе, этих наивных лжепринцев спасти будет поздно. Ты же видишь, как жестоко карают шаманы за малейшее неповиновение.

– Я обещала Гарду... – заикнулась леди Тровенг, глянула в презрительно-насмешливые глаза сестры и прикусила язык.

Ей и самой было понятно, как опрометчиво она поступила, давая любимому слово, но ничего изменить уже не могла.

Да и не желала. Истинное семейное счастье – это редкое чудо, оно невероятно чутко и хрупко, и потому его нужно очень тщательно оберегать от любых происков каверзной судьбы. Но сильнее всего оно обычно страдает от собственной лжи, невнимательности и грубости. Обманешь сегодня, не исполнишь обещаний завтра, в очередной раз забудешь сказать доброе слово – и однажды вдруг обнаружишь вместо живого, жаркого семейного очага кучку холодной золы.

– А я никому ничего не обещала! – Чижик с вызовом вздернула нос. – И потому могу действовать так, как считаю нужным.

– Это неправильно, – подумав, уверенно заявила Дилли. – Да, вслух ты таких клятв не произносила, но, вступая в отряд, каждый по безмолвному уговору обязуется выполнять некие неписанные правила. Один раз мы с тобой их нарушили, но тому была веская причина – сигнал Леара. Ведь только мы с тобой могли верно расшифровать его значение и осознать, что от нас ждут немедленных действий. А сейчас обстоятельства совершенно другие. И они не постоянны, все может измениться в любой момент. Поэтому ты не имеешь права решать только за себя. Если к шаманам придет подмога, нам может понадобиться твоя помощь. Мне тоже жаль ни в чем не повинных наивных лжебастардов, но им пока ничего не угрожает. А Эршель с Леаром и Лансом в эту минуту бредут где-то по городу, кишасшему шаманами и пьяными солдатами. И если узнают, что ты ушла геройствовать в одиночку, ринутся за тобой, даже не смыв с себя картофельную пыль и не выпив по кружке воды.

– Умеешь ты отравить настроение! – Лита резко отложила нож и обессиленно опустила на

дубовый стул. – Прости, Дилли, я не со зла. Просто привыкла действовать быстро и никак не могу притерпеться к их манере каждый шаг обдумывать со всех сторон по полчаса.

– Потому что не хочешь принять простую истину, – резковато ответил за ведунью вошедший на кухню Шайонс, уже чисто умытый, в свежей темной рубашке с графскими вензелями на плече. – Магистры всегда помнят, что за их решениями стоят чьи-то жизни, и больше всего боятся ошибиться. Вот и не спешат, не по одному разу перепроверяя свои планы. Хотя в исключительных случаях могут действовать очень быстро. Вот Звен сегодня уложил одного шамана молнией, пущенной от самых ворот. А потом мчался сюда как смерч и бросил заклинание, не успев даже шагнуть на крыльцо. Но все равно в обоих случаях не стал убивать халгирцев, помня, что они не выглядят хозяевами дворца, – скорее слугами или наемниками, выполняющими оговоренную работу.

– Садитесь есть, – поспешила воспользоваться его передышкой Дилли. – Хотя все это и верно, но я тоже переживаю за бастардов. Слишком жесток он... человек, которого мы пока не знаем. И потому много рассуждать сегодня не придется. Я уже все обдумала и нашла единственный способ провести в королевский замок сразу весь отряд. Как только все перекусят, двоим магистрам придется надеть личины захваченных шаманов и вести нас во дворец. Всех. Мы с Литой будем бастардами, остальные – сопровождающими и хозяевами дома. Только одно меня волнует: что становится с домами тех жителей, которые нарушили указ и попали в королевские владения?

– Я могу ответить. – Шайонс покосился на примолкшую Литу. – Эти особняки занимают шаманы и командиры егерей. За предательство и жестокость в Айканире нынче платят очень щедро.

– Тогда нам необходимо предупредить Валтона, – поднялась с места Лита. – Я схожу.

– Пусть лучше это сделает Ланс, когда вернется, – остановил ее вошедший с магистром Гард. – Я заметил, как он чем-то закрыл дверь.

– Нужно на всякий случай спрятать их в надежном месте, – не согласился торопливо поглощавший еду Шайонс. – По пути мы заметили несколько сгоревших домов... Боюсь, в подземном тайнике будет нечем дышать, если в особняке начнется пожар. Я сам их отведу, прикрыв невидимостью, потом отправимся во дворец. А Звен пока допросит раненого, нужно же знать, как они проходят ворота. Должны быть пароли или какие-то знаки.

Спорить с ним никто не стал, лишь Дилли спросила, безопасно ли новое убежище.

– Я уверен в том человеке, – заверил хозяин обители. – Но главное – там не будет шаманов. Он настоящий маленький храма в бедном районе для ремесленников и докеров, и паства его обожает. Любой приютит его друзей, и никто из соседей не выдаст. Да и егеря в тот район города попусту соваться не любят, грузчики – все люди сильные и храбрые.

– Вот из кого нашему родителю нужно было нанимать охрану, – съехидничала Лита. – Они бы не продались двойнику.

Семнадцатое светозарня

Айканир, королевский замок

Дилли

Звук шагов разносился, казалось, по всему городу, хотя четверка «пленников» невольно старалась шагать поаккуратнее. Следовавшие за ними шаманы, которых изображали Звен и Варгус, были обуты в короткие сапоги, сшитые из мягкой и толстой буйволовой кожи, и ступали почти бесшумно. Остальные четверо, тщательно укрытые амулетами отвода глаз и заклинаниями невидимости, двигались неслышно, натянув поверх удобных туфель без каблучков толстые зимние носки.

Первоначальный план Дилли подвергся существенному изменению. Допросив шамана, магистры выяснили, что всех пленников по прибытии во дворец обязательно рассортируют, и самых подозрительных отведут на допрос к палачам. Однако даже если все будут тихи и покорны, но их будет больше четырех, начальник караула немедленно приставит в подмогу шаманам пяток егерей.

– Скорее подстраховка на всякий случай, – расшифровал это сообщение Гард. – Значит, сторонники двойника не доверяют друг другу, и злодею, стоящему за спиной Дейса, это отлично известно. В таком случае у него непременно должны быть осведомители или шпионы в обеих группах, уследить за всем самому просто невозможно.

– Может быть все что угодно, – согласился Звен. – Неизвестные маги или всем знакомые, но прячущие истинное лицо интриганы, лазутчики или бастарды соседних повелителей с неведомыми артефактами – сейчас сказать трудно. Вполне возможно, впоследствии, когда все выяснится, мы будем искренне удивляться, почему не смогли разгадать истину сразу. Но до этого еще нужно дожить. Я настоятельно прошу вас только об одном: никому не верьте, кроме напарников, ничему не удивляйтесь и не показывайте виду, если вдруг что-то заметите или поймете. Враг жесток, и если кого-нибудь заподозрит – не остановится ни перед чем.

Вот поэтому магистры приняли решение попытаться как можно дольше сохранить в тайне невидимую часть отряда, где наравне со всеми шел и Эршель.

– Я, конечно, старый упрямый лопух, – заявил он с мрачной усмешкой, когда его попытались уговорить переждать эту ночь в надежном подвале храма для бедняков, – но не совсем еще дурак. И секреты некоторых потайных местечек и переходов своего дворца не открыл пока никому. Да и не пользовался ими уже лет пятнадцать, только проверял запирающие ловушки. Магистр, служивший еще моему деду, был очень предусмотрительный человек.

– А куда же он делся? – живо заинтересовался Звен.

– Никто не знает. Уехал на раскопки старого храма в Кеминскую пустыню, да так и не вернулся. Мы его искали, посылали целую экспедицию – без толку. Они возвратились ни с чем.

Больше спорить с королем не стали, но к нему и к Леарону приставили телохранителем магистра Брэна. Шайонс должен был незаметно проследить, куда отправят Гарда и Ланса, и вместе с Варгусом помочь им освободить форандских магов. Вроде и нетрудная задача, но все отлично знали, как легко от крохотной случайности иногда рассыпаются самые замечательные планы.

И жизнь наглядно подтвердила эти опасения.

– У ворот толпа егерей, – тихо предупредила Дилли, добавив зрению кошачьей остроты.

– Спорят со стражниками замковой охраны, – доложила Лита, мигом усилив тонкость своего слуха. – Те не пускают их в замок, ссылаются на какой-то приказ. Гонят ночевать в городских казармах.

– А командира не слышно? – заинтересовался Эршель, и на него шикнули сразу все маги.

Его упрямое величество наотрез отказался менять голос, пообещав молчать как дерево. Вот только маги ему не очень поверили и повесили на шею амулет с заклинанием искажения, предупредив, что активируют его, если Эршель попытается действовать не по плану.

– В отряде двое несдержанных и потому ненадежных людей, – пошутил Шайонс, покидая дом лорда. – Король и младшая принцесса. Поэтому за ними нужно следить особо, чтобы не влипли в ловушку.

– За мной не нужно, – мгновенно огрызнулась Лита. – Я отлично знаю свои возможности. А вот за его величеством действительно присматривайте, он ведет себя как избалованный мальчишка.

– Ну и нахалка! – тут же возмутился Эршель, но в его голосе, перекрывая напускную суровость, слышалась звеняще счастливая гордость горячо любящего отца.

И все дружно смолчали, старательно пряча смущенные взгляды и понимающие улыбки.

– Если попытаются нам помешать – шарахну по ним жезлом, – предупредил Звен и добавил для четверки Брэна: – А вы постарайтесь проскочить впереди, у вас будет десять секунд.

Все насторожились и подобрались. От того, как они пройдут ворота, зависел успех главной части плана.

Толпа егерей была все ближе, теперь уже каждый мог расслышать их перебранку своими

ушами. Но спор неожиданно разрешился миром, хотя и не совсем так, как хотелось бы лазутчикам.

– Хаскат, кого ведете? – окликнул на халгирском диалекте стоящий на балконе привратной башни мужчина, кутавшийся в черный плащ.

– Бастардов, – небрежно отозвался Звен, точно копируя голос плененного шамана. – Две дочки.

– А остальные?

– Брат и кучер.

– За что?

– В гостиницу не захотели. К родственникам поехали, – равнодушно докладывал лже-Хаскат.

– Кто родственники?

– Граф какой-то! – Звен сплюнул сушеную траву, которую жевал всю дорогу, как истинный халгирский шаман. – Плачет, клянется, что их не звал. Он сам сигнал подал. Я велел утром принести в казну десять тысяч и все мясо, какое есть в доме.

– Сами небось нажрались, – ехидно буркнул один из егерей.

– Проверили на яд, – высокомерно огрызнулся маг, – чтобы вас не отравили!

– Проходите, – не дал разгореться ссоре человек в плаще и, хмуро глянув на егерей, нехотя, с угрозой добавил: – И вы тоже. Но еще раз опоздаете...

Второго раза у них может и не быть, мрачно усмехнулась про себя Дилли. Судьба зря старается, давая людям подсказки и пути спасения. Они привыкли поступать по-своему и видят развилку в жизни лишь после того, как она уже осталась позади.

Передний двор замка был освещен ярко, как днем, и это говорило о неусыпной бдительности Дейса или таинственного незнакомца и о его образе мышления. А заодно в очередной раз снимало с шаманов подозрения в организации переворота. Они до такого никогда бы не додумались, находя обманчивые блики костров самым надежным и удобным способом разогнать ночную тьму.

Лазутчики шагали за выдвинувшимися вперед шаманами тесной кучкой, надеясь, что никому из наблюдателей не придет в голову посчитать расходящиеся от их ног тени. Но на всякий случай держали под рукой оружие, готовясь в любой момент принять бой.

Однако до крыльца дошли спокойно – видимо, стражей больше интересовала толпа егерей, шедших всего в нескольких шагах позади них.

Здесь, по словам шамана, смельчаков, сумевших прорваться в ворота, ожидала первая ловушка. Некоторые ступени были смазаны жиром, что считалось у халгирцев невероятным коварством. И ради шутки они иногда пускали вперед приведенных пленников, различных нарушителей новых порядков, чтобы потом высокомерно заявлять, что это древние стены дворца чувствуют лгунов.

Но ведуньи сразу предупредили, что их таким способом не обманешь, и потому Варгус поднимался впереди, не давая вероятным наблюдателям никакой возможности заподозрить новых претендентов в осведомленности. Магистр натренированным взглядом определял более темные и одновременно чистые участки, мысленно благодаря за подсказку слуг и егерей. Одни ленились каждое утро мыть и снова мазать маслом темный гранит ступеней, вторые, не желая считать ступени коленями или задом, незаметно пометили безопасный проход, посыпав границы мелким мусором, крошками и песком.

В дворцовые двери магистру пришлось стучать минут пять, и все это время егеря, оказавшиеся почти вплотную к команде спасателей, изощрялись в предназначенных бастардам «щедрых» предложениях. И с каждой проведенной в ожидании минутой brave вояки становились все развязнее и наглее.

– Вы зря думаете, пташки, – ехидно скалился очередной молодчик, – что во дворце будет веселее, чем с нами. Потом еще пожалеете... начнете платочками махать, да поздно будет.

– А как тебя зовут? – сооротив глупенькое выражение лица, оглянулась на егеря Лита, и весь отряд насторожился.

– Никак, – нагло ухмыльнулся он, – я сам прихожу.

– Странное имя, – сладенько улыбнулась ему девчонка, – но запомни, Никак, приходить можно только туда, куда пригласили. И не обижайся, когда тебя будут пороть посреди двора за оскорбление принцессы. А я тебя обязательно запомню – по мерзкой роже.

– Мы все запомним, – злопамятно пообещал Ланс, пытаясь перевести на себя ярость, вспыхнувшую в глазах егеря, подогретого походом в таверну.

– Прекратить! – зло рявкнул Варгус, изображавший второго шамана, и угрожающе поднял боевой жезл: – Всем молчать!

Лишенные развлечения егеря сердито забурчали, попытались шагнуть к девушкам ближе и тотчас резко отхлынули, неожиданно обжегшись о неистовый огонь черных глаз высокого пленника.

– Ты кого ведешь во дворец, шаман? – подозрительно прищурился помалкивавший до этого времени офицер, но больше ничего сказать не успел, остановленный резанувшей желудок болью.

– Говорил я тебе, что медовуха у них прокисла, – пробормотал его сосед, и все воины тотчас задумчиво притихли, прислушиваясь к собственным организмам.

В этой тишине лязг отпираемого замка прозвучал как-то особенно звонко и зловеще, и когда распахнулась дверь, лазутчики пару секунд медлили, прежде чем войти. Невидимые руки подтолкнули Литу, потом Дилли, и у самого уха старшей ведуньи раздался едва слышный шепот короля:

– Добро пожаловать домой, дети мои.

Вошедший за ними Звен тотчас захекал, шумно сплюнул на пол жвачку и важно направился по гулкому огромному залу к ведущей вверх лестнице, показывая бастардам дорогу.

Варгус развернул регента с напарником в другую сторону и погнал перед собой, как стадо овец. Именно так обращались с родственниками претендентов подлинные шаманы. Хотя раненый халгирец и пытался немного сплутовать, отвечая на вопросы магистра, однако обвести Звена ему не позволило заклинание истины.

Последняя, невидимая, часть отряда неслышно отступила к оконным нишам, пропуская егерей в правое крыло, к занимаемым ими комнатам для охраны. Вояки шли торопливо, не глядя на пол перед собой, а может, просто ноги у них от усталости или чего-то иного заплетались. Но передний неожиданно запнулся, словно налетев на невидимую преграду, и растянулся во весь рост, а за ним, натыкаясь друг на друга, как спелые груши посыпались и остальные.

После кое-кто из них утверждал, будто его подтолкнули нарочно и довольно грубо, но в подобных случаях всегда возникает полная неразбериха. Капрал так и сказал, когда распределял наказания гулякам, устроившим ночью во дворце беспорядок.

Семнадцатое светозарня

Айканир, королевский замок

Гард

Казалось, судьба к ним благоволила. Во всяком случае, первая часть плана прошла гладко, несмотря на выходки Эршеля, от ненависти к предателям и захватчикам срывавшегося на мелкие пакости вроде подножек и тумачков подгулявшим егерям.

Варгус без помех провел регента с Лансом к полуподвальным помещениям, где при Эршеле располагались зимние тренировочные залы и выбитые в камне просторные кельи для укрытия горожан в случае осады или ураганов. Но ни того ни другого в королевстве не происходило

уже давненько, поэтому погреба использовались как склады старой и садовой мебели, ковров и статуй. А также прочего хлама, который хозяйственный смотритель дворца никак не решался бросить в весенний костер. Все это очень пригодилось всем тем случайно попавшим во дворец бедолагам, которых Дейс не желал выпускать на волю – во избежание распространения слухов, и опасался казнить, пока не станет законным королем.

Их запирали на ночь в самом большом зале, и они давно уже устроились там, разделившись на компании. Женщины – отдельно от мужчин, и только несколько семейных пар да влюбленные, нашедшие друг друга в этом печальном месте, отгородили себе старыми шкафами и декорациями королевской труппы лицедеев небольшие клетушки.

Но в этот зал, обнаружив, что пленников сторожит только пудовый замок, спасатели, к которым присоединился хозяин Хазретского замка, пока не пошли. Набросив на спутников отвод глаз, Варгус провел их дальше, к бывшему винному погребу, из которого шаманы и егеря давно уже повытаскали все запасы, взамен отправив туда пойманных магов, от парнишек-учеников до подмастерьев и лекарей. Шаманы с большим удовольствием надевали на более умелых конкурентов заготовленные заранее ошейники с шипами, рассеивающими магию. Этот подлый выкачиватель энергии придумали когда-то для безумного коллеги сами магистры, а шаманы лишь украли идею и упростили антиамулет. Им ведь не требовалось заботиться об удобстве и здравии пленников, у шаманов к ним всегда был лишь чисто меркантильный интерес. Возможность получить выкуп одним из всем известных способов.

Замок с двери в бывший винный зал Ланс снял на ходу, а едва распахнув во всю ширь дубовую дверь, выкрикнул в темноту условный клич магов, одновременно зажигая под потолком яркий светлячок.

– Мы из обители «Хазрет», я ее глава, – уверенно сообщил Шайонс недоверчиво щуриющимся, встревоженным магам. – Сейчас мы снимем с вас ошейники, но бежать никуда не нужно. Спокойно идите в столовую возле кухни. Там уже ждут наши друзья. Вам необходимо хорошенько поесть и восстановить энергию, потом мы поможем вам добраться до дома или устроиться на работу. Желающих учиться ждет обитель «Хазрет» или ковен магов из Онзирского княжества.

Пленники выслушали это заявление молча, а на направившихся в их сторону магистров смотрели опасливо и отчаянно, как глядят дикие звери на охотников, поймавших их в силки.

– Я понимаю, – сокрушенно бормотал Шайонс, осторожно опутывая шею юного парнишки защитной сетью, – что ты боишься, но обещаю, больно не будет.

– Михаю больно не было... – горько пробормотал тот дрожащими губами и обреченно закрыл глаза.

– Кто такой Михай? – насторожился магистр.

– Лекарь из Окрицы, – тихо буркнул сосед парнишки, сочувственно сжимая его худую ладонь. Взглянул в глаза мага и еще тише пояснил: – Он хотел снять ошейник. Не поверил, когда они сказали, что в них секретное заклинание. Если его не знать и снять ошейник – тот взорвется.

– И что дальше? – приостановился Варгус, уже собравшийся снять первый антиамулет.

– Разорвало, – скупно процедил бледный маг с полуоторванным знаком подмастерья. Пристально посмотрел в глаза помрачневших магистров и осторожно подсказал: – Вам лучше найти Инзерта, он тут старший над шаманами.

– А ему можно верить? – бдительно уставился на пленника Ланс, но тут же, сообразив, что таким образом правды ему не узнать, разочарованно поджал губы.

– Вот именно, – горько вздохнул маг. – Если он притворяется, ты подставишь всех нас. А если он за нас – можешь подставить его и...

Договаривать мужчина не стал, опустил голову и покорно замер, отдавая себя судьбе.

– Испытывать удачу не будем, – постановил Варгус. – Придется вам потерпеть еще немного. Как я понимаю, Инзерт – это тот человек в черном плаще, который встречал нас во дворе.

– Да, – поспешив отодвинуться, почти беззвучно шепнул мальчишка и отер ладонью выступивший на лбу пот.

– За ним пойду я, – направляясь к выходу, решил Шайонс и предупредил: – Дверь прикрою,

чтобы никто не заинтересовался.

– А еды?.. – тихонько спросил кто-то из парнишек, и маги дружно вздохнули.

– Мы вам в столовой хотели накрыть, – виновато буркнул Ланс и смолк, заметив кучку конфет, орехов и тонких копченых колбасок, которые его напарник выгребал из своих карманов.

– Жаль, маловато, – огорченно улыбнулся Гард. – Взял на всякий случай. Сами решайте, кому нужнее.

И отвернулся, не имея сил смотреть в загоревшиеся звериным голодом глаза исхудалых мужчин и подростков.

А через несколько секунд, уловив слышимый только адептам ковена тайный сигнал тревоги, уже мчался туда, куда звала незримая путеводная нить.

Семнадцатое светозарня

Айканир, королевский замок

Леарон

Наблюдать, как сестры безропотно, словно покорные рабыни, уходят по широким ступеням парадной лестницы в полные опасностей верхние помещения дворца, оказалось невыносимо тяжело.

И не ему одному. Мрачно следили за каждым их шагом направляющиеся в сторону кухонных коридоров онзирский регент и его друг; яростно скрипел зубами король, доживший почти до ста лет и только теперь впервые познавший, что чувствует отец, когда его дочка уходит из дома с незнакомцем. Но Леар и не предполагал, что прежде невозмутимый и язвительно-хладнокровный Эршель может позволить себе подобную выходку. Бастарду весьма повезло, что, позабыв без тренировок многие прежние умения, он сумел сохранить очень нужную во дворце способность видеть ауры и напоенные магией вещицы. Висевший на груди короля кисет с артефактами сиял для секретаря путеводной звездой, когда он вытаскивал разбушевавшегося родителя из устроенной им свалки.

– Если ваше величество не уgomонится, – сердито шипел он, оттеснив короля в укромный уголок, – я буду вынужден все рассказать Дилли.

– Зачем? – посопев, ехидно осведомился его величество.

– Чтобы она знала, что на вас нельзя надеяться, и в следующий раз не потакала вашим прихотям, – не повелся на его язвительность Леарон. – Посидели бы спокойно в укромном месте и не доставляли никому лишних тревог.

– Леар, – вдруг печально произнес Эршель, – я, конечно, очень перед тобой виноват и полностью заслужил такое отношение, но скажи, у меня есть надежда, что когда-нибудь ты назовешь меня отцом? Или хотя бы просто обратишься на «ты»?

– Чтобы меня выпороли на площади за нарушение этикета? – не сдержавшись, напомнил бастард его же обещание.

– Неужели ты думаешь... – Король скрипнул зубами и смолк.

– Ты всегда повторял, – устало вздохнул Леар, – что король должен держать слово, чего бы это ему ни стоило. С какой стати я должен был не поверить твоим принародным заверениям? Откуда мне было знать, чем ты готов поступиться – неизбежностью своих слов или моей спиной? К этому времени я утратил большую часть умений, и синяки от тычков рьяных придворных блюдолизов оказались весьма болючими.

– Ты их помнишь? – злобно зашипел Эршель.

– Помню, – не стал отказываться принц, – но пока промолчу. Времена изменились, в таких ситуациях в людях прорастают истинные качества. И, возможно, сейчас мы по одну сторону баррикад. А если они лизали пятки Дейсу и издевались над невинными, можешь быть уверен –

я припомню все их пакости. Но до этого момента постарайся не шутить так, как сегодня.

– Вот именно, ваше величество, – напомнил о себе Брэн. – А теперь ведите нас на кухню, если вы, конечно, знаете, где она находится.

– Я знаю, – фыркнул Леар. – Кормился там, с тех пор как перешел в секретари. И уверен, что повар Ларош будет рад нас увидеть.

– Если еще жив, – буркнул король, послушно следуя за ними. – Но почему ты не ел с моими близкими слугами, для меня теперь загадка.

– Когда-нибудь отгадаешь, – уходя от ответа, отшутился Леар, но прозвучало это невесело.

Да и чему радоваться, если в его воспоминаниях о тех годах хорошего так мало, что он ярко помнит каждый случай. Но острее помнится плохое – бесконечные подколки, издевки, грубые и глупые прозвища. При дворе выживают и чувствуют себя как рыба в воде лишь самые пронырливые и ловкие, самые хитрые и лживые. И все они в погоне за королевскими милостями чутко ловят малейшее неудовольствие правителя и всей стаей, как пираньи, набрасываются на проштрафившегося. Бесполезно ждать от них сочувствия или хотя бы снисхождения – наоборот. Самые едкие шуточки и намеки, самые болезненные тычки и укусы отныне будут сыпаться на его голову щедро и безостановочно. Но обиднее всего, что никто не станет исключением в этом марафоне жестокости. Ни закадычные друзья, ни прелестницы, еще вчера выписывавшие ему веерами страстные письма.

– Я сниму отвод глаз, но если что-то замечу, скажу: «Огонь!» – и наброшу снова, – тихо предупредил Брэн, вырывая Леара из нахлынувшей лавины печальных мыслей. – Тогда уходите через черный ход в коридоры для прислуги. Устраивать бой на кухне – не лучшая идея, когда в городе не хватает еды.

Мало кому из простых горожан известно, что в огромных королевских дворцах кухонная суэта не приостанавливается даже ночью. Конечно, в это время народу тут меньше, чем днем, но в предутренний час повсюду кипят котлы, где варится заливное и мясо для свежего паштета и начинки для пирогов, пекут в духовках большие хлеба и витые булки, расстилается на листах в ожидании своей очереди различная сдоба. А от столов доносится дробный стук ножей, пестиков и молотков, шарканье оселка и кондитерского веничка.

– Ну кто там в такую рань? – Заслышав звук открывающейся двери, главный повар раздраженно поднял голову от бумажки с сегодняшним меню, где записывал для себя необходимые для приготовления продукты.

Несколько секунд Ларош потрясенно смотрел на Леарона, затем перевел взгляд на короля, помотал недоверчиво головой и снова обратил взор на секретаря:

– Скажи мне, мальчик, что я не ошибаюсь.

– Одно яйцо, щепотка соли, две ложки лимонного сока, по ложечке горчицы и сахара, залить стаканом масла и мешать, мешать, мешать, – серьезно произнес бастард совершенную нелепицу, по мнению короля.

– Светлые боги, живой! – Отбросив в сторону листок, который так внимательно изучал, Ларош ринулся на принца и почти минуту тискал его и похлопывал, потом опасливо покосился на короля и одними губами спросил: – Это?..

– Самый настоящий, – сияя счастливой улыбкой, от которой сердце Эршеля скручивало острой ревностью, заверил его Леар. – Можешь не сомневаться.

– Ваше величество! – Теперь повар двинулся к королю, и тот слегка напрягся, ожидая такого же бурного шквала объятий.

Но Ларош только умиленно зажмурился, прижал руку к сердцу и тоненько выдохнул:

– Дождались, слава богам! – И тут же распахнул глаза, встревоженно оглянулся и шепнул: – Сейчас переоденем вас в поваров, не волнуйтесь, все чистое. И спрячем... или надо провести в покой?

– Не нужно, Ларош, – мягко остановил его король. – С нами маг. Лучше накройте столы в ближней комнате, сейчас подойдут пленные. Но сначала в двух словах – как вы тут?

– Не сказать, чтобы сильно страшно. А с тех пор, как невидимка объявился, и вовсе полегче

стало, – опасливо оглянувшись, шепнул главный повар. – Только не понятно ничего. Но двойника вашего укротили, уже декады две как. На вид все вроде по-прежнему, только из покоев он не выходит, будто бы простыл. Однако ест как здоровый. Вам бы сначала туда попасть и вызвать Инзерта, нового лекаря. Он вам не враг, хотя с первого взгляда нипочем и не скажешь.

Семнадцатое светозарня

Айканир, королевский замок

Дилли

На третий этаж ведуньи и «шаман» дошли без приключений. По пути им никто не встретился, ни слуги, ни охрана. Дворец безмятежно спал, и лазутчикам было жутковато от понимания, насколько зыбко и ненадежно это спокойствие.

– Идите устраивайтесь, там есть отдельные комнаты, – с нарочитой грубостью приказал Звен, пропуская девушек в открытую дверь, и незаметно огляделся.

– Вроде никого, – шепнула Дилли, внимательно рассматривая длинный пустой коридор.

Магистр быстро крутнул на пальце кольцо, ставя крупным кристаллом горного хрусталя наружу, и сразу исчез под пологом невидимости.

Щелкнула запертая изнутри дверь, и трое лазутчиков замерли, изучая длинный коридор, куда выходило несколько десятков одинаково безликих дверей. Как-то проще казалась их задача оттуда, с воли. Думалось, стоит войти в эту тюрьму для попавшихся на собственной лжи юношей и девушек, и те сразу выйдут навстречу, попытаются расспросить, что происходит и не пришло ли спасение. Однако те мирно спали, хотя теперь было понятно, что иначе и быть не могло. Они тут не первый день и наверняка уже немного свыклись со своим положением.

– Нужно найти свободную спальню, – во весь голос возвестила Лита, – и ванную. Я устала и хочу есть. Здесь же должны нас кормить?

– А вы откуда? – сонным голосом произнес темноволосый парень среднего роста, появившийся из расположенной напротив входа комнаты.

«Выгодная у него позиция», – успела подумать Дилли и замерла от неожиданности, рассмотрев исходящее от незнакомца яркое сияние ауры и звездочки амулетов, висящих под простой полотняной рубахой.

– Из Согдежа, – устало сказала она правду.

Одну из многих, но проверить это не под силу никому из магов. Ни собственными силами, ни артефактами.

– И обе, разумеется, истинные принцессы? – Голос незнакомца сочился нескрываемой издевкой.

– Безусловно, – спокойно, с истинно королевским достоинством, подтвердила Дилли и, вернув ему пренебрежительную усмешку, с холодком осведомилась: – А иначе зачем бы мы сюда приехали?

– За тем же, – с откровенным презрением кивнул он на ряд уходящих вдаль дверей, – за чем и они.

– А вот их трогать не нужно, – голос ведуньи мгновенно стал холоднее замороженного металла, – они во дворец не сами рвались. Да они даже не понимают до конца, зачем их сюда притащили! Но если кто и осознал, спорить со старшими все равно не имел права.

– Ты так о них заботишься... – Парень иронически поднял широкую черную бровь и едко выплюнул: – Как о родных! А ведь вам придется сражаться с ними за место у трона.

– Во-первых, – гордо вздернула голову Лита, решив, что пора вступить в игру, – не смейте обращаться к нам, как к служанкам. Во-вторых, никто пока не знает, возможно, среди них и

найдется нам сестра или брат. Ну и в-третьих. Вы допрашиваете нас уже пять минут, однако до сих пор не представились. И, надеюсь, хотя бы вы не претендуете на родство с Эршелем? Меня это очень опечалило бы.

– Это уже интересно... – Смерив девушку пытливым взглядом, незнакомец отступил назад и прикрыл дверь. Но тут же на миг распахнул снова, веско сообщил: – Я – Грозвен, – и захлопнул дверь окончательно.

Ведуны переглянулись. Обе прекрасно ощущали, что он не ушел вглубь комнаты, а так и стоит у порога, прислушиваясь. И значит, ничуть не оскорбился, просто проверяет свои выводы. Но и они свои уже сделали, а потому поспешили отойти под сень защитного купола Звена. Магистр потихоньку ломал магический замок на двери, ведущей ко второй, черной, лестнице. По ней можно было попасть в крыло, где располагались королевские покои, и это было удобно для слуг и челяди, прежде занимавших весь этаж.

– Сложное плетение, – оглянулся он на подошедших ведуний. – В первый раз такое встречаю. Еще минутку...

– Позвольте вам помочь? – внезапно почти рядом вынырнул из-под прикрытия невидимости Грозвен.

Дилли с досады даже зашипела сердито. Оглядываться вокруг, когда находишься в чужом или опасном месте, ее учили с раннего детства. И ведунья всегда так поступала, но тут отчего-то не вспомнила про это правило, хотя уже догадалась почему. Приняла за бесспорное утверждение, будто магов во дворце нет, а у шаманов на подобные заклинания не хватает умений и силы дара.

– Он маг, – сообщила Лита магистру, и тот, помедлив одну секунду, сбросил с себя отвод глаз.

– Амулеты хороши, – рассмотрев уже полностью одетого молодого мужчину, заметил Звен, явно просчитывая про себя, чем грозит им эта неожиданная встреча.

– Круглый, что висит у него на поясе вместо пряжки, – кротким голоском подсказала Чижик, – явно артефакт. А аура – почти такой же силы, как у тебя.

– Странно... – вопросительно глянув на Дилли, протянул магистр, оперся, словно от усталости, на стену и незаметно шевельнул пальцами.

Отсвет щитов, закрывающих его и ведуний, стал ярче и гуще, но Грозвен только бледно усмехнулся в ответ. Шагнул мимо девушек к двери, протянул руку, и замок послушно щелкнул.

– Убедительно, – констатировал Звен и недобро прищурился. – Значит, это ты их тут запер и теперь сторожишь. Ну и кто твой отец? Дейс или все же Эршель?

– Тут рядом свободная комната, – мирно предложил Грозвен. – Мы можем поговорить как разумные люди.

– Нет, – объявила Дилли непрекаемо. – Не будем мы с тобой разговаривать. Потому что не считаем тебя разумным.

– А каким же? – В его взгляде сверкнул гнев человека, привыкшего к послушанию, а в голосе прорезался скрежет грифоньих когтей по базальту.

– Безумцем, – печально и тихо пояснила Лита. – Человеком, который принес в эту страну и в соседние много горя и боли. И намерен добавить еще.

– С удовольствием выслушаю ваши доказательства этого факта, – недобро скрипнул зубами Грозвен и небрежно махнул рукой в сторону только что отпертой им двери.

Словно челюсти неведомого монстра, снова запираясь, свирепо лязгнули замки, и по резной дубовой поверхности поползла от них стальная паутина.

Звен молниеносно бросил в стену сигнальный шарик и, подняв все щиты, вышвырнул из-под них наглого бастарда.

Тот отступил на шаг, рассмотрел плетение, перевел взгляд на сиявший на стене огонек, который сейчас ощущали все магистры вокруг, и помрачнел. Потом стремительно метнулся в сторону главного входа и запечатал его так же намертво, как черный. На миг оглянулся на

следивших за ним принцесс, приглашающе махнул рукой и скрылся в своей комнате, оставив дверь открытой.

– Придется договариваться, – еле слышно высказала Дилли уже осознанную всеми истину. – Если Брэн с Шайонсом начнут ломать дверь, он будет добавлять защиту снова и снова, пока не перебудит всю охрану. И тогда тут начнется бойня. А нам никак не подобраться к нему поближе.

– Только позвольте мне! – умоляюще глянула в глаза сестры Лита. – Я, кажется, догадываюсь, но пока помолчу.

– Ладно, – нехотя согласился Звен. – Но учти – никаких уступок. Как бы ни был он силен – нас больше. И я пока не использовал ни одного серьезного заклинания, ожидая его действий.

– Идем, – заторопилась Чижик и впереди всех направилась в сторону гостеприимно распахнутой двери.

Ей еще никогда не выпадало возможности в полной мере проверить свою интуицию и обаяние, и девушка испытывала одновременно азарт предстоящего бескровного боя и тревогу за его исход. Хотя и провела не один год среди отчаянных рыночных забияк и их жестоких главарей, но в них не было и сотой части того всемогущества, которое ощущалось в этом темноволосом парне.

Увидев Грозвена в первый раз, Лита смотрела больше на его ауру, чем на внешность, но второй раз отлично разглядела черты, присущие сыну двух рас. Неведомый маг явно был полукровкой и имел в предках жителей Кемина и Форандии. Однако лорды королевства редко женились на смуглых дочерях востока, зато белокожие северные женщины считались в Кемине дорогой роскошью, и значит, его мать скорее всего была рабыней или наложницей. А отец – ханом или одним из старших ханычей. В крайнем случае – советником или военачальником. Но маги среди них редкость, значит, его судьба может оказаться исключением из этих правил.

– Проходите, не бойтесь, – хмуро усмехнулся полукровка, едва девушка замерла в проеме двери.

– А мы тебя и не боимся, – легкомысленно фыркнула ведунья, желая задеть Грозвена, но он ответил с прохладной насмешкой, свидетельствовавшей о тренированной выдержке, не свойственной кеминцам:

– Ваше высочество приняло меня в круг близких друзей? – Бровь Грозвена ехидно приподнялась. – Помнится, пять минут назад мне пеняли на неучливое обращение.

– Пять минут назад я считала тебя таким же несчастным узником, как остальные обитатели этой части дворца, – мгновенно нашлась Лита. – Но за это время мое мнение изменилось. Теперь ты кажешься мне одним из главных преступников, ввергнувших страну в пучину бедствий и горя.

– Ваше высочество глубоко ошибается, и я готов доказать свою правоту, – мгновенно став предельно серьезным, заявил Грозвен, наблюдая, как входит в комнату вторая, судя по всему, старшая, принцесса в сопровождении сильного мага, скорее всего магистра. – Но сначала предлагаю вам выпить травяного чаю и перекусить. Я слышал разговор о вашем желании.

– Некогда нам пить чай, – покосившись на мага, категорично отказалась старшая ведунья. – Либо сразу честно расскажи все, что знаешь о попытке захвата трона и приведи все доводы, какие можешь вспомнить в свое оправдание, либо мы уходим.

– Дилли, – одернула ее младшая, – давай слушаем!

– Ты не видишь, как темнеет и бурлит его аура? – откровенно заявила та, ничуть не смущаясь присутствия чужака. – Это значит, он нервничает и может вспылить в любую секунду. С ним договориться не получится, это очевидно.

– Да, я взволнован, – очень четко произнес Грозвен, – так как наконец нашел того, кого давно ищу. Ведунью. И даже двух, но мне, чтобы выполнить все ваши требования, достаточно и одной. Если любая из вас скажет «да», я поверю на слово и не буду требовать ни магических клятв, ни подписей на зачарованных бумагах. Только простое согласие. Меня заверили, что ведуньи не лгут. И уже через час все шаманы дружно отправятся к себе в Халгир, король займет свой трон, а узники выйдут на свободу.

– Но если эта интрига – дело твоих рук, то ты должен не условия нам ставить, а объяснить, зачем устроил такие жестокие игры и просить пощады, – проворчал магистр, незаметно продвигаясь к окну.

– Это вовсе не моих рук дело, и я пообещал все объяснить! – резко прикрикнул Грозвен, одним движением руки ловя Звенорса в плен воздушной петли и засовывая в угол за шкафом. – Простите, ваше светлейшество, но вы попытались нарушить мирные переговоры. А этого я вам позволить не могу. Поэтому забираю ту из ведунь, которая кажется мне более сговорчивой, и оставляю взамен вот этот документ. Тут все, что мне известно о заговоре против истинного короля. Кстати, мне добровольно помогали его слуги. В основном младший советник Онторс и старший секретарь. Еще Инзерт, лекарь из Серанзии. Он присматривает за шаманами и ходит в черном шелковом плаще.

Рассказывая все это, маг не стоял на месте. Метнул воздушную плетъ в Дилли и Литу, и пока девушки с трудом выпутывались из плена, открыл сундучок и водрузил на стол пачку исписанных листов. Затем, бросив на пол какую-то выцветшую тряпку, шепнул мозголомное заклинание, и она превратилась в подобие крылета. Последним движением маг бросил на Литу сон, усадил ее на заднее сиденье и запрыгнул на переднее.

– Не волнуйтесь, принцесса вернется в целости и сохранности! – донеслось из-под опустившейся на них крышки, и странный крылет, выскользнув в окно, растаял в ночном небе.

– Звен! – сбросив с себя последний невидимый упругий виток, тигрицей ринулась к окну Дилли, но похитителя и след простыл.

И даже если бы ведуньи умели летать, у нее не было бы ни единого белого камня против тысячи черных в попытке его догнать. Однако летать она все равно не умела. Поэтому опустилась у окна прямо на пол и заплакала так горько, как не плакала уже очень давно. Наверное, с раннего детства.

Топот нескольких пар ног послышался всего через минуту, но прежде раздался щелчок отпирающегося замка, точнее всяких слов доказывая мирные намерения сбежавшего мага. И теперь ведунья уже не была уверена, что Грозвен когда-либо собирался подтверждать свое родство с королем. Скорее всего просто пользовался неприкосновенностью этой комнаты, как лучшим номером на постоялом дворе.

За это время Дилли успела взять себя в руки и немного успокоиться, хотя, возможно, этому поспособствовало зелье, которое заставил ее выпить Звен. Еще он убедил принцессу сесть в кресло, мягко намекнув, как чревато пугать мужа и короля.

– Дилли?! – Тровенг умудрился примчаться первым. Окинув комнату бдительным взглядом, нашел устало присевшую у окна жену и перебиравшего какие-то бумаги магистра. – У вас все в порядке?

– Не совсем, – честно ответил магистр. – Тут был очень мощный маг, я даже не представлял, что на юге такие встречаются. Он увез Чижика, но пообещал вернуть. Ему очень нужна ведунья.

– Что?! – рывкнул Эршель, прибежавший последним, но расслышавший слова мага про младшую дочь. – А ты куда смотрел? Или ты не магистр? Где была твоя хваленая сила, когда у тебя из-под носа уводили девушку, которую ваш ковен обещал защищать?!

– Не кричи на него, – устало попросила Дилли. – Он не виноват, все было при мне. Лита сама захотела договориться с Грозвеном, а я ей помогала – поддевала мага, чтобы он немного рассердился, оттаял и начал проявлять истинные эмоции. До этого он был неуязвим, словно воин в броне. Однако он легко разгадал наши планы и ушел. Но оставил бумаги, где записал все объяснения и сказал, что самые верные люди – это твой старший секретарь, младший советник Онторс и лекарь Инзерт.

– Все это очень важно, – расстроенно пробормотал король, – но Лита... Вы хоть примерно знаете, где ее искать?

– Они улетели в магическом крылете, – горько усмехнулась ведунья, – куда-то в темноту. Только не смейте ее хоронить! Лита – ведунья, а не изнеженная красotka, и она сумеет вырваться из плена. Или подаст нам знак. Пока не могу даже предположить, какой, но он обязательно будет.

– Надеюсь, ты не ошибаешься и не обманываешь сама себя, – с болью пробормотал Ланс и

установился в распахнутое окно, словно надеялся рассмотреть там след крылета, унесшего его любимую.

– Ведуньи никогда не обманывают, – с нажимом ответил за жену Тровенг и крепче сжал ее пальцы, благодаря всех богов, что уберегли его от этой боли.

Литу, конечно, очень жаль, и Ланс не заслужил такого удара. И некрасиво радоваться тому, что ему самому в этот раз повезло. Но и кривить душой и лить лицемерные слезы он тоже не собирался.

– На данный момент не это главное, – веско заявил мрачный Звен. – Поисками Литы займемся чуть позже. Сейчас нужно захватить Дейса, раз мы уже все здесь собрались, и найти Инзерта, вы все его видели, это человек в черном плаще. Грозвен сказал, что он наш союзник, и я склонен ему верить.

– Кто такой Грозвен? – очнулся замкнувшийся в себе Ланс.

– Тот маг-невидимка, который увез Чижику, – мягко пояснила Дилли и сочувственно заглянула в источающие скорбь глаза друга. – Он не показался мне ни злым, ни лживым... и Лите тоже. Я думаю, ему действительно нужна помощь.

Ланс молча кивнул и снова отвернулся к окну. В словах Дилли он не сомневался и верил в Звена, точно зная: ради возвращения Литы магистр сделает все мыслимое и немыслимое. Сильнее всех дознаватель винил себя. Нужно было настоять на смене личины. Если бы он пришел сюда под видом еще одной непризнанной принцессы, наглый незнакомец никуда бы не ушел. Вдвоем со Звеном они бы шутя его связали и сейчас уже выяснили, откуда он взялся и зачем.

– Ланс, – плеча мага мягко коснулась рука напарника, – идем. Тут стоять бесполезно, она уже далеко. Но как только получим хоть намек – клянусь, пойду с тобой до самого конца.

Дознаватель, не оглядываясь, дотронулся до его руки, благодарно сжал и, бросив в окно последний тоскливый взгляд, молча направился к двери. Звен прав: ничего они сейчас сделать не смогут. В этих краях власть ковена невелика, магов мало, и все слабые сидят в подвале. А сильные ушли в глухое подполье, и прежде чем их искать, нужно убедить народ, что в королевстве снова спокойно.

Семнадцатое светозаря

Айканир, королевский замок

Гард

К черному выходу, уже отпертому Звеном и Шайонсом, короля с его новообретенной родней вел Брэн под надежной охраной щитов. Ланс с Варгусом закрывали заклинаниями центральную дверь и комнату Грозвена, на всякий случай оставив открытым окно. Просто рука не поднялась захлопнуть створки, словно Грозвен мог войти во дворец только через них.

– Не спешите, – и сам понимая, насколько это непросто, шепотом предупредил Шайонс, когда отряд оказался на черной лестнице.

Все знали про возможные ловушки и усиленную охрану, все понимали, что сейчас лучше потерять несколько лишних минут, чем совершить ошибку, и все-таки все рвались как можно скорее оказаться в королевских покоях, посмотреть в глаза человека, подло предавшего дружеское доверие. И обрекшего свою страну на тяжелое испытание.

В этот раз магистры заклинаний не жалели, со встречными слугами и охранниками не церемонились. Усыпляли без разговоров и раскладывали вдоль стен, оставляя заботу о них на потом. И все же переход занял не менее десяти минут – пришлось ждать, пока к посту караульных подойдет смена. Шагающее к караульной нише отделение гвардейцев магистры заметили издали и, решив не рисковать, усыпили воинов только после того, как две группы встретились.

Дальше путь преграждали только двери. Массивные, укрепленные стальными накладками и магической защитой, с каверзными старинными замками, секрет которых знали лишь

ключники, передавая его от поколения к поколению. Ланс, державшийся позади всех и тайком оглядывавшийся, когда считал, будто никто на него не смотрит, молча отстранил Звена у первой же такой двери. Высыпал на ладонь из серебряной фляжки несколько стальных паучков, запустил их в замочную скважину, и через минуту запор гостеприимно щелкнул.

С этого мгновения верный напарник Тровенга шел впереди всех, с бесшабашной злостью легко снимая немудреные ловушки и открывая замки. Король поглядывал на дознавателя с все растущим уважением, а маги все сильнее хмурились. Резкое увеличение способностей, иногда случавшееся у магов в момент внезапной опасности или, наоборот, радости, вызывало всплеск неконтролируемых эмоций, от которого маг мог стореть моментально, как стог сухой соломы на ветру.

Последняя дверь оказалась не закрытой даже на задвижку, и Ланс распахнул ее пинком, не снимая пальцев со своих амулетов.

Сделал несколько шагов и замер, рассматривая стоящего посреди комнаты на коленях короля, опутанного тяжелой кованой цепью. Чуть поодаль, у окна, застыл мужчина в черном плаще с низко опущенным на глаза капюшоном, которого менее часа назад они видели на привратной башне. Он смотрел на вошедших из-под черного шелка так спокойно, словно был абсолютно уверен в собственной неуязвимости или честности.

– Ну вот я и вернулся, как обещал, – шагнул к двойнику Эршель, едва маги разошлись веером, проверяя на сюрпризы каждую вещь и каждый угол. – Расскажи, друг мой Дейс, как ты исполнял свои обещания, как берег мою королевскую честь и усиливал мой авторитет, как заботился о моих подданных? Как сохранил мое имущество, как приумножил королевскую казну?

Выдавая двойнику эту непосильную задачку, его величество медленно обходил Дейса по кругу и каждый вопрос для убедительности сопровождал легким пинком под зад, который предатель так же упорно прятал, крутясь на коленях и позвякивая цепями.

– Чего ваше величество изволит спрашивать с дурака? – бормотал он едва слышно, но довольно отчетливо, надеясь на хороший слух Эршеля. – Вам ведь известно, что управлять королевством я не обучен. Только и учили кривляться и глупые шутки шутить... Как умею, так и делал. А что там в последний месяц творится, и вообще ни сном ни духом, они тут сами правили... Лекарь вон тот и проклятый невидимка...

– Лекарь, говоришь? – Шагнул ближе к человеку в черном плаще, Брэн бдительно его рассматривал: – Инзерт? Да еще из Серанзии?

– Тсс! – строго шикнул на него недавний враг и, стремительно шагнув к Дейсу, нажал тому за ухом.

Королевский двойник мягко повалился на ковер лицом, глухо звякнув цепями, а серанзиец, выпрямившись, с насмешкой глянул на магистра:

– Незачем ему слишком много знать, он и без того успел нажать кучу врагов. Надеюсь, у вас хватит сил снять с него личину? Кто вообще додумался дать ему артефакт с королевской привязкой? Что? Простите великодушно, ваше величество, как я мог подумать!

– Прощу, – веско пообещал ему король, – если ты объяснишь, что тут происходит?

– Переворот, – серьезно сообщил Инзерт. – Ваше величество ведь лично его спровоцировали.

– Хватит! – предостерегающе поднял руку Звен и укоризненно глянул на лекаря: – Инзерис, я понимаю, что на тебе личина, но подсказки довольно прозрачные – для тех, кто тебя знает.

– Да что вы говорите! – делано изумился тот и, тут же сменив тон, устало выдохнул: – Я сижу тут больше месяца и никого из таких знающих до этого момента так и не встретил. Но давайте я все расскажу позже, сейчас вас ждет несколько очень важных дел. Дворец полон сторонников Дейса, и они столько напакостили, что просто так не сдадутся. Их можно взять только хитростью.

– У тебя есть план?

– Ну, не совсем так. Скажем, я расставил задачи по степени первоочередности. Но сначала хочу спросить – вы не встречали невидимку?

– Если ты про Грозвена, то встречали, – хмуро подтвердил Звен, подав знак Варгусу. – Но он

был виден так же четко, как я сам.

– Он что-нибудь сказал? – Скрыть жаркий интерес Инзерису не удалось, да он не особенно и старался.

– Сказал, что тебе можно верить. Еще капитану гвардейцев, советнику Онторсу и старшему секретарю Эршеля.

– И главному повару Ларошу, – припомнил король.

– Негусто... – задумался на миг Инзерис. – Но неожиданность сработает. Вы сняли с шута личину?

– Заканчиваю, – недовольно буркнул Варгус. – Кто-то додумался добавить усиления и замков.

– Шаманы, – выплюнул серанзиец. – Они искренне считают, будто надежнее всего смешать побольше заклинаний. Грозвен их сильно припугнул и велел меня слушать, поэтому я хочу попробовать отпустить их в Халгир. Большинство уже устали тут жить и разуверились в выгоде этой экспедиции. Но несколько старших шаманов еще надеются взять власть в свои руки. Кстати, один из них вел недавно четверых новичков... Неужели это были вы?

– Мы, – кивнул Звен. – Я его и изображал. Но давай твой план, я тоже считаю, что нечего тянуть. И не забудь: прежде чем уйти, они должны снять ошейники с магов.

– Это я и сам могу, ничего сложного нет, – ухмыльнулся лекарь, но рассмотрел сомнение в глазах Брэна и нахмурился: – У вас есть какие-то другие сведения?

– К сожалению, – мрачно кивнул тот.

Семнадцатое светозарня

Айканир, королевский замок

Дилли

– Вы с Леаром остаетесь с королем, – безапелляционно заявил Звен, уводя свое маленькое войско в неравный бой.

Неясно пока, что победит, количество или качество, но Дилли очень надеялась на второй вариант. По ее мнению, они все предусмотрели и ничего не забыли, но не стоило исключать несчастливую случайность. Ту, что привносит в жизнь самые невероятные совпадения и устраивает невозможные встречи.

– Я не хочу оставаться в этой спальне, – ворчал король, брезгливо поглядывая на смятую постель и валяющуюся на кресле возле нее одежду двойника.

Дейс осмелился обосноваться в его любимой комнате, да еще и навел тут свои порядки. Теперь везде стояли вазоны и бочки с цветами; на столах, на поставцах и даже на подоконниках исходили сладким ароматом вазы со всевозможными фруктами и пирожными; за драгоценным алмазным стеклом буфета поблескивали гранями бутылки и фужеры.

– Посиди на диване или пойдем в кабинет, – примирительно предложила ведунья, с любознательным видом гулявшая по комнате. – Уснуть ты все равно пока не сможешь. А потом придут служанки и все поменяют... Хочешь, мы пока с Леаром выкинем отсюда эти перины и подушки?

– Я и сам могу, – отказался от помощи бесцельно бродивший по комнате Леарон.

– Никто из вас ничего такого делать не будет, – решительно восстал Эршель. – Вы – мои дети, а принцы сами перины не таскают.

– Бедные, – едко пожалела неведомых принцев Дилли. – Ждут полчаса, пока придет служанка, если нужно поправить подушку. Бери за тот край, Леар, снимем вместе, я добавлю себе силы.

Под возмущенное сопение короля они дружно взялись за перину с двух сторон и одним махом скинули ее с огромной королевской кровати.

– Тьма побери! – ругнулся принц, услышав грохот и звон. – Это еще что такое?

– А это ему смертный приговор, – свирепо процедил подошедший ближе Эршель, рассматривая внушительную кучку фамильных драгоценностей, – Интересно только, зачем он их сюда натаскал?

– Как раз это мне понятно, – задумчиво пробормотала ведунья. – Я другое никак не могла сообразить. Зачем Инзерис его цепью заматывал, если шут из этих покоев выйти не мог? Похоже, тут есть потайной ход, и Дейс об этом знает. Вот и напрятал столько, что одному не унести.

– Следовательно, собирался идти с сообщником, – сообразил Леарон и уставился на отца требовательным взглядом: – Ну и где этот ход? Поспеши, скоро крысы поймут, что их пирушке пришел конец и пора бежать с этого корабля!

– Нужно переложить это добро в надежное место, но не в сейф, он наверняка закрыт заклинанием, – мгновенно приняла решение Дилли, обошла комнату и остановилась перед нарядной керамической бочкой, в которой рос какой-то экзотический цветок. – Леар, складывай все в какую-нибудь тряпку... вот хоть в рубаху.

И пока принц беспрекословно собирал драгоценности, запрятанные прежде под периной, девушка легко выдернула кустик вместе с комом земли и поставила на большой щит, снятый со стены. А затем прямо руками выгребла из бочки часть земли, раскладывая ее по узорным вазам. Она работала так споро, что к тому времени как Леарон притащил к бочке увесистый узел, место для него было готово. Цветок водрузили сверху, рассыпанную землю смели валявшейся у зеркала кисточкой для бритья, а руки вымыли в ванной.

– Ну и зачем все эти хитрости? – насмешливо буркнул Эршель и тотчас спохватился: – Нет, я не против, делайте все что хотите, но, по-моему, это бессмысленно.

– А по-моему, мы успеем вернуть на место перину, – произнес принц, и Дилли тотчас бросилась ему помогать.

– Все тайные ходы заперты родовым амулетом, и придворный маг добавил защиту, – снисходительно пояснил король, с незнакомым ему прежде удовольствием наблюдая за их дружными действиями.

– А где сейчас этот придворный маг? – мельком поинтересовалась Дилли, поправляя одеяло.

– Не знаю, – нахмурился король. – Но какое это имеет значение? Или вы считаете...

– Пока не уверены, – вздохнул Леарон, опускаясь в кресло, стоящее в дальнем от короля углу. – Но может быть все что угодно. Он же не ходит открыто по дворцу?

– Я нашла потайные двери, – тихо сообщила Дилли, устраиваясь на диванчике в другом углу. – Две. Панно с правой стороны от камина. И зеркало.

– Про зеркало верно, – похвалил Эршель. – А за панно – только каморка для трубочиста. Чтобы он не ломал и не разбирал плитку, когда засорится камин.

– Да? – Дилли покосилась на панно, стремительно поднялась с кресла и молниеносной тенью скользнула к камину, попутно подхватив вазу с землей, прикрытую крышкой.

Пристроила ее на самом краю каминной полки, так, чтобы ваза свалилась от малейшего толчка прямо на то место, откуда тянуло холодным сквознячком. Совершенно незаметным для всех остальных, но не для ведуньи, усилившей чувствительность собственной кожи.

– Я собью, – ответил на незаданный вопрос Леар. – Отсюда как раз удобно.

И, взяв со столика большущий персик, принялся лениво крутить его в пальцах.

– Хорошая идея, – одобрила сестра и притащила в свой угол одну из ваз с грушами.

– Дилли! – встревожился король. – Что за странные приготовления? Неужели ты всерьез считаешь, будто кто-то осмелится?.. Но в таком случае лучше позвать магов. Они дали мне сигнальный амулет.

– Не нужно! – в два голоса остановили его бастарды.

– Извини, Эршель, – сочувственно глядя в недоумевающее и чуточку недовольное лицо родителя, произнесла ведунья, – мы не пытаемся тебя переупрямить или обидеть. Просто нас воспитывали по-разному. Принцев учат не соваться в опасные места, не бросаться впереди армии на врагов, не проверять собственноручно надежность мостов и безопасность темных мест. А у нас не было ни телохранителей, ни гувернеров, ни слуг. И надеяться оставалось только на себя, поэтому мы и учились выбираться из запертых комнат, лазать по деревьям и скалам, плавать, прыгать и скакать на неоседланных лошадях и стравах, прятаться от злодеев и уходить от безумной толпы. Ведь нет ничего безрассуднее и опаснее, чем распаленная толпа, науськанная опытным манипулятором. Поэтому мы верим, что сможем справиться с подельником Дейса и без помощи магистров. Им сейчас и без того забот хватает.

– А если никого не будет? – не сдавался его величество.

– Значит, мы ошиблись, и Дейс собирался надорваться в потайном проходе, волоча пять пудов золота, – беззлобно усмехнулся Леар. – Я намного сильнее его, и то едва протащил тот узел десять шагов.

– В таком случае я тоже возьму оружие, – упрямо поджал губы Эршель и попытался встать, но на него снова шикнули с двух сторон:

– Тсс! Поздно...

Сквозняк вдруг усилился, и теперь его ощущали все. Вдудились парусом легкие кружевные занавеси на распахнутых окнах, скользнула по ногам прохлада, и панно неслышно сдвинулось в сторону. Ровно настолько, чтобы пропустить в комнату одетого в темный мужской костюм и шапку лазутчика. На его лице красовалась карнавальная маска, в руках тускло поблескивал камнями амулет.

Однако никто из присутствующих не принял визитера за мужчину. И фигура и подбородок полускрытого маской лица, а тем более шея и руки, сразу выдавали женщину. Еще молодую и знатную, судя по ухоженной коже и усыпанным камнями кольцам.

– Котик? – позвала она, глядя на постель, поджала губы и осторожно осмотрелась, сразу обнаружив сидевшего в центре комнаты короля. – Ну и чего ты сидишь? Там уже почти захватили дворец, гвардейцы перешли на сторону Эршеля, шаманы уходят. Пора и нам. Ты добыл дорожные баулы?

– Нет, – вздохнул король, сразу узнав одну из придворных прелестниц, и презрительно усмехнулся: – Снимай маску, Расталия, побег отменяется.

– Что ты там болтаешь, безвольный тюфяк! – сердито прикрикнула леди, почти бегом направляясь к кровати. – Ничего не отменяется. Но если передумал, можешь оставаться, я приду посмотреть, как ты болтаешься на виселице. Надеюсь, с тебя снимут к тому времени личину, мне опротивело целовать рожу Эршеля.

Добежав до королевского ложа, Расталия поспешно выхватила из кармана пару плотных кисетов и, уверенно сбросив одеяло, приподняла перину. Несколько секунд недоумевающе глядела на кожаную обивку, потом протянула руку дальше, пошарила и снова сунула кисеты в карман. Рывком откинула перину с одной стороны, потом с другой и, резко выпрямившись, обернулась к Эршелю.

– Где мои драгоценности? – едва сдерживая гнев, змеей прошипела предприимчивая леди.

– А с чего это они вдруг стали твоими? – изумленно приподнял бровь его величество и усмехнулся, глядя в опасно сузившиеся в прорезях маски глаза. – Это собственность королевского рода. И не подлежит ни продаже, ни передаче в дар.

– Ах ты гад! – мгновенно разъярилась леди. – Ты же ими оплатил мне услуги!

– Какие? – живо заинтересовался Эршель, но вспомнил про Дилли и поднял в протестующем жесте ладонь: – Не нужно, я не желаю этого слышать!

– Мерзавец, – припечатала Расталия презрительно. – Значит, когда я ходила вместо тебя на переговоры к шаманам и к лордам, ты хотел слушать, как я выполнила задание, а теперь не желаешь? Думаешь, старик тебя пощадит, если ты вернешь ему мои украшения? И не надейся! Я-то его буйный характер знаю. Он сначала тебя повесит за все твои выходки и только потом подумает, правильно сделал или нет.

– Он не такой, – возмутился король.

– Зря надеешься. Если не хочешь бежать, змей с тобой, оставайся. Только отдай мне хоть половину... хоть четверть... он сразу не заметит! – Женщина упрашивала почти жалобно, но ее побелевшие пальцы очень красноречиво стискивали непонятный амулет, похожий издали на закрытый веер или маленькую указку.

– Не будь душой, Расталия, – сухо произнес король, утомившийся изображать своего двойника. – Никто из ювелиров все равно не купит ни одну из этих вещей.

– Так дай мне золота. Ты же натаскал полный сейф! – подступила она к королю почти вплотную.

– Сейф закрыт заклятием, – неожиданно для всех вмешалась в их разговор Дилли. – И никто из нас не может его открыть.

– А это еще кто?! – мгновенно обернулась ловкая леди. – И давно ты тут сидишь?

– С того момента, как ты вылезла из потайного хода, – с хладнокровной любезностью сообщила принцесса.

– Тогда мне тебя очень жаль, – совершенно не печально произнесла сообщница шута и резко взмахнула своим амулетом.

Даже не успев заметить, как ведунья, опередив ее движение, стремительно выскользнула из кресла и непонятным образом оказалась рядом. В следующий миг пальцы Расталии, державшие грозное оружие, стиснуло с такой силой, что она взвыла от боли. Амулет выпал из рук придворной дамы, но долететь до пола не успел, Дилли подхватила его на лету. И сразу отскочила от пособницы Дейса, не желая лишать себя возможности побольше узнать об интригах и проделках бывшего шута.

Хотя и не сомневалась, что тому хватит наглости ожидать от короля помилования.

– Ну, – повертев в руках амулет, мирно спросила она растиравшую руку пособницу двойника, – рассказывай подробно, чем ты тут занималась. Да не вздумай врать, Дейс тебя выгораживать не станет, особенно когда познакомится с палачом.

– Где Дейс? – состроила та изумленное лицо и согнулась перед королем в глубоком поклоне. – Ваше величество! Не допустите несправедливости, оградите от наглого наговора!

– То есть ты Дейсу не помогала, – едко усмехнулся Эршель, – королевские раритеты из казны не растаскивала, потайные ходы не изучала?

– Так ведь все по вашему высочайшему указанию! – рухнула на колени лицедейка, заливаясь натуральными слезами. – Откуда же мне знать, что это Дейс...

– Вот если бы не слова про рожу Эршеля, – ядовито ухмыльнулся он, – я бы тебе, возможно, и попытался поверить...

– Это наваждение! – убежденно заявила ловкая дама. – На меня так магические вещицы действуют – начинает голова болеть, мысли путаются, тошнит...

Она тревожно оглянулась, словно ища, за что бы взяться, чтобы подняться с пола, отползла на коленях к очагу и, ухватившись за выложенную плиткой стенку, с видимым трудом поднялась на ноги. Пошатнулась, оправляя подол, и вдруг стремительной рыбкой нырнула в открытый потайной ход.

Вместе с ней туда влетела и ваза с землей, за секунду до этого сбита персиком Леарона.

– Отличный бросок, – одобрительно заметила Дилли. – Ну, будем ее доставать или пусть бежит?

– Некуда ей бежать, – усмехнулся принц. – Все потайные проходы когда-то вели за стену, в сторону реки. Но за последние пятьдесят лет там построили набережную и несколько харчевен, рестораций и гостиниц, поэтому все выходы замуровали. Хотя возможность для побега на всякий случай все же оставили, выведя один ход, хорошо замаскированный и известный лишь королю, в подвал дома, купленного на подставное лицо.

– Не хочу спрашивать, как ты это узнал, – спокойно заметил Эршель, прислушиваясь к стихающим стонам, доносящимся из темнеющей у камина дыры. – Но рад, что тебе это

известно. И обязательно дам кольцо, отпирающее двери в том доме. Как только найду ключи от сокровищницы.

– Зачем ты оставлял их шуту? – не сдержала любопытства Дилли.

– Я же уезжал не на декаду и даже не на месяц, – мрачно усмехнулся ее родитель. – И надежд на скорое освобождение не питал. А король должен иногда надевать парадные регалии и дарить придворным небольшие подарки. Было бы странно, если бы я вдруг переложил эту обязанность на казначея или слуг, хотя никогда прежде никому из них не доверял. И правильно делал, как видишь. Стоило чуть отвернуться, как даже те, кого считал преданными друзьями, без зазрения совести запустили свои лапы в мой карман.

– Честных людей в мире хватает, – не согласилась с ним ведунья. – Но они обычно намного беднее остальных. Редко кто из них получает за свой труд достойную оплату. Еще меньше тех, кому удастся найти клад или достанется наследство. А в твоём дворце таких оказалось всего несколько человек, и большинство из них слуги. Не считая невидимки, но у него был свой интерес.

– Лита! – скрипнул зубами король и отвернулся, перемогая приступ ярости и боли.

– Чижик, – поправил Леарон. – Мы всю жизнь звали ее так. Она всегда была непоседливой, шустрой, любознательной и смешливой. Отец, не обижай недоверием ее избранника. Ланс для Литы готов мир перевернуть, и я боюсь только одного – как бы он не ушел ее искать. Если с ним что-нибудь случится, она нам не простит.

– Как я смогу его остановить? – непонимающе уставился король на сына, впервые назвавшего его отцом, и ясно сознавая, сколь нелегко был для Леара этот шаг.

– Назначь придворным магом, – посоветовала Дилли. – И тайным советником. Я, конечно, помню, что Леар припас эту должность для себя, но его пора назначать наследником. Дай ему звание генерала и поставь над армией, ведь ни одного преданного генерала у тебя не нашлось.

– Всё вы знаете... – беззлобно пробормотал король и осекся, рассмотрев укоризненный взгляд Дилли. – Извини, неудачно пошутил.

– Я не обижаюсь, – кротко пояснила ведунья. – И сама понимаю, как назойливо это прозвучало. Но точно знаю, вряд ли у нас еще будет возможность поговорить вот так, запросто, без свидетелей. Да и не останемся мы здесь надолго, у нас дома тоже беспорядок. Но пока мы тут, тебе поможем.

Они сидели втроем почти до рассвета, разговаривая на самые разные темы, и упорно стараясь не напоминать друг другу о Чижике.

Но ни один не забыл о ней даже на минуту.

Семнадцатое светозарня

Айканир, королевский замок

Гард

К рассвету Тровенгу чудилось, будто эта ночь не закончится никогда. Так много им пришлось сделать и так сильно он тревожился о жене, оставленной с королем. Точнее, с отцом и с братом. Нет, у него не было даже тени сомнений, что в случае опасности они оба бросятся ей на помощь, да и сама Дилли далеко не бледная изнеженная леди, не умеющая себя защитить. Но слишком уж много опасностей таилось в этом огромном, роскошном и одновременно мрачноватом дворце.

Магистров бесили своей непредсказуемостью и нелогичностью ловушки, расставленные корявыми ручками шаманов в самых непредвиденных местах, и путавшиеся под ногами егеря. Как выяснилось, brave воины захватили под казарму несколько комнат на первом этаже и теперь слонялись по залам в поисках выпивки и приключений. Боявшиеся всех и вся слуги, имевшие приказ убирать спозаранку, чтобы не мельтешить перед глазами важных особ с метелками и тряпками, передвигались по лестницам и коридорам исключительно кучками не менее пяти человек, таская с собой тяжелые кочерги, катки и пылевыбивалки. «Видимо,

имели для этого веские причины», – усмехался Гард, начиная осознавать, как несложно всего одним необдуманным поступком разрушить мир и покой целой страны, ввергнув в хаос и неразбериху ее жителей.

И все же постепенно они почти все решили. Сначала разобрались с самыми противными ловушками, стоявшими почти посреди залов и лестниц. Найти их не составило труда, и хотя маги легко обнаруживали амулетами даже незначительные заклинания, главное было сделано не ими. Непонятно, как, но прислуга умудрилась еще раньше отыскать все до единой и пометить самыми безобидными способами. Где-то поставили вокруг несколько статуэток или горшков с цветами, какие-то загородили скамеечками или козетками, а некоторые просто обвели мелком.

Вскоре, убедившись, что с этой стороны немедленная опасность королю и его приверженцам не грозит, магистры на время отложили снятие последних ловушек и направились в ту часть дворца, где жили халгирцы. Инзерис шел первым, за ним – Звен и Варгус под личинами пойманных шаманов.

Халгирские самоучки спали в большом танцевальном зале, умудрившись даже тут устроиться по-своему. Откуда-то натаскали всевозможных шкафов и ширм, протянули веревки, выгородив каждому занавесями и гобеленами отдельную спальню. Самые сильные колдуны предсказуемо заняли лучшие места в углах, в нишах и у окон, а слабым достались закутки вдоль проходов и возле трех широких, как воротца, двустворчатых входных дверей.

– Наивные, – пробормотал на наречии Серанзии лекарь, стоя в проеме средней двери. – Навешали вокруг тряпок и собственных амулетов и считают себя защищенными так же надежно, как будто спят за крепостной стеной.

– Мы можем легко развеять эту иллюзию, – кровожадно буркнул Ланс, и в его ладонях затеплился бледный пока огонек.

– Подожди, я дам знак. – Инзерис поднял к губам висевший на цепочке рожок и три раза коротко дунул.

Храп и сопение на миг стихли, потом раздалось с новой силой. Лишь в ближних закутках, где спали самые слабые шаманы, слышался шорох натягиваемой одежды, невнятный ропот и позвякивание подвесок.

Лекарь недобро ухмыльнулся и дунул в рожок снова, на этот раз дважды. Но гудки были более протяжными. Храп снова стих, и на этот раз зашевелились хозяева загородок, расположенных в центре зала. «Элита» продолжала спокойно дрыхнуть. Из первых импровизированных спаленок выбрались сонные, пахнущие застарелым жиром и потом халгирцы, замерли, мрачно поглядывая на незнакомых людей, впереди которых стоял хорошо известный им лекарь, умевший управлять гневом безжалостного невидимки. Зевая и почесываясь, потянулись к боковым дверям, откуда можно было пройти в ваннные комнаты.

Скользнули вслед за ними боязливыми тенями замотанные в покрывала и накидки женские фигурки, заставив магистров невольно поморщиться. Вполне вероятно, к весне во дворце появятся смуглокожие малыши, которым никогда не суждено будет встретить своих отцов, но хуже другое. Если Эршель не отменит собственные законы и правила, большинство из детей никогда не узнают и материнской ласки.

Серанзиец хищно прищурился и в третий раз подул в рожок, извлекая долгий, протяжный звук. На этот раз всего один. Выждал секунд десять и еле заметно кивнул напрягшемуся в ожидании Лансу. Магистр ехидно ухмыльнулся и почти ласково выдохнул какое-то заклятие, сопровождая его взмахом сложенных в непонятный жест пальцев.

Легкий сквознячок возник ниоткуда, вначале слабо, почти ласково, прошелся по ближайшим занавескам и коврам, принося с собой прохладу и свежесть, затем, постепенно расширяя круг и усиливаясь, понесся к центру. Взвились яркими крыльями невиданных птиц шелковые занавеси, колыхнулись потертые, но от этого не менее ценные старинные гобелены. А ветер, все набирая скорость и мощь, быстро мчался по широкому кругу, шутя срывая и утаскивая с собой тяжелый бархат и нежный шелк, роняя изящные ширмы и стройные этажерки. Взвыли возмущенно хриплые со сна шаманы, тщетно пытаясь поймать уносящиеся шаровары и рубахи, платки и плащи. С все усиливающимся шорохом и звоном стая всевозможного тряпья стремительно неслась по залу, цепляясь за зеркала и бра, сдергивая со стен картины и украшения. Внезапно раздался удар, зазвенели осколки, маленькая картина, летавшая вместе с остальным имуществом, разбила одно из окон, изменив тем самым направление ветра. Найдя наконец выход, он ринулся вперед с яростью почуявшего свободу дикого зверя.

Большинство самых легких и мелких вещей бесследно растаяло в ночной мгле, и лишь несколько тяжелых ковров и любимых шаманами бархатных покрывал повисли кучкой на оконной раме, словно выдохшиеся на полпути беглецы.

Сами недоучки к этому моменту лежали за сундуками и вдоль стен, сжавшись и накрыв руками головы, совершенно позабыв, что из одежды на них только амулеты и пояса с золотом.

– Сколько раз я просил вас не сердить невидимку? – с глубоким огорчением в голосе задал риторический вопрос Инзерис и сам же на него ответил: – Каждый день по десять раз напоминаю. Вот почему вы так не любите свою жизнь? Разве плохо выйти утром в цветущую степь, сесть в тени раскидистого чинара на ковер, выпить пару пиал свежей бузы, съесть горячую лепешку с куском жареного мяса? А ведь вы никогда этого не увидите, если и дальше будете злить безумного мага. Разве вам неизвестно, как часто меняется настроение у таких людей? Сейчас он добрый, через миг – злой и безжалостный. Кстати, вы еще не поняли, почему я так смело вам это говорю? Его сейчас тут нет – полетел на север, но обещал через день вернуться. А я нашел людей, которые согласны вам помочь, не бесплатно, разумеется. Вот Хаскат и Алсим уже договорились и даже выполнили свою часть работы. Сюда пришли только за своими вещами, ну и попрощаться.

Шаманы слушали молча, но в глазах тех, кто прятался поблизости, все ярче расцветала истовая надежда.

И все же Гард не верил, что они сдадутся так легко. Возможно, слабые и те, кто поумнее, и поверят словам лекаря. Зато самые заматерелые, обнаглевшие и высокомерные, погрязшие в своем невежестве и неумной алчности, никогда не откажутся от своих грез, в которых они уже видели себя хозяевами этого дворца. И всего, что к нему прилагалось. Ну или в самом худшем случае – возвращались домой в мягкой королевской карете. И во главе обоза, тяжело груженного богатством, которое шаманы уже успели сполна оценить и полюбить.

Поэтому регент даже не смотрел на оживавших шаманов, начинавших копаться в сундуках в поисках одежды. Скептически кривя губы, Тровенг разглядывал появлявшиеся из сундуков кучи натасканного ими королевского добра, начиная с серебряных и золотых кубков, ваз и прочей посуды и заканчивая женскими шубками и зонтами.

– А если мы все сделаем и уйдем, – робко спросил немолодой халгирец, красовавшийся в широкой шифоновой блузе для будущих матерей, – он нас не догонит?

– Если потащите все это барахло, – с презрением пнул сундук Звен, – то, конечно, догонит.

– А что тащишь ты? – подозрительно прищурился другой шаман, натянувший алую атласную рубаху с шутовскими черными ромбами.

– Вот! – Достав из-за пазухи увесистый кошель, лже-Хаскат бережно развязал его и вынул ограненный бриллиант размером с голубиное яйцо.

Повертел перед завистливыми взорами халгирцев и с победной усмешкой опустил в мешочек.

– А кто дал? – В глазах его «коллег» разгоралось жадное пламя.

– Я, – невозмутимо отозвался Шайонс, сунул руку в карман и показал любопытным полную пригоршню таких камней. Серебристо-прозрачных, льдисто-синеватых, розовых, как рассвет, и фиолетово-черных. – Но решать нужно быстро. Истинный король возвращается и ведет в столицу армию отчаянных матросов. Сухопутные войска сдаются им без боя и тут же присоединяются. Через день вы побежите отсюда, как крысы, бросив и сундуки, и последние штаны, потому что умудрились чем-то сильно разозлить магистров Онзирского княжества, и они едут с авангардом.

– Тогда какая тебе от нас польза? – лениво осведомился от окна шаман с пронзительным взглядом желтоватых, как у зверя, глаз, перебирая висевший на голой груди внушительный арсенал самых разных амулетов.

– Услуга за услугу, – так же нехотя процедил хозяин обители. – Но задания для всех разные. Сильным – дорогие и секретные, слабым – попроще и подешевле.

– А что делал Хаскат?

– Очень дорогое и тайное задание, и его работой я очень доволен. Могу намекнуть – благодаря ему у вас есть возможность заключить со мной сделку. Ну, решайтесь!

– А кто эти люди рядом с тобой?

– Мои телохранители. Не ждал же ты, что я приду к вам без защиты?

– А Инзерис?

– Он только посредник и честно заработал свою оплату. – Шайонс демонстративно вынул из кармана несколько накопителей и высыпал в подставленные ладони Инзериса.

Серанзиец спрятал ехидную ухмылку за благодарным поклоном, принял накопители и спрятал в собственную ладанку. Вернул ее на шею и, отступив в сторону, равнодушно смерил взглядом своих подчиненных, давая понять, что не собирается мешать их сделке с щедрым купцом.

– Я согласен, – заторопился шаман в шифоне. – Только как мы уйдем?

– Уедем, – высокомерно процедил лже-Хаскат. – На лошадях. У егерей возьмем. В порту стоит нанятый мной корабль, команда ждет только приказа.

Услыхав эту ложь, Гард чудом удержал на лице невозмутимое выражение. Интересно, где Звен возьмет обещанное судно? Или он считает, что обманутые шаманы не найдут способа вернуться и отомстить? Что-то, а различные проклятия и наговоры у них получаются очень забористые. Как объяснял ему когда-то Ланс, творить зло намного проще, ведь можно не высчитывать точного результата и не соизмерять силу. Ну и пусть бородавка или горб вырастет втрое больше намеченного изначально – когда это расстраивало злых колдунов?

Шаманы слушали очень задумчиво и, судя по кислым ролам, сильно сомневались, что на чужом судне их не ждет какая-нибудь ловушка.

– Кто не хочет плыть на корабле, – с откровенной неохотой предложил Шайонс, – может ехать до дома на лошади. Все сухопутные войска сейчас стянуты к столице и крупным городам, и ведущие в Халгир ущелья никто не охраняет. Незачем, вы все уже тут.

Вот это было почти правдой, с одной только маленькой поправкой. Издавна горные пограничные заставы строили и охраняли жители ближайших деревень и городов, казна лишь оплачивала их труды. И это оказалось самым верным решением. Никто не будет делать все возможное и невозможное для защиты приграничных земель лучше тех, кто заботится о безопасности своих женщин и детей.

Предложение Шайонса понравилось шаманам больше: они вмиг прикинули, сколько награбленного смогут увезти в заседельных сумах. Ну а если прихватить еще и выюнную лошадь...

– Поспешите! – резко прикрикнул Инзерис. – Вы должны уйти до рассвета, а времени осталось мало. Онзирские магистры везут самые мощные артефакты, а адмирал назначил за ваши головы очень неплохую награду. К полудню эту новость будут знать все, и каждый обладатель боевого амулета присоединится к толпе желающих получить это золото.

Халгирцы помрачнели. При всей самонадеянности многие успели убедиться, что боевые амулеты ковена намного мощнее их собственных. И самое главное, снаряды из них всегда летят именно туда, куда желает хозяин.

– Что нужно делать? – встали со своих мест сразу три шамана из низшего сословия.

– Снимать по дворцу ловушки, если умеете, – с легким презрением поддел их Шайонс. – Не стоит злить Эршеля и адмирала такими «подарками». В гневе король несдержан, мигом всех перевешает.

– Он сейчас урод, – высокомерно процедил кто-то из толпы.

– Уже нет, – уверенно усмехнулся Ланс. – Его вылечили.

И шаманы почему-то безропотно поверили веселой злости, проскользнувшей в его голосе. После этого они вдруг как-то сдались, начали подходить по одному и кучками, и хозяин обители невозмутимо и умело выдавал им задания. Самые слабые отправились на конюшню седлать лошадей и выводить к задним воротам, предусмотрительно прихватив мешки с собственным имуществом. Кто посильнее – шел снимать ловушки и распутывать свои охранные плетения, изуродовавшие стройную и надежную защиту главных входов и церемониальных залов. А когда в зале осталась только шестерка самых одаренных халгирцев, не проявивших пока никакого желания заработать, вперед снова шагнул Инзерис:

– А теперь секретное задание, за которое можно заработать камни. Не простые, вы могли в этом убедиться.

– Какая работа? – процедил желтоглазый.

– Тебе она не под силу, Саркай, – твердо отказал ему лекарь. – Твоя сильная сторона – огонь, а у купцов задание деликатное. Но секретное. Все, что я скажу сейчас, после окончания разговора вы забудете. Кроме тех, кто за него возьмется. Начали. Один, два, три... Они нуждаются в рабах, которые могут стать помощниками и охранниками. Но не обычными – им нужны люди из одаренных. Поэтому подходят те пленники, которые сидят в винном погребе.

– Так они не могут снять ошейники? – ядовито заухмылялся желтоглазый. – Значит, не такие уж сильные у тебя телохранители, незваный гость.

– Не могут и не желают – это совершенно разные понятия, – ледяным тоном отрезал Шайонс. – Мне незачем копаться в ваших дурацких плетениях, если я могу заплатить тем, кто их ставил. Ты же не варишь сам мясо, если можешь поесть его в харчевне?

– В таком случае ты не зря обратился к нам, – хитро уставился на магистра весьма упитанный шаман, успевший натянуть только женские панталоны из белого атласа в розочках, всего по колено длиной, зато украшенные кружавчиками. – Дашь нам по десять камней, и мы назовем тебе того, кто их закрывал.

Подобного промаха от магов Гард никак не ожидал. Сам он непременно сначала допросил бы тех, кто показался ему поговорчивее, и давно уже знал бы имя умельца. Но маги почему-то пошли по более долгому пути, потратив на это уйму времени.

– Зачем я буду платить всем по десять, – очень правдоподобно изумился хозяин обители, – если могу дать одному тебе пятнадцать? Или ему? Ну, кто тут самый осведомленный?

– Дай всем, – нахмурился желтоглазый, мгновенно сообразивший, что будет со счастливым, едва он окажется за стеной королевского замка.

Все его временные соратники, а на самом деле непримиримые конкуренты и завистники, тотчас начнут охоту на обладателя заветного богатства.

– Слишком дорого за простые сведения, – не согласился Шайонс. – Я еще и тому должен заплатить, кто сделает работу. У меня все без обмана.

– По пять, – осторожно предложил обладатель розочек. – А ему дашь три.

– Всем по три.

– А еще работа будет? – Желтоглазый, как всегда, соображал быстрее всех.

– Тебе – обязательно, – успокоил Шай. – И тем, кто может думать не только о себе, – тоже. Но сначала закончим одно дело. Так где ваш мастер?

– Это Жюс. Он снимает ловушки, – поспешил заработать толстяк.

– Кто его приведет? – Доставая горсть камней, маг начал считать их с преувеличенным вниманием. – Поспешите, пока я добрый.

Ринулись сразу двое, но желтоглазый остался на месте. Задумчиво изучал незнакомцев, слегка морщил лоб, что-то подсчитывая, и наконец недовольно нахмурился:

– А если ущелье будет закрыто?

– Ты всерьез думаешь, будто заставы стоят во всех ущельях? – с язвительной снисходительностью усмехнулся Шайонс. – Нет, только в самых широких и удобных. – А вам придется идти через другое, тайное. Поэтому я и плачу за особое задание. Вы как самые сильные разделите всех остальных на отряды и поведете через горы. Всем проводников дать не смогу, слишком уж запугали вы народ, бояться идти. Но один будет, покажет вход в ущелье. И карты тоже будут. Хорошие, на вашем языке.

– Ты всерьез думаешь, – ехидно передразнил его шаман, – что среди нас много таких, кто умеет читать?

– Значит, поделите грамотных так, чтобы в каждом отряде был хоть один, – безразлично пожал

плечами хозяин обители.

Гард тоскливо покосился на окно, за которым еле заметно начинал сереть небосклон, и подавил раздраженный вздох. Вот за каким лешим этим магистрам приспичило так долго возиться со злобными неумехами? Нужно было расписать прелести незащищенного ущелья, и пусть бы сами попробовали там пройти. А тех, кто не сумеет и вернется, встретить ротой егерей.

Жюса привели очень скоро, он оказался молодым, худым и каким-то невзрачным. Но глаза сияли неожиданно мягким светом разума, который не спутаешь ни с чем. На сделку он согласился сразу, однако упоминания о высокой награде словно не услышал. Может, кто другой и счел бы это беспечностью или высокомерием, но Гард тотчас понял, в чем дело. Незачем ему радоваться неожиданному богатству – как оно пришло, так и уйдет. Старшие собратья никогда не оставят в его карманах заработанных камней. Да и хорошие вещи, найденные им в дворцовых комнатах, отберут, позволив лишь донести до халгирских степей. Хотя бы все монеты заодно не выгребли, и то счастье.

В том, что Звен думал точно так же, регент убедился через полчаса. Процедура снятия ошейников с помощью Жюса неожиданно для всех превратилась в довольно несложную, хотя и занудную операцию.

– Они все разные, – пояснял халгирец, уверенно водя руками по колючему металлу. – Разные мастера делали, разные заклинания ставили. И у каждого свой ключ, один на всех, чтобы не забыть. Иначе ценных рабов убить можно. Вот смотри, если на ошейнике голова верблюда – это мастер Гайсат, а если меч – то Алиман. У Гайсата ключ простой, три раза повернуть вот эту петлю влево и нажать на ту темную точку.

Магистры слушали очень внимательно, обмениваясь быстрыми, понимающими взглядами. Всем было ясно, что парень видит заклинания магическим зрением так, как могут только обладатели весьма сильного дара. И значит, отпускать его в Халгир нельзя ни в коем случае. Пока он доверчив и прост, но как только осознает свою силу и заматереет, может натворить много бед и доставить ковену кучу проблем.

– Жюс, я хочу дать тебе одну вещицу, – тихо шепнул парню Брэн, едва с последнего пленника соскользнул, раскрывшись, проклятый ошейник, – но так, чтобы никто не увидел. Иди за мной.

– Не надо, – с сожалением отказался молодой шаман. – Заркай все равно заберет. Он очень хитрый.

– Мы поняли, – присоединился к коллеге Шайонс. – Но хоть угостить тебя можно? Ты и так худой, а еще потратил много сил, выполняя наше задание.

От угощения халгирец не отказался, город в последние дни жил голодно, и на шаманах это тоже сказывалось. Хотя они и имели привычку брать с прилавков все, что понравится, но теперь там ничего не выкладывалось горками и полными чашами, как прежде.

Жюса проводили в столовую вместе с освобожденными магами, но тут же позвали на кухню. А уже оттуда по коридору для прислуги отвели в одну из комнат, где в обед кормили разных случайных людей. Эршель в куске хлеба и миске рагу велел не отказывать никому, даже селянам, привезшим дрова или зелень.

Но сейчас на столе стояло блюдо с жареным гусем, и Гард с напарником и Шайонсом утомленно наблюдали, как жадно рвут мясо щербатые зубы халгирца.

– Спасибо, – залив еду обжигающе-горячим взваром, поблагодарил тот и, помолчав, поднял на них откровенный взгляд: – О чем вы хотели поговорить?

– Ты сильный маг, – честно сообщил Шайонс. – Такие среди вас очень редки. И все твои собратья это знают, но не радуются. Ты для них – враг, конкурент, к которому скоро потечет золото, которое могли бы получать они. Поэтому они постараются либо сделать тебя рабом, либо убить. Но тебе-то любой из этих путей не принесет ничего хорошего. Сегодня они продали тебя за двадцать камней, а как только ты вернешься, отберут и те три, что ты заработал своим трудом.

– Я все это знаю, – нахмурился Жюс и покосился в окно, за которым уже начинало понемногу светать. – Но куда мне деваться? Мы жили с матерью в маленьком кишлаке, пасли овец, косили весной сено. Я хотел жениться... Три года назад лето выдалось очень засушливым, трава выгорела, овец пришлось прирезать. Потом налетел самум, засыпал хижину и колодец...

Некоторые жители ушли, остальные решили очистить колодец, но копали мы напрасно. Вода не появилась. Остался только один путь – идти к реке. Я вел их по пустыне от колодца к колодцу, нас догоняли суховеи и смерчи, несколько жителей погибли и моя мать тоже. Но до реки я все же добрался. Мы нашли место для нового поселка, однако прискакали нукеры местного хана и потребовали заплатить за землю. У нас ничего не было, кроме десятка ишаков и вяленого мяса... Они забрали все. И тогда я не сдержался. Все в душе закипело от обиды, молнии сами слетали с рук... А потом потерял сознание и больше ничего не помню. Знаю только одно: всех обидчиков убить я не успел. Выжившие привезли меня к хану, а он велел продать шаману в рабство.

– Тебя продали Заркаю?

– Нет, Ашиму. Он был богат и стар, а еще очень жаден и хитер. Когда я начал работать на него, он стал получать еще больше денег, это и сгубило. Кто-то подсунул гнилой амулет...

Гард не понял, как это может быть, и Ланс тихо объяснил:

– На нем было заклинание вроде тех, какие стояли на ошейниках. Если возьмет не хозяин – может погибнуть.

– Он и погиб полгода назад, – подтвердил расслышавший их Жюс. – Но мне повезло. В тот день с утра сидел на базаре, торговал его поделками и зельями. А когда вернулся, там уже были чужие, делили имущество. Заркай хотел меня забрать, но у старейшин хранилось завещание Ашима. Мы с ним договорились: я верно работаю на него, пока он живой, потом считаюсь свободным.

– Это хорошо, – откровенно обрадовался Шайонс. – Значит, тебя там ничего не держит. Ты ведь не успел еще жениться?

– Не успел... Кто отдаст дочь нищему рабу? Да еще и глупому – поверил посулам старших, что тут можно золото лопатой сгребать, купил на все деньги место в отряде.

– Денег ты еще зарабатываешь, не беспокойся, – беспечно фыркнул Звен и спокойно снял опротивевшую личину Хаската. – Главное, уже поумнел.

– Ой... – Халгирец смотрел на незнакомца почти с ужасом, но очень скоро в его взгляде проросло понимание. – А он?

Варгус повторил фокус коллеги.

– Уф, – облегченно вытер ладонью лоб халгирец. – А я никак понять не мог. Так они...

– Напали на мирных людей, – жестко пояснил Шайонс, – и теперь спят в подвале. Но тебе ничего не грозит, наоборот. Мы хотим тебе помочь. У тебя сильный дар, но тебе нужно многому научиться, чтобы стать настоящим магом. Перед тобой самые сильные магистры трех стран – Серанзии, Онзира и Форандии. Ты можешь пойти в ученики к тому, кого выберешь сам.

– Он из Серанзии, – глянув на Инзериса, сообразил молодой шаман. – А вы откуда?

– Я живу здесь, в обители «Хазрет», – представился Шайонс и кивнул на коллег: – А вот все они – из Онзира. И пусть тебя не пугает наше предложение, ученики у нас живут совершенно по-другому, чем в Халгире. Никто никого не бьет, не заставляет работать и не держит взаперти. Но решить ты должен сейчас, сам понимаешь почему.

– Убьете?

– С чего ты такое взял? Мы не палачи и не судьи. Даже Хаската убивать не будем. Отвезем подальше, это да. И отпустим. Еще хотел сказать... Если среди твоих сородичей найдутся те, кто хотел бы жить иначе и за кого ты можешь поручиться, мы возьмем в ученики и их.

– Такие, как я? – задумался Жюс, и на его худое, честное лицо легла тень сомнения. – Нет, точно таких нету. Вот раньше у меня были друзья, но они не шаманы. А эти все хотят одного – много денег, слуг, большой гарем и богатый тохор... такой дом, закрытый стеной.

– Жаль, – искренне вздохнул Звен. – Но зато тебе мы можем помочь. Вот тебе отвод глаз, но туда больше не ходи. Идем, я устрою тебя в покоях на втором этаже. Искупайся, поспи, отдохни, а потом решишь, к кому пойдешь в ученики.

– А мои вещи... можно взять?

Сначала Звен хотел отказать – ну какие там вещи? Кучка блестящих женских одежек, которые шаманы похватали где попало, или несколько статуэток и серебряных вилок?

Но потом присмотрелся к напряженно застывшему парню и с огорчением признал, что едва не сделал очень большой ошибки. Почти у всех людей есть какие-то мелкие памятные вещицы, украшения или просто записки, без которых они чувствуют себя обобщенными и одинокими.

– Конечно, – создавая на самом себе образ Жюса, ответил магистр. – Но я пойду с тобой. Подскажешь, что тебе нужнее всего. Только помни: у нас ученик считается приемным сыном учителя, и пока учится – живет на всем готовом. Если хочет – в доме учителя, если нет – ему снимут или купят домик рядом. Еще ученик получает деньги на все свои нужды. На книги, одежду, еду, развлечения. В разумных пределах, конечно, но если что-то очень понравилось, учитель никогда не откажет. Все мы люди, и у всех свои слабости.

Жюс слушал его слова как сказку, растерянно и слегка недоверчиво, а Гард наблюдал за магами, испытывая одновременно досаду и искреннее уважение. Он всегда считал себя проницательным и рассудительным, но сегодня магистры преподнесли ему урок, доказав, что несколько часов потраченного, казалось бы, напрасно, драгоценного времени стоят неизмеримо меньше одной спасенной жизни. Хотя он пока и не знал точно, куда магистр собирается отправить орду шаманов, но теперь был почти уверен, что вовсе не в Халгир.

– Хочешь посмотреть? – Ланс возник возле напарника бесом-искусителем, держа на ладони амулет отвода глаз. – Лично я схожу.

– Давай, – посомневавшись всего секунду, согласился регент – когда еще придется увидеть такое?

До последнего времени он знал о шаманах лишь всем известные и не всегда точные сведения и никогда не думал, что придется самому вникать в их обычаи и порядки. Но уже увиденного вполне хватило, чтобы твердо увериться: такие вот насквозь лживые и подлые недоучки, думающие лишь о наживе и собственных развлечениях, – самое большое зло для любого государства, и выпалывать их нужно безжалостно, как злостные сорняки.

В занятый халгирцами зал они вошли гуськом. Первым – Звен под личиной Жюса, за ним – молодой шаман и Гард с Лансом. Остальные магистры отправились устраивать и лечить пообедавших и искупавшихся пленников. Теперь уже точно – бывших.

В зале властвовали суматоха и хаос, шаманы торопливо паковали награбленное в мешки и сумки, с сожалением оставляя притащенные сюда из комнат дубовые сундуки и вышитые шелком ширмы. На худенького, невзрачного Жюса никто не обратил внимания. Не до того, когда решается важный вопрос, что засунуть в мешок – полуголую деревянную деву высотой в полтора локтя или все же не уступающий ей по величине витой серебряный инструмент, на котором не умеет играть ни один из сородичей.

Вещи Жюса нашлись в одном из ящиков громоздкого буфета, героически выстоявшего против смерча. Было их немного по сравнению с соседями. Кроме атласных одеял и подушек – пара женских ночных рубашек, явно прельстивших парня качеством батиста и замысловатой вышивкой, и стопка книг, выбранных, несомненно, за количество картинок. Потому что это были детские учебники и сказки. Кроме того, в глубине ящика он хранил защищенный ловушкой потертый саквояж, и никто из сопровождавших не сомневался, что его Жюс принес с собой из Халгира. Пока парень, присев, распутывал собственные замки, Звен с задумчивым видом стоял над мешком, вовсе не собираясь заталкивать туда подушки.

– Немного же ты набрал, – ехидно подколот бывшего раба ближайший сосед, и магистр с досадой стиснул зубы.

Привлекать к Жюсу внимание он не собирался, но и спускать всяким дуракам ядовитые шпильки не желал. Наглецы и подлецы всех видов обычно твердо уверены в собственной неуязвимости и не верят в справедливое возмездие. Поэтому брошенное в сундук поганца почти безвредное заклинание искр счел самым действенным методом наказания.

Затем подхватил собранные невидимым Жюсом вещи, подтолкнул того к выходу и поспешил покинуть помещение, пока тут не начался хаос. Уход шаманов из дворца был назначен на пятый звон главного королевского колокола, а до него оставалось всего лишь несколько минут. Но уйти просто так все же не успел. На пороге их застиг оклик бдительного Заркая:

– Эй, Жюс, а ты куда?

– На улицу, – не растерялся молодой шаман. – Тут душно.

И первым выскочил за дверь. Звен спокойно вышел следом, тут же кастуя на себя отвод глаз, и шепотом велел всем подниматься на второй этаж. И как раз вовремя – навстречу шел Инзерис. Проходя мимо магистров, ауры которых отлично видел, серанзиец заговорщицки им подмигнул и распахнул пошире двери. А затем грозно гаркнул, добавив голосу пронзительности:

– Уходим! Лошади на улице, за задними воротами! Кто не успеет за пять минут – останется здесь или пойдет пешком!

Резко отскочив в сторону, лекарь накинул на себя отвод глаз и поспешно вернулся к лестнице. Как раз вовремя. Через несколько мгновений зрители убедились, что шаманы в подобных случаях долго не рассуждают. Вернее, не рассуждают вовсе. Хватают что попало и бегут, как выпущенные из ловушки тараканы. Не разбирая дороги и особо не думая куда.

Не зря магистры заранее закрыли щитами боковые коридоры и арки, оставив широко распахнутыми лишь ведущие к выходу двери. За воротами халгирцев уже ожидали оседланные лошади, и поводья были предусмотрительно не привязаны, а просто наброшены на сучья деревьев и ветви кустов.

На пути к южным городским воротам бешено скачущей орде, теряющей на ходу какие-то тряпки и утварь, не встретился ни один человек или повозка, однако халгирцам и в голову не пришло этому удивляться. Зато рота егерей, поднятая час назад по тревоге и перекрывшая все боковые переулочки и проходы на центральную дорогу, была просто ошеломлена прозорливостью своего командира. С невероятной точностью указавшего время побега халгирской орды.

Но еще большее потрясение ждало их по возвращении в королевский замок. На входе рядом с мрачным командиром стояли незнакомые маги, вежливо предлагавшие сдать оружие и пройти в подвал до выяснения степени их прегрешений против закона и горожан.

Смирившиеся молча сдавали оружие и шли своими ножками, а бунтарей, знавших за собой вину, сначала поднимали с пола и укладывали на садовые тележки расторопные слуги, а потом уже разоружали невозмутимые гвардейцы.

Подавление попытки переворота во дворце прошло быстро и бескровно.

Восемнадцатое светозарня

Ущелье в Южных горах

Лита

– Подлец... мерзавец... ну погоди, я до тебя доберусь... – невнятно шептала девушка, заставляя досадливо морщиться сидящего неподалеку мужчину.

Он ждал ее пробуждения уже четверть часа и точно знал, что она видит и слышит сейчас. Комнату в королевском дворце, трепыхающуюся рядом сестру, яростный рык магистра за трясущимся шкафом и его самого, взмахом руки отправляющего ее в сон.

Все всегда возвращаются из навязанного сна точно в том расположении духа, в каком были в последний момент, перед тем как уснуть. И с одной стороны, это хорошо, человек не сразу осознаёт, что потерял несколько часов или дней своей жизни и все, что его в тот миг окружало. Вместе с теми, кто ему близок и дорог.

Но с другой стороны, злоба и ненависть, какими переполнен очнувшийся от зачарованного сна, ничуть не лучше отчаяния или даже откровенного горя. Поэтому Грозвен держал в руках кружку с отваром, в который капнул несколько капель успокаивающего зелья. Не настолько много, чтобы смотреть потом на беспечную бабочку, но и не слишком мало. Времени успокаивать расстроенную девушку у него просто нет. Через несколько минут нужно двигаться дальше, и к тому моменту она должна принять осознанное решение.

Грозвен был бы очень рад думать, что примет любой ответ ведуньи, но не мог обманывать себя, как какой-нибудь трус. На самом деле ему нужно лишь ее согласие.

– Где... – Резко распахнув глаза, белокурая девушка несколько секунд озадаченно смотрела на густые синеватые ветви высоченных елей, между которыми висела в гамаке, потом приподнялась на локте и уже серьезно оглядела место, где очутилась.

Освещенные утренним солнцем вершины гор, почти черные мокрые валуны, между которыми торопливо бежали светлые струи горной речки, и серые обломки скал по берегам. А между ними – заросли облепихи и шиповника, малины и черной смородины вперемешку с тальником. И никакой тропы, ни с одной стороны.

– Где можно умыться? – закончила она вопрос, и Грозвен изумился так, как не удивлялся уже много лет, с самого детства, наверное.

Но на вопрос ответил почти тотчас, ведунья только выпрыгнуть из гамака успела:

– За тем большим камнем.

Объяснить, что там устроено подобие ванной, маг не успел – подхватив юбку, девушка ловко, словно не в первый раз, проскользнула между камней и кустов и скрылась за огромным обломком скалы.

Грозвен выдохнул теснившееся в груди напряжение, отпил из кружки пару глотков и выплеснул остальное на камни. Ей этот напиток точно не понадобится. К тому времени как Лита появилась из-за камня, маг успел вскипятить воду и заварить свежий чай из бодрящих листочков лимонника и черной смородины, которые набрал тут же, в ущелье.

– Мужской одежды нет? – осведомилась ведунья, разглядывая разложенную на плоском камне еду.

– Зачем она тебе? – поперхнулся внезапно вопросом маг, но его пленница не сочла нужным ответить.

Присела на приготовленную для нее подушку и принялась завтракать. Грозвен искоса наблюдал за тем, как она ест. Без притворного стеснения или жеманства отламывает большие куски мясного пирога, укладывает сверху толстые ломти сыра и запивает сладким чаем, который предварительно понюхала и попробовала.

– Обуви тоже нет? – плотно перекусив, осведомилась ведунья явно просто для порядка и, не ожидая ответа, снова направилась к импровизированной ванной: – Я надолго.

Грозвен только несчастно поморщился. Нервные срывы иногда проходят очень странно и почти всегда – непредсказуемо. Кого-то на ее месте трепала бы безжалостная истерика, другие впали бы в протрацию, а у этой прихватило желудок – не самое редкое явление.

Он успел собрать немудреное имущество, приготовить ковер-крылет и даже немного подкрепиться, энергия в полете уходит как вода в песок. Артефакт старенький и давно уже не подзаряжается на длительный полет. Приходится отдавать свою магию, благо у него пока хватает. А при подлете к Файханоль появится возможность брать напрямую.

Тревога возникла через четверть часа, пока неосознанная и не острая. Скорее, нетерпение и досада на самого себя – зачем дал пленнице столько еды? Точнее, почему не подумал, что сначала ее нужно напоить молоком или бульоном? После более суток сна организму не так просто принять жирные пироги, копченую колбасу и сыр. Все, что он смог найти приличного в последней чайхане.

Грозвен выждал еще минут пять, накинул невидимость и неслышно двинулся к обломку скалы. Сведения о том, что слух и зрение у ведуний острее, чем у прочих людей, он помнил наизусть.

Осторожно скользнув за камень, маг сделал маленький шаг, такой, чтобы только краем глаза видеть сделанную из покрывала занавесь, за которой устроил укромный уголок, необходимый всем разумным существам. И огорченно поджал губы, заметив видневшиеся из-под нижнего края занавески носки уже знакомых ему туфель и прикрывающий их край светлой нижней юбки.

Он сбежал оттуда поспешно и трусливо, как заяц от волчьего следа, проклиная и собственную подозрительность, и собственную же непредусмотрительность. Нужно было лучше подготовиться к ее пробуждению и действительно подумать заранее об удобной дорожной

одежде и легких, полезных кушаньях. В селе можно было попросить женщин испечь постные соленые лепешки, купить творог и кислое молоко.

Следующие четверть часа, с тоской поглядывая на камень в ожидании бредущей оттуда ведуньи, Грозвен ругал себя все яростнее. И решился проверить девушку снова только в тот момент, когда ему пришла в голову здравая мысль, что ей попросту могло стать плохо. Бывают при подобных болезнях у людей приступы слабости, когда они сами даже рукой шевельнуть не могут. И даже обмороки.

В этот раз он завернул за обломок скалы очень решительно и, обнаружив, что носки туфель не сдвинулись ни на соломинку, уверенно прошагал к занавеси. На миг замер, пытаясь убедить себя, что иного способа ей помочь нет, и осторожно отодвинул плотную ткань.

Следующие три минуты он ругался вслух. Громко и яростно кроя самыми язвительными словами собственную порядочность, не позволившую поставить на ведунью магический маячок. Все найденные им сведения о женщинах с такими возможностями единогласно утверждали, что никакую магию они не терпят. Ни заклятий, ни амулетов.

А без помощи магии найти лишенную дара и амулетов девушку для него так же сложно, как если бы она была невидимкой. Она могла бы сейчас сидеть за любым кустом или валуном, Грозвен прошел бы мимо и не заметил. Оставался только один способ обнаружить беглянку – облазить все ущелье, заглянув в каждую расщелину и под каждый кустик. А если вспомнить, сколько времени потрачено зря, то искать придется мили по три в каждую сторону. Конечно, Грозвен будет искать, иного выхода нет, а терпеливости ему не занимать. Но время, которое у него еще оставалось, утекало все стремительнее.

Немного придя в себя, маг пару минут молнией носился по стоянке, собирая в крылет свое немногочисленное имущество. Нижнюю юбку и туфли, оставленные пронырливой девчонкой, тоже прихватил. На всякий случай. Если не удастся найти ее обычными методами, придется создать поисковик. А если магия и в самом деле ее обожжет, Грозвен залечит, зелья у него сильные. Но тут не оставит, даже если это ее самое заветное желание.

Откуда чужестранке знать, как опасны живущие в этих диких местах твари? В глухих ущельях, откуда до Файханоль осталось всего двое суток езды на верблюде, скапливается идущая от сердца пустыни древняя сила, многократно ускоряя всевозможные мутации. Туземцы издавна зовут эти горы Приютом Шайтанов и стараются не забредать менее чем отрядом в распадки, полные неизвестности. И то лишь по делам – за дровами, камнем и ягодой, никогда не поднимаясь от входа далее, чем на милю.

Вот туда, к редким человеческим тропам, и должна бы бежать ведунья, если способна рассуждать разумно. А она, похоже, способна, судя по легкости, с какой оставила в дураках самого Грозвена. Значит, поиск он начнет именно оттуда, и чем быстрее будет бежать вниз Лита, тем скорее они встретятся.

Грозвен запрыгнул в крылет, кастовал невидимость и, подняв ковер чуть выше вершин елей, помчался вниз, к выходу из ущелья.

– Предсказуем, как все мужчины, – пробормотала Чижик, поднимаясь с клочка травы, на котором удобно лежала между двух камней.

Сбрасывать с головы подобие кочки, наспех скрученное из молодых веточек черной смородины и плетей костяники, она и не подумала. Мало ли от кого придется прятаться, да и солнце припекает все сильнее. А кроме того, листики вполне можно пожевать, если захочется есть.

Лита невесело усмехнулась и неторопливо направилась к недавно оставленной похитителем опустевшей стоянке. Разумеется, Грозвен не поленился забрать все ее вещи, зато место было выбрано удачно и явно не впервые. А ей теперь часа два ждать, пока он прочешет ущелье снизу и решит, что беглянка сдуру полезла к верховью. Или вообще решила перелезть через гребень в соседнее ущелье. И был бы прав: такие мысли пришли ей в голову в первую очередь. Но пока Лита сидела в засаде, наблюдая за магом через щель между камнями, она понемногу успокоилась, просчитала варианты, как учила мать, и поняла, что вначале пошла по неверному пути.

И вот это самый главный принцип ведуний, отличающий их от большинства девушек и дам. Если ведунья поймет, что ошиблась или поступила неверно, она не начинает рвать на себе волосы или молча плакать в подушку. Жаловаться богам, родственникам, подругам и тем более недругам она тоже никогда не побежит. Глупо это, да и бесполезно. Проще и надежнее

признать свою неправоту и начать все сначала.

Восемнадцатое светозарня

Айканир, королевский замок

Дилли

– Любимая, поспи еще... Такая рань, а-а... а-ах! – Гард сладко зевнул и попытался вернуть жену на место, в теплый уют по-королевски пышной постели.

– Ты спи, – нежно погладили его плечо любимые руки, – а я пойду подберу платье. Сегодня первый официальный завтрак, на меня будет смотреть вся придворная орда.

– Мне повезло, – ухмыльнулся Гард, – на меня глядеть не станут.

И вроде беспечно это сказал, а ведунью прямо по сердцу царапнула прозвучавшая в голосе мужа досада.

Да и как ему не обижаться, если теперь под личиной он ходит один-единственный. Вчера к вечеру, когда во дворце не осталось никого из тех, кто еще недавно праздновал победу и делил посты и трофеи, Эршель собрал за ужином всех преданных людей и тех, кто вернул ему трон. Маги ковена и их коллеги были на этом закрытом празднестве самыми главными героями, и все заранее сняли личины в знак чистоты намерений.

Кроме них король созвал преданных советников и военачальников, придворных и слуг. Последние сильно смущались: раньше им доставалось лишь незаметными тенями прислуживать на подобных трапезах, о таком почете они никогда и мечтать не смели. Зато командиры полков гвардейцев, драгун и кирасир, оставшиеся верными настоящему Эршелю и не вставшие на сторону двойника, откровенно радовались и сияли регалиями, к которым вскоре добавились новые ордена и погоны. Король раздавал награды щедро, как никогда, оставив наказание на потом, но все понимали, что оно неминуемо.

Однако самым главным на этом ужине все же было представление найденных королем бастардов. И если Леарона многие хорошо знали, а самые проницательные даже подозревали истину, то появление Дилли стало настоящим потрясением. Особенно для молодых лордов, мгновенно сделавших простые расчеты и окруживших принцессу вниманием.

Разумеется, Дилли и мгновения не оставила им на бесполезные заблуждения, объявив что замужем за регентом Онзирской княжны, но не все покорно отступились. Знатные и богатые лорды в большинстве своем отличаются самоуверенностью и не считают оставшихся где-то далеко мужей достаточной причиной, чтобы отказываться от приглянувшейся дамы. Особенно если она принцесса.

К тому же его величество тут же объявил, что нашел еще одну дочь, младшую, но она приедет позднее. Но когда король говорил про этот будущий приезд, лицо его стало мрачнее грозовой тучи. И это казалось придворным весьма подозрительным, заставляя предполагать, что с младшей принцессой не все в порядке. Поэтому о ней пока никто не мечтал и не думал, вот когда приедет – тогда будет видно.

Дилли оберегали от назойливых ухажеров все магистры и сам Гард, выдававший себя за ученика Звенорса, но настроение эти, ни в чем в общем-то не повинные, господа испортили ему основательно. Поэтому Дилли весь вечер думала, как исправить это неприятное недоразумение, и, кажется, нашла выход.

– Наоборот, – спокойно возразила она мужу. – На тебя будут смотреть во все глаза.

И смолкла, углубившись в сложные расчеты: что надеть, чтобы выглядеть принцессой, но одновременно не утонуть в кружевах, бантиках и драгоценностях. Почему-то все принцессы на фамильных портретах семейной галереи были изображены именно в подобных нарядах. Или это художники по обыкновению стремились запечатлеть в веках свое драгоценное мнение?

– Не хочу, – сонно буркнул Тровенг, но уже через несколько секунд встрепенулся и рывком сел, отбрасывая с лица волосы: – А что ты имела в виду?

– Только одно, – пробормотала ведунья, прикладывая к себе темно-синее платье с усыпанной искорками алмазов юбкой. – Я порядочная женщина и такой хочу остаться.

– А... – задумался Гард и, мрачняя, уточнил: – Появился кто-то, кто покушается на твою честь?

– Да, – подтвердила она и, не желая испытывать терпение любимого мужчины, призналась: – Ты.

– Хм... – откашлялся от неожиданности регент. – Каким это образом?

– Самым банальным. Ты живешь в моих покоях, спишь на моей кровати... Скажи как дознаватель, сколько времени понадобится опытным служанкам, чтобы возвести меня в блудницы? Ведь мой муж сейчас очень далеко.

– Дилли, – заявил регент, подумав, – я знаю пару простых способов решить эту проблему.

– Например? – всерьез заинтересовалась ведунья.

– Ну, я уйду под отводом глаз, а ты уберешь все следы моего пребывания. Или попрошу Эршеля прислать надежную служанку. Ну или просто буду убирать сам, я не белоручка.

– И гулять будешь сам, и за столом сидеть рядом с магами, и вообще можешь завести интрижку с какой-нибудь фрейлиной, – съехидничала его жена. – Нет, дорогой, мне это все очень не нравится. Я намерена сидеть рядом с тобой, хочу, чтобы за мной ухаживал ты, гулял, танцевал... ведь будут же и танцы! Поэтому сегодня ночью ко мне приехал муж. Инкогнито, разумеется, с частным визитом. Познакомиться с нашедшимся тестем, ну и поздравить его по-родственному с победой.

– И на чем же я успел так быстро примчаться? – озадаченно пробормотал Гард. – И где мой багаж?

– Об этом нужно спросить Звена – на крылете или еще на какой-то диковинке. А вещи мы с собой везли – пусть найдет. Мне же нашли целую кучу платьев? Сейчас я ему напишу, а ты пока можешь спрятать свой амулет личины, больше он тебе тут не понадобится.

– Да? – еще с сомнением хмурился Гард, а его губы уже растягивались в предвкушающей ухмылке.

Его любимая, как всегда, права, и если бы он на самом деле оставался в Онзире, то, несомненно, уже должен был отправиться в Айканир. Правда, дорога заняла бы не менее пяти дней, но никому ведь не известны возможности ковена? И вряд ли сейчас в королевском дворце отыщется смельчак, способный начать расспрашивать регента, как он умудрился так быстро добраться до столицы.

– Тогда я отправлю Лансу письмо и посплю еще часок, – решил Тровенг и откинулся на подушки. – Пока он найдет мой багаж.

Он и в самом деле задремал, но чутко, как умеют только охотники и сыщики. Наслаждался непривычным покоем и счастьем, с блаженной улыбкой прислушиваясь, как в смежном будуаре его любимая женщина шелестит платьями, чем-то позвякивает, то ли ложечкой, то ли флакончиками, и изредка тихонько насмешливо фыркает, видимо, найдя в фасоне очередного платья нечто уморительное.

И, разумеется, не пропустил короткий стук во входную дверь. А также тихий скрип открываемой створки и бесцеремонное цоканье дамских каблучков, последовавшее тотчас после тихого разрешения ведуньи.

– Доброе утро, ваше высочество, – учтиво и очень уверенно, с едва заметной толикой превосходства, произнесла невидимая ему леди, и Гард в тот же миг разом и навсегда возненавидел ее как злейшего врага.

Слишком хорошо он изучил этот тип дам, самыми различными способами добравшихся до заветного места старшей фрейлины, статс-дамы или домоправительницы и уверившихся в своем праве устанавливать такие порядки, какие находили правильными лично они. Не считаясь ни с положением, ни со знатностью, ни с желаниями тех, кого брались опекать. И менее всего Гард хотел, чтобы эта дама начала портить его жене это прекрасное утро.

Больше он не мог спокойно радоваться неведомым прежде прелестям семейной жизни. Да и спать разом расхотел, а в душе проросла незнакомая кровожадность. Регент рыбкой

выскользнул из-под покрывала, набросил на плечи длинный черный халат, потуже затянул пояс и замер у прикрывающей вход портьеры, прислушиваясь к разговору.

– Доброе, – суховато ответила ведунья, согревая своей догадливостью сердце мужа, и строго осведомилась: – Кто вы такая?

– Леди Боренсия, ваша камеристка и наставница по этикету, – важно сообщила дама, и превосходства в ее голосе заметно прибавилось.

Гард напрягся, выжидая момент, когда появиться будет лучше всего, и с удовольствием выслушал ответ Дилли:

– Благодарю за заботу, но я ни в камеристках, ни в наставницах не нуждаюсь. Можете быть свободны. И распорядитесь по пути, чтобы принесли горячий чай и сытный завтрак.

– Извините, ваше высочество, – и не подумала сдвинуться с места настырная дама, – но вы зря капризничаете. Меня прислала леди Гертрис, я подчиняюсь только ее приказам и потому никуда не пойду.

– Значит, я просто велю выкинуть вас отсюда! – распахивая портьеры, зло рывкнул Тровенг, не желавший больше терпеть ее наглость.

Прошагал мимо камеристки, на лице которой потрясение постепенно сменялось мерзкой, понимающей усмешкой, рывком распахнул дверь в общий с соседними покоем зал и дунул в тревожный свисток. Посомневался секунду и яростно подергал висящий у дверей шнур, которым вызывалась охрана, лекари и тьма знает кто еще.

Вернувшись в будуар, Гард, не обращая внимания на оскорбленно застывшую камеристку, уселся на подлокотник кресла жены и молча улыбнулся ее отражению в зеркале. Поймал посланный в ответ лучащийся весельем взгляд и ощутил, как постепенно отпускает, уходит изумившая его самого ярость.

– Ваше высочество, что случилось? – Встревоженные гвардейцы замерли на пороге, оглядывая мирную с виду картину.

– В наши покои, – жестко глянул на них регент, – вломилась наглая грубиянка. Уведите ее отсюда.

– Не смейте ко мне прикасаться! – свирепо, как кобра, прошипела леди Боренсия, сверля возмущенным взглядом бесстыжего любовника внезапно объявившейся провинциальной приبلуды. – Я тут по приказу леди Гертрис и буду жаловаться королю!

– Пропустите! – бесцеремонно отстранив воинов, ворвался в комнату Звен. Молниеносно окинул друзей бдительным взором и, осознав, что Тровенг уже без личины, учтиво склонил перед ним голову: – Что произошло, ваша светлость?

– Это я желаю знать, что тут происходит? – заметив через распахнутые створки короля, стремительно шагавшего в сторону их комнат вместе с Леароном, преувеличенно громко и возмущенно осведомился регент. – На каком основании наглые хамки с раннего утра командуют моей женой и не дают нам спокойно отдохнуть? А я, между прочим, прибыл только час назад!

Он успел разглядеть, что все они, и Эршель, и Леарон, и маги, уже полностью одеты и выглядят довольно бодрыми, следовательно, с утра пораньше занимаются делами. Но не чувствовал никакого раскаяния, точно зная, что во дворце нельзя никому позволять сесть себе на шею. Ни сочувствующих, ни бескорыстных среди них не бывает, такие отсеиваются по мере продвижения вверх. Добрых и жалостливых можно найти лишь среди низшей прислуги, все остальные давно зубасты и ядовиты.

– Меня прислала леди Гертрис! – стояла на своем упорная дама, хотя ее щеки уже алели жаркими пятнами румянца. – Леди велела помочь ее высочеству выбрать подобающее платье и украшения и подучить правила этикета.

– А ей неизвестно, – ледяным тоном процедил Гард, – что ее светлость Андилиана Тровенг является супругой правителя Онзирского княжества и вполне соответствует своему статусу?

– Но у нас этикет гораздо строже, чем в провинции! – гордо задрала нос Боренсия, еще не сообразив, что влипла, как муха в смолу.

Понимание пришло к ней лишь после того, как раздался переполненный благородным возмущением и гневом голос незнакомца, нагло называвшего себя мужем ее новой подопечной:

– Ваше величество, я не намерен выслушивать от ваших слуг оскорблений порядков моей страны! Мы немедленно покидаем ваш дворец и возвращаемся домой!

– Кто вообще пустил ее сюда? – Намерения нахальной компаньонки леди Гертрис чему-то учить Дилли задела короля ничуть не меньше, чем Тровенга. – Немедленно выставить прочь!

Гвардейцы подхватили даму под руки и повели к выходу.

– Почему-то шаманов никто не рвался учить этикету, – съязвил вслед ей Леарон, яро ненавидевший толпу тетушек, попивших немало его крови и отравивших сотни дней и вечеров. – И Дейса они не воспитывали.

– Они при нем вместе с компаньонками сидели как мыши и обедали только в своих покоях, – деликатно сообщил верный старший секретарь, получивший вчера баронский титул и должность советника по искусствам. – А сегодня с утра загоняли слуг, собираются устроить знакомство с принцессой.

– Как вовремя я приехал! – зло восхитился Гард. – Сначала они всеми силами выживали бастардов из дворца, а теперь будут строить их рядами и дрессировать?

– Меня пытались, я не дался, – с хмурой усмешкой вспомнил Леарон.

– Тебе за все испытания пора орден давать, – посочувствовала брату Дилли. – Все больше убеждаюсь, как повезло нам с Чижиком.

– Немедленно отправьте к тетушкам слуг! – яростно прорычал Эршель, и без того из-за Литы пребывавший с утра в мрачном настроении. – Пусть пакуют вещи. Они сегодня переезжают на лето в Сайнское поместье вместе со всеми компаньонками. Позже я решу, где поселить их на зиму.

– Не поедут, – убежденно заявил новый советник. – К кроватям привяжутся.

– Усыпить – и поедут как миленькие, – фыркнул подошедший Ланс и поставил перед Гардом два сундука: – Твой багаж.

– Спасибо. Я решил сегодня приехать, пора познакомиться с тестем, – пошутил Гард и серьезно добавил: – А тетушкам нужно найти занятие по силам. Иначе они от безделья организуют новый переворот.

– Пока отправим в поместье, и немедленно, – кивнул ему король, уже очень отчетливо осознавший, как много он потерял по вине приживалок, навязанных когда-то матерью.

Но при ней они были послушными чтицами, фрейлинами и воспитанницами, а потом незаметно превратились в его личных надзирательниц, с помощью волшебных слов «ее величеству королеве-матери это не понравилось бы» ловко управлявших его жизнью. И вот этого манипулирования он им прощать не собирался.

Дело, говорите? Даст он им дело. Пусть благотворительные обеды для бедных организуют, в ночлежках и приютах порядок наведут и попутно сравнят, как живут бедные старики и как жили они сами, от скуки придумывая себе необыкновенные десерты и редкие блюда. В поместье такого не будет, там лекарь строгий, сам проверяет меню, чтобы повара не вздумали готовить ни острого, ни жирного.

Восемнадцатое светозарня

Ущелье в Южных горах

Лита

Ожидание растянулось, хотя без дела Чижик не сидела. Да и не усидишь долго на холодном камне под пригревающим солнцем. И тошно и бесполезно. Поэтому девушка добавила себе

тонкости слуха, не желая пропустить появления какой-нибудь опасности, и принялась за работу. Но сначала сняла платье, мысленно поблагодарив сестру за подсказку там, в карете, когда Шайонс принес им женскую одежду.

– Надевай сверху, – велела Дилли, сбросив только грубую мужскую рубаху, но оставив на себе заменявшую бюстье коротенькую полотняную безрукавку и мужские штаны. – Неизвестно, как дело пойдет, может, убежать придется.

И теперь Лита без сомнений стянула помятое платье и тихонько посмеялась, припомнив разговор с Грозвенном. Мага очень озадачил вопрос про мужскую одежду, хотя она всего лишь проверяла, заглядывал ли он ей под юбки. О том, что маг не нашел кожаные ножны с маленьким складным ножиком, висевшие у нее на шее там, где все остальные носят амулеты, ладанки и обереги, девушка знала с первой секунды, и именно поэтому и не сорвалась в бега, едва увидев незнакомое, дикое место.

С помощью ножа платье быстро разделилось на кофточку и юбку, ставшую, правда, на пару ладоней короче, но это было не особенно заметно. Да и служила она пока вовсе не одеждой.

Нарвав ветвей, Лита сплела из них неказистый шалашик размером чуть больше собачьей конуры. Установив его на плоском валуне, набросала внутрь мягкой травы и листьев. Напоследок накрыла траву юбкой, откинув широкую оборку на крышу шалаша, чтобы укрыться от жарких лучей. И отправилась к речушке, помыть руки и напиться.

А умывшись и сделав шаг назад, замерла от неожиданности.

Перед ее сооружением стояло нечто непонятное, но явно магическое, судя по бледному отсвету. В северных горах, закрывавших Онзирское княжество от суровых морозов и буйных метелей, какими славилась погода Сарбенского и Уголенского княжеств, ничего подобного не водилось. Да и нечем им там было кормиться, таким тварям, в насквозь замороженных ущельях, почти по макушки скал засыпанных снегом. А вот про богатые живностью Южные горы, разделяющие Форандию и Халгир, ходили очень жуткие слухи.

Сказители и менестрели, бродившие по дорогам всех стран, приносили сказы и байки про невиданных чудищ, дэвов, непонятного рода и племени. Неосторожный охотник, забредший в ущелье в погоне за козой, своими глазами видел, как быстроногое животное влетело в пышный куст, ничем не отличавшийся от соседних, но так из него и не вышло. Конечно, он кинулся туда, решив, что коза просто запуталась, но задержался, обходя валун. А когда оказался в том месте, где надеялся найти свою добычу, никакого куста не отыскал. Да и козы не было, лишь смятая, словно пережеванная, шкурка и приметные рога.

Охотник бежал оттуда как безумный, и знающие люди после говорили, что ему сильно повезло. Дэв был сыт и просто поленился догонять.

Все подобные истории мгновенно воскресли в памяти Чижики, и она замерла в неудобном положении, не решаясь привлечь внимание существа, изучавшего трепетавшие на ветру оборки. А ведунья рассматривала его. Прибавив зрению зоркости и контрастности, пыталась понять, на кого оно похоже. Байки твердили, будто дэвы – это потомки заблудившихся в горах людей и зверей, попавшие в поле действия темной магии. Был когда-то в центре Халгирской пустыни мощный источник, вокруг которого древние колдуны выстроили свою столицу. Мощные стены, высокие башни, холодные родники и висячие сады... Слух о красоте и чудесах цитадели могущественных магов шел по всем княжествам и ханствам. История не донесла до этих дней точного названия дивного оазиса, данного в честь какой-то древней богини. То ли Архаоль, то ли Фархань, но это и не существенно.

Значительно важнее катастрофа, обрушившаяся на страну колдунов в один далеко не прекрасный день. Теперь никому не известно, что там случилась, а предположений, как водится, десятки. И некоторые кардинально отличаются одно от другого. То ли магия вышла из повиновения, то ли маги допустили ошибку в каком-то эксперименте, но не стало ни оазиса, ни столицы пустынников. Просто исчезла, и зря упорные купцы, делавшие на торговле с магами баснословные прибыли, бороздили пески вдоль и поперек. И по заученным наизусть ориентирам, и по звездам, и просто наугад. Ничего, кроме бесконечных барханов, они так и не нашли.

Но зато появились монстры, и сначала их пытались выбить. Собирали отряды, вооружались как на войну – не только стрелами и мечами, но также жезлами и боевыми амулетами. Бесполезно. Никакая магия монстров не брала, только замедляла на время, потом они ее то ли стряхивали, то ли просто выпивали. Да и с мечами было не лучше. Монстры не имели ни привычного облика, ни четких очертаний, и непонятно было, где у них голова, а где сердце,

и что нужно отрубить, чтобы монстр сдох.

Вот и этот, стоявший перед скромным убежищем Литы, был не выше ребенка лет десяти и походил скорее на растрепанный клок сена, чем на живое существо. Ни туловища, ни ног. Только и удалось разобрать усиленным зрением более плотный клубок там, где у человека был бы живот. Да разглядеть, что тонкие, как листочки ивы, зеленые стебли – на самом деле живые отростки, непрерывно шевелящиеся, будто клубок пиявок.

И это их сходство очень не нравилось ведунье. Теперь она не сомневалась, что монстр пришел не случайно. Услышал шум или почуял запах – кто знает, чем привлекла его стоянка. Важнее, что он ничего не боится, и значит, уверен в своей безопасности. И в своем праве брать все понравившееся, от зайцев и коз до людей. Недаром же по миру ходит столько баек про пропавших в этих горах охотников и путников.

А Лите и противопоставить ему нечего, кроме хоть и острого, но короткого ножика. Но много ли вреда причинишь ножом монстру, имеющему тысячи пальцев и ничего похожего на сердце?

Значит, нужно либо бежать, либо притаиться, но как это выполнить? Допустим, по сравнительно ровной тропке она может быстро пронестись мили три, но где тут такая тропа? Вокруг – нагромождения камней, и попасть ногой на острый осколок или в расщелину проще простого. Да и пышная растительность, как выяснилось, – здесь далеко не всегда обычные кусты. Остается единственный путь – по реке. Если расширить ступни и мчаться изо всех сил, вода станет казаться плотной, как песок. Но кто поручится, что ниже по реке нет порогов, водопадов или еще каких-нибудь преград? И что монстры не умеют бегать с такой же скоростью?

Значит, нужно притаиться и ждать возвращения Грозвена, если он еще вернется. И тогда снова встает вопрос: куда спрятаться? На камне, где Лита замерла статуей, у нее уже начало сводить от холода ноги – речушка брала начало где-то в глубине гор и была почти ледяной. Да и рядом только мокрые, покрытые зеленоватым мхом, валуны, на которых ни посидеть, ни согреться не удастся.

Девушка тихонько вздохнула и тут же сердито сжала зубы – не сметь! Ей сдаваться и плакать не положено, она же не изнеженная принцесса и даже не простая селянка. Она ведунья, у нее в запасе мудрость сотен матерей и бабушек, а еще – редкое умение выживать.

Монстр, от которого Лита не отводила взора, вдруг начал стремительно расти. И одновременно растягиваться вверх и в стороны. Это чем-то напоминало поднятие паруса. Вот кто-то потащил вверх бесформенную пока ткань, и тут же она поймала ветерок, распрямилась, стала тугой и округлой, удерживая его в своих объятиях.

Зеленый куст тоже на миг стал таким широким и округлым, а потом вдруг резко прыгнул на шалаш, обхватывая его всей тысячей зеленых присосок и становясь похожим на сложенный на валуне стожок.

Чижик подавилась едва удержанным вскриком, прижала к губам побелевшие пальцы, глядя, как с опустевшего валуна медленно сползает зеленое трепещущее покрывало, таща в центре округлившееся пузо. Упав на выровненную каменистую площадку, монстр начал быстро темнеть и съеживаться, превращаясь в комок травы. И в этот миг Лита вдруг отчетливо осознала, что у нее появился редкий шанс попытаться убить монстра. Именно сейчас, когда он еще не постиг, что сожрал пустышку, и тщетно пытается ее переварить.

С этого мгновения она отбросила всякие сомнения и действовала уверенно и решительно, всю силу и умение вложив в выполнение рискованного замысла. Стремительно метнулась к груде скалистых обломков, подхватила камень, который не подняли бы и трое мужчин, и со всей вскипевшей в душе яростью обрушила на пузо монстра.

Чтобы тут же отскочить подальше и взлететь на самый верхний из кучки валунов. С этого места открывался прекрасный обзор, и это было бы замечательно, если бы Литу не волновало закономерное подозрение – а не станет ли теперь она сама прекрасной мишенью для монстров? Ведь как-то же заметил ее этот ложный кустик?

Девушка бдительно изучила все окрестные кусты, пытаясь рассмотреть зловещее сияние, но ничего похожего пока не обнаружила. Зато отметила, что аура, выбивавшаяся из-под брошенного ею камня, стремительно бледнеет. «Значит, он издох», – сделала вывод Лита, но подходить ближе и не подумала. Мало ли в мире существ, которые могут нанести человеку смертельный вред даже после своей гибели. Еще раз оглядев кусты и валуны, ведунья

переступила босыми ногами по согретой поверхности камня и решилась опуститься на него, но с таким расчетом, чтобы можно было в любой момент вскочить и ринуться прочь.

Сквозь нагретую солнцем поверхность камня очень скоро начал проступать глубинный холод, и девушке пришлось пересесть. И когда она опускалась на валун в другом месте, ее взгляд, бдительно обшаривающий окрестности, совершенно случайно выхватил в небе быстро приближающуюся светлую точку. Чижик и сама не сразу поняла, почему резко шлепнулась на камень, сползла на нижний валун и замерла, вжавшись в щель. Скорее всего, она интуитивно опасалась, что это может оказаться кто-то незнакомый. К тому же припомнила в каком настроении маг носился по стоянке, собирая вещи. Вряд ли он подобрел после того, как полтора часа заведомо бессмысленно обыскивал кусты, завалы камней и валежника.

Надвинув пониже свой спасительный венчик, Лита пристально следила за приближением крылета Грозвена. А это был он, вскоре не осталось никаких сомнений. Но почему-то маг не рыскал над берегом, проверяя укромные местечки, а неслась напрямик к раздавленному камнем монстру.

Прикусив губу, ведунья тайком смотрела, как чудесный крылет завис чуть в сторонке от осколка скалы, как ее похититель молча, все мрачней, изучал торчащие из-под него поблекшие плети и клочок юбки. И когда он, потеряв ладонями лицо и горько усмехнувшись, махнул рукой, сжигая в яростном огне все, что осталось от монстра, Лита вдруг очень четко осознала, как поступит маг в следующий момент. Захлопнет крышку и умчится в неизвестность, вычеркнув ее из числа живых.

– Нет! – Подсознание и инстинкт самосохранения сработали прежде, чем ведунья приняла осознанное решение, подняли ее с камня и бросили к крылету. – Не улетай! Грозвен! Остановись!

Крылет продолжал разворачиваться в ту сторону, откуда прилетел всего пару минут назад, и казалось, маг не замечает отчаянно махающей руками фигурки в мужских штанах и несурзной блузке.

Однако он все заметил. И в первое мгновение обомлел, не поверив своим глазам. Сразу вспыхнуло подозрение, что мутация снова сделала скачок, позволив хамелеонам копировать жертв. Но тут же облегченно выдохнул: что-то, а человеческую речь, тем более связную, они никогда не осилит. И все же не стал сразу сажать ковер – наоборот, поднял его повыше и только тогда остановил движение. Несколько секунд сидел неподвижно, выравнивая дыхание и умиряя в душе жгучее желание рассказать этой малолетней сумасбродке все, что думает про ее умственные способности.

Вовсе не сразу, но магистр сумел перебороть в себе дикаря, решающего все проблемы простейшим способом – дубинкой и веревкой. Выдохнув в последний раз, приоткрыл крышку и неспешно окинул девчонку самым презрительным из своих взглядов.

– Что у тебя на голове? Кусок мута?

– Что такое «мут»? – Она мгновенно оценила его взгляд, сухость и язвительность тона и тут же подняла все колючки. – И на каком это языке?

– Мутант, – ругая себя за прорвавшееся раздражение, вздохнув, буркнул Грозвен. – Выброси эту дрянь.

– Это моя шляпа от солнца, – заупрямилась ведунья. – И она еще может пригодиться мне в пути.

– Разве ты не затем позвала меня, чтобы лететь со мной на ковре?

– Ошиблась. Снова. Похоже, лететь с тобой будет еще одной ошибкой, самой большой.

Грозвен скрипнул зубами, понимая, что опять сам во всем виноват. Нельзя так обращаться со свобододолюбивыми ведуньями, даже если они совершают непростительно глупые поступки.

– А ходить тут в одиночку – еще большая ошибка. Каждая птичка, которую ты захочешь поймать на обед, может оказаться мутном, а после выхода из ущелья вообще не будет ни воды, ни еды, – примирительно произнес маг, подгоняя ковер к ее ногам. – Садись, мы потеряли много времени.

Чижик помедлила несколько секунд и с откровенным вздохом полезла в крылет. Ничего не поделать, он во всем прав, но признавать это не было никакого желания.

И лететь с ним никуда не хотелось просто до отвращения. Там где-то остались Дилли, Леар, король... и Ланс. И все они сейчас тревожатся за нее, Лита это точно знала. И больше всего мечтала оказаться рядом с ними, помочь спасти магов и самозванных бастардов. Ну и вернуть отцу его трон. А придется отправляться совсем в другую сторону, уж определять это по солнцу она умела прекрасно.

– Как тебе удалось с ним справиться? – миролюбиво спросил Грозвен минут через пять, набрав высоту и свернув точно на юг, намереваясь пролететь над скалистым хребтом.

– Я же ведуня, – неохотно буркнула девчонка, явно не желая вступать с ним в переговоры.

– Мне все сразу стало понятно, – с досадой откликнулся маг и, внезапно обернувшись, укоризненно уставился на нее: – Извини, Лита, за похищение, но у меня просто не оставалось другого выхода. Объяснять свои беды целой толпе магов я не имел никакого права, и скоро ты поймешь почему. А времени уже очень мало, хотя поначалу я считал, что его более чем достаточно...

– Грозвен! – перебила его ведуня. – А разве тебе не нужно смотреть вперед? Мы не упадем?

– Ковер-везделет – это артефакт, которому достаточно задать направление. Потом можно спать, есть, читать... все что угодно.

– А поесть осталось? – В глазах девчонки зажегся живой интерес, и маг понимающе улыбнулся.

– Корзинка у тебя под сиденьем, доставай и ешь. К обеду сядем неподалеку от оазиса, я схожу за свежей едой. А пока хочу рассказать тебе свою историю и не буду даже требовать клятвы о неразглашении.

– Почему? – Оторвавшись от куска пирога, Лита вопросительно приподняла бровь. – Полагаешь, мне не поверят?

– Нет, так я не думаю. Я считаю тебя умнее обычных девушек и верю, что ты поймешь, как важно не натравить на нас новые орды искателей чужих богатств.

– А есть что искать?

– Сама увидишь. Но сначала немного истории. Что ты слышала про Файханоль?

– Ну надо же! – фыркнула Чижик, прожевав кусок копченого мяса. – Только недавно вспоминала, когда этот кустик невесть откуда выполз. И оказался дэвом.

– Мутот, – поправил Грозвен. – Дэвы имеют разум, хоть и примитивный, но изворотливый. А муты – просто паразиты, существующие за счет чужой жизни. Они боятся огня и не имеют другой магии, кроме передвижения и поглощения. В предках у них хищные растения, сумевшие оторваться от земли и стать ловцами мелкой живности. Самые крупные могут задушить даже козу или слабого человека, если у него нет оружия или огненного амулета.

– У меня есть оружие, – неохотно показала Лита свой нож, – но пробовать его зарезать я не решилась. Непонятно, где там голова, где сердце.

– А как ты его вообще заметила? – небрежно осведомился Грозвен и замер, изо всех сил стараясь не выдать своего волнения.

От ответа девчонки на этот вопрос зависело очень многое... да что уж там – абсолютно все!

– Увидела, – хмуро усмехнулась Чижик, но сытость и явное стремление похитителя договориться по-хорошему сделали ее добрее и покладистее. – Видим мы вашу энергию. И он тоже сиял, хотя стоял на солнце. Но когда натренируешься, это сразу замечаешь. А я ушла к реке руки помыть... Оглянулась – перед моим шалашиком кустик стоит волшебный...

– Значит, видишь! – Грозвен не мог скрыть своей радости. – Следовательно, и у нее увидишь.

– У кого? – насторожилась ведуня.

– У Исмиль, дочка моей. – Теперь мужчина смотрел на нее с такой надеждой, с какой глядят на лекарей только родичи тяжелобольных.

У Литы вмиг потяжелело на душе. Не любила она подобных, полных мольбы и отчаяния, взглядов.

– Ведуньи – не лекари, – тихо пояснила она. – Ты не знал?

– Знал. Но лекарь и не нужен, Исми здорова. А вот магия пропала. Она совсем маленькая, всего пятый год, и только начала учиться пользоваться своими способностями, как совершенно случайно создала слишком мощный смерч. Он подхватил ее и пару минут таскал, пока старшие не остановили. Синяки ей вылечили... в нашем роду все маги. А способность у нее пропала – от страха. Самые сильные магистры смотрели – исчезла, словно и не было.

– Но Грозвен... – Юная ведунья растерянно смотрела на его искаженное болью лицо и все отчетливее осознавала, что чего-то недопонимает. Или он еще не все рассказал. – А чем помогу ей я? И в крайнем случае – живут же люди без магии, и они вполне счастливы и успешны.

– Живут, – обреченно кивнул мужчина, и горькие складки легли возле рта, делая его вдвое старше. – Но мы все – маги. Понимаешь – ВСЕ. И потому живем втрое-вчетверо дольше неодаренных людей. Как нам жить ближайшие сто лет, наблюдая, как стареет и угасает наша единственная дочь? Мы ведь ни за что не решимся родить второго ребенка, чтобы Исми не чувствовала разницы. Но и это не все. На ней никто не захочет жениться, ее вообще женихи будут обходить десятой дорогой, чтобы случайно не полюбить. Никто не пожелает соединить судьбу с прелестной женщиной, а потом много лет смотреть на немощную старушку. Нет, мужчины у нас не жестоки, но это ведь пытка хуже халгирской, и добровольно на нее не согласится даже безумец.

– Я все поняла. – Лита отложила сразу ставший безвкусным кусок. – Но с чего вы решили, будто ведунья вам поможет? Как вообще о нас узнали, если живете в каком-то затерянном городе?

– Да, мы действительно прячем свой город, – неожиданно улыбнулся маг. – Но вовсе не прячемся сами. И не отказываемся от новостей. Наоборот, стремимся все и обо всех знать. Как говорят, кто знает истину, тому везет.

– У нас говорят: кто предупрежден, тот и вооружен.

– По сути, это одно и то же. А помощь нам нужна только в определении, остались у нее способности или нет. Мы ведь не видим слабых аур, и наши артефакты ничего не показывают. Но моя жена продолжает верить, что способности дочки не выгорели дотла, и два месяца назад я поклялся ей к исходу этой луны привести в дом ведунью.

– Ты ищешь нас два месяца? – подозрительно прищурилась Лита. – И нашел только теперь? А мне показалось, что возможности у тебя намного больше, чем у магов ковена.

– Не показалось, но ищу я гораздо дольше, – снова помрачнел магистр. – Сначала нанял наемников из Кемина, но через три декады они категорически отказались и вернули аванс. И даже одной монеты за работу взять не захотели. Потом мне нашли ловких людей из Серанзии, эти деньги взяли и даже отчет написали, но поймать ведунью не сумели. Им даже поговорить не удалось. Через день после того, как они намекнули на выгодную работу, ведуньи бесследно исчезли из своего дома.

– Во Мшарье?

– Да, – хмуро признался маг. – Как я после выяснил, они не стали действовать сами, а кого-то наняли. Немного позже я получил сведения, что король Форандии тоже ищет ведунью, и даже решился нанять для этого халгирцев. Вот тогда я и отправился в Форандию, надеясь перехватить у него ведунью. Но, приехав, выяснил, что королей уже двое, и тот, который мне нужен, прячется в недоступном месте. А халгирцы ищут не столько ведунь, сколько возможность занять трон или сразу два. Посадить наместников и заставить доить золотое молоко. Пришлось пробраться во дворец и вмешаться в их игру, потому что аппетиты шаманов мне давно известны, и позволить им получить желаемое я просто не мог. Разумеется, я не просто оберегал пойманных ими одаренных и подслушивал планы Дейса. Нет, я всеми силами старался ускорить развязку этой истории. Выяснив, что одна из женщин Эршеля была ведуньей, подбросил шуту идею собрать бастардов, надеясь, что эта новость скорее всего выманит короля из его логова.

– А ты понимаешь, – не выдержала Лита, – сколько унижений и боли вытерпели по твоей вине прибывшие во дворец родственники и сами бастарды?

– Бастардов никто не обижал, – резко возразил Грозвен. – Я сам там жил и следил за этим. Кормили, поили, не били и не ругали. Развлечений не устраивали, но они и сами могли бы о себе позаботиться. Молодые, здоровые, там гостиная была, инструменты, игры. Ну а в бедах сопровождавших виновны они сами. Никто из них ведь не верил собственным словам, лгали и королю, и всем прочим безо всякого зазрения совести. А за такое нужно наказывать, ложь – это большое зло.

– Вот теперь мне многое становится понятнее, – задумалась Лита. – И все же зря ты тащишь меня. Надо было самому добраться до нашей матери. Ясвена вырастила не один десяток детей, и никто лучше нее не может обнаружить скрытые способности, избавить ребенка от стойких страхов и вернуть ему веру в себя.

– Спасибо за совет, – очень серьезно поблагодарил маг. – Он дает мне надежду. Если у тебя ничего не получится, я пойду к ней. Надеюсь, ты подскажешь, как ее найти?

– А это весь Брагод знает, – развеселилась ведунья. – После того как Дилли вышла замуж за Тровенга, она отдала свой дом сиротам, и мать теперь там хозяйка.

– А вот эта новость до меня еще не дошла, – с досадой пробормотал Грозвен. – Так вторая ведунья – жена тайного советника?

– Регента, – с удовольствием поправила Чижики, ничуть не переживая, что первая открывает ему эти сведения.

Раз он следит из своего запряженного в песках логова за всеми странами и правителями, значит, держит там тайных шпионов. И очень скоро получит от них подробности. В таком случае ей выгоднее опередить эти вести, чтобы вернуть себе так неудачно утраченное доверие. Интуиция подсказывала, что сбежать из секретного убежища пустынных магов будет намного труднее, чем туда попасть.

– Регент? – предсказуемо изумился маг. – Как странно шутит иногда судьба! Вот такого поступка я от него никак не ожидал. Следовательно, твоя сестра... ведь она тебе сестра? – сделала очень выгодную партию.

– Дилли мне сестра по отцу, – спокойно подтвердила Лита. – Но замуж она вышла не по расчету, а случайно. Далеко еще до твоего оазиса? Я могу рассказать эту историю.

– Рассказывай, – смерив ее пронизательным взором, согласился Грозвен. – Времени достаточно.

По этому взгляду и по снисходительности, проскользнувшей в его тоне, внимательной ведунье стало предельно ясно, насколько непросто ее спутник. И как обманчивы его внешность и манера общения. Непривычная ему манера, наигранная. Но иногда мелькнет что-то, совершенно не вписывающееся в этот облик, чуждое настолько, что просто мороз по коже. Сразу становится жутковато, и невольно чувствуешь себя махонькой мышкой, которой играет хитрый, заматеревший кот. И сейчас этот кот наверняка считает, что раскусил ее намерение подкупить его чужой тайной. И он почти прав, но ее задача – сделать все, чтобы это мнение изменилось.

– Ладно, – помолчав, вздохнула ведунья. – Расскажу, раз пообещала, хотя официальные сведения ты и так скоро узнаешь, а о некоторых тайнах доложат нанятые тобой шаманы. Но даже они не смогут объяснить, почему вдруг события пошли вовсе не так, как было ими задумано, хотя они сделали все верно. С их точки зрения. Все знают только Дилли и Гард, они к тому моменту уже были женаты. А началось все значительно раньше, но я сейчас все не собираюсь хвастаться своей осведомленностью. Мне хочется, чтобы ты уяснил, на что способны ведуньи ради пациентов, и на какие поступки они не согласятся даже под страхом смерти.

– Я понял, – серьезно кивнул маг.

– Хорошо. В тот момент Дилли пряталась от княжеского тайного сыска. Родственники умершего клиента обвинили ее в мошенничестве и требовали пересмотра завещания...

Восемнадцатое светозарня

Айканир, королевский замок

Дилли

Официальный королевский завтрак оказался далеко не таким обыденным мероприятием, как просто предполагала Дилли.

Торжественность и важность момента ведунья ощутила, едва выйдя из своих покоев под руку с мужем. Залы и галереи, которыми они проходили, сияли чистотой, натертыми до блеска бра и ручками дверей, подавляли позолотой лепнины и массивных рам картин. А еще пьянили ароматом цветов, щедро расставленных везде, где только можно было втиснуть вазу. Судя по всему, с наведением лоска слугам помогали маги, иначе за несколько часов здесь не справилась бы даже армия.

– Мы никогда не будем устраивать таких приемов, – хмуро бормотал Тровенг, крепче прижимая к себе руку жены. – Я чувствую себя в этой великолепии селянкой, впервые попавшей в храм.

– Гости должны прочувствовать разницу между тем, что тут было при Дейсе, и тем, что есть при истинном короле, – иронично поведал встречавший их у лестницы Ланс.

Он был одет с иголочки и шутил, но под глазами лежали темные тени, а рот то и дело кривила скорбная усмешка.

– У нас есть пять минут до приема? – осведомилась Дилли, донельзя огорченная увиденным.

– Даже пятнадцать, – мрачно фыркнул маг. – Эршель желает, чтобы гости немного промариновались.

– Тогда давайте посидим в каком-нибудь укромном месте?

Ведунья еще не успела высказать желание, а муж уже вел ее к распахнутой двери на широкий балкон.

– Там прекрасный вид и удобные кресла, – пояснил он любимой свой выбор. – Я вчера видел. О чем ты хотела рассказать?

– Просто немного поговорить с вами о том маге, Грозвене. Мне он не показался таким же злодеем, как шаманы, и еще было в нем что-то... располагающее, – заявила Дилли, устраиваясь за столиком, на котором стояла ваза с фруктами.

Она изо всех сил старалась, чтобы ее голос звучал мягко, чуточку беспечно и в то же время уверенно. Лита не обрадуется, найдя по возвращении вместо жениха его почерневшую от горя тень.

– Жаль, я его не видел, – подсадовал Гард. – Зато изучил документы, оставленные им для Эршеля. И могу точно сказать – он намного старше парня, которого вы видели. В нем чувствуется опытный, властный интриган, привыкший решать самые сложные проблемы неожиданными способами. Например, этот ход с бастардами. Вам уже известно, что на допросе Дейс категорически отрекся от авторства этой затеи. Ему до сих пор непонятно, зачем они нужны были во дворце, да еще в таком количестве. И почему нельзя было проверять претендентов в ближайшем храме, он бы отдал королевский артефакт. На время, разумеется. Но объяснить, как он умудрился подписать такой указ, шут не сумел.

– Сильному магу ничего не стоит внушить неодаренному любую мысль, особенно если она не кажется тому откровенно неприятной, – мрачно проскрипел Ланс – любое упоминание о Грозвене ножом впивалось в его сердце.

– Вот как... – задумалась Дилли, вовсе не желавшая причинить другу боль, и сделала неожиданный вывод: – Но тогда получается, что жители Форандии должны ему в ноги кланяться за быстрое избавление от Бадейсана.

– Ты уверена? – осведомился Гард, хотя у него тоже мелькали подобные подозрения. – Ну, допустим, он всеми силами старался очернить действия шута, и без того не умеющего договариваться с народом и знатью. И все последние указы ощутимо подорвали авторитет Дейса, заставив даже противников Эршеля засомневаться в выгоде смены короля. Но такие методы свидетельствуют о его жестокосердии, ведь пострадали невинные.

– Но пострадавших не так много, как могло быть, если бы он не приструнил шаманов, – тихо

поправила Дилли. – Вы же видели, как они боялись невидимку. А родственники лжебастардов получили по заслугам, за жадность и нечестность. Никто их не заставлял придумывать королю несуществующих детей. Этим пройдохам вообще повезло, что он встретил нас и успел поменять свои взгляды, иначе они не уехали бы отсюда так просто.

– Ты хотела сказать – так быстро, – желчно ухмыльнулся Гард, припомнив вчерашний вечер.

Отмытым, накормленным и переодетым в найденные в королевских кладовых костюмы мошенникам сначала вернули их детей и племянников, а потом потребовали доказать истинность заявлений о родстве с королем. Четко и недвусмысленно пояснив, что всех, кто не сможет привести убедительных свидетельств и аргументов в пользу своих слов, признают злоумышленниками, сочинившими наглую ложь с целью опорочить доброе имя короля. И будут судить соответственно статье о подобных преступлениях. А пока судья читал, какие меры предусмотрены в законе за подобные деяния, мужчины бледнели и прятали взоры, а дамы рыдали навзрыд и падали в обморок.

Под конец все они стояли перед королем и его советниками на коленях, заливая слезами пол и умоляя простить ради детей и всего святого. И объясняя свои поступки странным наваждением.

А потом почти бегом бежали из дворца к подъездной дорожке, где уже ждали собранные по городу извозчики. О том, куда делись их собственные кареты и лошади, никто не спрашивал, хотя некоторым все же повезло. Часть их имущества вернули горожане, часть нашлась у родственников и знакомых. Но они были рады и тому, что ушли из дворца целыми и свободными. С королями шутки плохи.

– А о тех, в чьи поместья ворвались шаманы и егеря, вы не думаете? – угрюмо глянул Ланс.

– Думаем, – ответила сочувствующим взглядом ведунья. – Но они ведь знали, что творится в стране? И должны были понимать, что жить как прежде и отсидеться в уголке не удастся. Хотя большинство все же сообразили вовремя спрятаться в хорошо охраняемых замках и городах. А если ты имеешь в виду барона Трестьера, то пострадал он большей частью из-за нас, и Грозвен тут ни при чем. Но я хотела обратить ваше внимание на другое. В конце концов, все его действия ускорили возвращение Эршеля и мирной жизни. И значит, он все же совершил благое дело, несмотря на довольно спорные методы.

– Ты права, – поддержал жену Тровенг. – Сейчас трудно доказать, как много потеряли бы жители королевства, если бы события развернулись иначе, но я искренне убежден, что он привел страну к миру наиболее быстрым путем и этим, несомненно, уберег ее от кровопролития. А такое под силу только человеку с опытом правителя, умеющего видеть не частные случаи, а общую картину происходящего. Непонятно мне другое – почему он этим занимался, если ему нужна была ведунья?

– Я все время об этом думаю, – вздохнула Дилли. – И вспоминаю странные события, преследовавшие нас в княжестве. Боюсь, он ищет нас уже давно, месяца два, если не больше, и уже не раз потерпел неудачу. И раз не отказался от своего намерения, значит, ведунья нужна не просто так, а по очень важной причине. В таком случае он не причинит Лите никакого вреда и будет ее беречь. А договариваться она умеет, этому мать учит нас первым делом.

– Гард может назначить тебя главой дипломатов, – хмуро пошутил Ланс, помолчал и произнес, скользнув по друзьям горьким взглядом: – И я очень благодарен за попытку меня успокоить. Я тоже надеюсь на умение Чижика выживать, на удачу, на всех богов всех миров, но не могу не думать о том, где она и вернется ли... А виню во всем только себя. Нужно было послушать Литу, сейчас на ней был бы мой браслет, и я бы точно знал, куда идти ее спасать.

– Ты меня не услышал, – огорчилась Дилли. – Спасать ее не нужно. Пока. Сейчас надо просто ждать.

– Сколько?!

– Не знаю, но не меньше декады точно. За это время она найдет способ передать нам знак.

– Пора идти на завтрак, – завершил разговор Тровенг, поднимаясь. Но уже подав жене руку и ведя ее к дверям, вдруг добавил: – А у меня тоже есть план. И если через декаду от нее не будет знака, я расскажу о нем Эршелю.

Однако король ждать не захотел.

Собрал всех недавних спутников в кабинете сразу же после завтрака, длившегося почти два часа. Эта особая трапеза стала для гостей невиданным водопадом открытий, наград, званий и должностей, так как приглашены были лишь те, кто в тяжелые для короля дни остался ему верен и не ринулся искать благосклонности бывшего шута. Теперь Дейс был послушником монастыря суровых братьев Инголин, зарабатывающих на пропитание простым физическим трудом и бесплатно помогающих всем бедным, больным и старым жителям ближних поселений.

– Пусть его шутки скрасят им существование, – пошутил Эршель, объявив свое решение. – Должен же он сделать в этой жизни хоть что-то доброе.

Но глаза короля сверкнули настолько зловеще, что никто из гостей не отважился посмеяться вместе с его величеством.

Расположенный на третьем этаже королевского крыла кабинет оказался очень просто обставленным залом с просторным эркером. Из его высоких окон открывался захватывающий вид на пышные кроны сада и на бескрайнее небо, но полюбоваться им вдоволь Эршель никому не дал. Хмуро проследив, как новые друзья устраиваются в удобных креслах за круглым столом, без предисловий предложил поделиться планами по спасению Данлиты.

Но они дружно промолчали, ожидая его пояснений. Непонятливых среди присутствующих не было, все сразу осознали: если король задает подобный вопрос – значит, сам он уже что-то придумал. Вот и пусть откроет свои замыслы, а они постараются оценить все достоинства и найти все ошибки или недоработки.

– У вас нет планов? – начиная закипать, приторно-любезным тоном осведомился Эршель и, не сдержавшись, грозно свел брови.

– Есть, – мягко улыбнулась Дилли, одним взглядом обезоруживая отца, – как не быть. Но у тебя возможностей неизмеримо больше, поэтому тебе и начинать.

– Я бы поспорил насчет возможностей, – еще сердито проворчал король, но брови уже вернулись в обычное положение, а на губах проступила усталая улыбка. – Но раз вы так считаете... Мне пришло в голову, что найти одну ведунью может другая ведунья, более опытная. И я вызвал Ясвену.

– Что ты сделал? – опешила Дилли, глянула на хмурившегося Леара и тотчас разгадала, кто ему помог. – Вот как! Ты воспользовался откровенностью сына и заставил отправить матери весточку через его друзей. А не подумал, что она может счесть это предательством?

– Я сам ей обо всем написал, – чуточку виновато объяснил сестре Леар. – Еще вечером. Мать имеет право все знать. И поступать так, как найдет нужным.

– И ты не догадывался, какой вариант она выберет? – одарив его укоризненным взглядом, съязвила Дилли. – Ставлю медяк на тысячу золотых, что через полчаса после получения этого послания мать уже сидела в дилижансе.

– В крылете, – скромно улыбнувшись, поправил Звен. – Я тоже отправил вестника своим собратьям. Не подобает вашей матери трястись в дилижансе с малыми детьми.

– С какими... детьми? – Вот теперь оторопел король, вовсе не ожидавший такого поворота. – Откуда у нее малые дети?

– Наша мать – еще очень привлекательная и обаятельная женщина, – мгновенно отомстила отцу за его секретные манипуляции матерью Дилли. – А ты можешь не сверкать так глазами, это сироты, взятые в храмовом приюте. Но они считают Ясвену матерью и пока слишком малы, чтобы безболезненно перенести разлуку с ней. Это только взрослым людям кажется, будто годовалому ребенку все равно, с кем рядом спать и есть. Ничего подобного. Они чувствуют тепло матери, помнят и любят ее голос, прикосновения. Потеряв даже на день, ощущают себя брошенными и преданными. Это чувство закладывает в их памяти первый маленький кусочек обиды, который останется на всю жизнь. И чем больше будет таких потерь, тем ранимее и уязвимее вырастет человек.

– Я и не предполагал, – тяжело выдавил Эршель и искоса глянул на спокойного Леарона: – А ты?

– Конечно, знал, – невозмутимо произнес тот. – И не сомневался, что мать возьмет их с собой, если решит приехать сюда.

– Прилететь, – уточнил король и встрепнулся: – Надо предупредить дворецкого! Пусть поставят в ее покоях детские кровати и найдут опытных нянек.

– Нянек не нужно, – отказалась Дилли. – Мать все равно не доверит детей чужим людям. Я сама ей помогу. Да и Леар прекрасно умеет обращаться с малышами. Они же пока чаще спят, чем гуляют, как все здоровые дети.

– Только я их даже близко никогда не видел, – невпопад обронил король и на целую минуту отвернулся к распахнутому в небо окну.

Дилли очень сомневалась, что он видит плывущие там облака, но молчала, как и все остальные. А что можно сказать человеку, всю жизнь считавшему себя умным и проницательным, но наивно позволившему спесивым приживалкам изуродовать себе судьбу никчемными нравоучениями?

Девятнадцатое светозарня

Полуостров Халгир, пустыня Кинз-Хао

Лита

Оазис появился на горизонте часа через два после полудня. Чижику об этом сказал Грозвен, обернувшийся от переднего оконца. Не такого, как в крылетах магов, там можно было видеть только часть открывающейся картины, и ту в большей степени загораживало место погонщика. А при полете к городу добавлялись махавшие крыльями кархи.

Здесь прозрачный щит, заменяющий стекло, был намного шире, и пока под крылетом тянулись холмы, рощи и речки, Лита старалась рассмотреть как можно больше. Возможно, обратный путь ей придется проделать пешком. Но перед обедом густая зелень вдруг закончилась, будто отрезанная. Сразу за невысоким каменистым выступом, как стеной отгородившим живописную и плодородную часть полуострова, начинались бесконечные рыжие барханы пустыни Кинз-Хао. Не совсем бесплодной, какая-то чахлая растительность карабкалась по склонам и измученно желтела в ложбинках, но чем дальше удалялся от раздела крылет, тем меньше ее становилось. А потом и вовсе исчезла, и теперь зеленая точка на горизонте казалась невозможным чудом, надеждой на спасение, как маяк в штормовом море.

– Придется сесть в сторонке, – сообщил Грозвен, когда точка распалась на несколько крохотных пока деревьев. – В таком виде тебя владельцу оазиса лучше не показывать.

– Ты, такой всемогущий, боишься какого-то чайханщика? – недоверчиво фыркнула девчонка. – Кто же он тогда такой?

– Один из наемников, – нехотя буркнул маг. – Ты ведь уже поняла, что новости из большого мира приходят к нам не сами? И первыми их приносят такие вот хозяева оазисов. Не бесплатно, конечно, мы защищаем их от всепоглощающих ураганов и пустынных разбойников. Но нетрудно догадаться, что люди, привыкшие продавать сведения одной стороне, так же запросто продадут и другой. Поэтому я посажу ковер поодаль и прикрою невидимостью, но сначала хочу спросить, не будет ли это для тебя невыносимым?

– Не знаю, – буркнула Лита, сразу осознав, что это очередная проверка. Попытка выяснить, на самом ли деле ведуньи совсем не переносят магию. – Ты же сам видишь, я лечу в твоём ковре и не выпрыгиваю. Просто чувствую тепло. А вот разные амулеты слишком горячи, долго не вытерпеть. Но под отводом глаз меня недавно водили, это почти не ощущалось.

– Значит, поставлю полог подалее от тебя, – решил маг. – Но Лита, очень прошу, не выходи за его пределы. В нем еще и защита, а тут полно ядовитых змей и ящериц. Все-таки близость оазиса сказывается.

– А если мне понадобится... погулять? – насупилась девушка.

– Все это у тебя будет, – пообещал маг, опуская ковер на раскаленный песок.

И тут же взметнулись вокруг переливающиеся стены неосязаемого шатра, проросла густым ковром мягкая травка, забил посреди нее тоненький, как лучик, фонтанчик и сгустился у

дальней стены туманный силуэт небольшого строения, куда Лита и направилась первым делом. Попутно размышляя, не слишком ли много сказала ушлому магу и не зря ли не попыталась попасть в оазис? Раз Грозвен намекнул на возможную продажность его владельца, может, стоило попробовать передать Дилли весточку?

И тут же вдруг сообразила, что это была не проверка ее совместимости с магией, отнюдь. Грозвен проверял, не оставила ли ведунья попыток сбежать и не захочет ли тайком договориться с продажным чайханщиком. Ха-ха. Очень смешно. И как ей сразу в голову не пришло, что тех, кого всего лишь заподозрят в желании продать своих могущественных покровителей, засыплет очередным самумом, и все они, как люди опытные и ушлые, прекрасно это понимают. И первыми помчатся доносить на чужачку мага, едва она намекнет, что нуждается в помощи. Тем более никто не поверит, что Чижики – не наглая лгунья, если она посулит солидную награду. Откуда юной оборванке взять такие деньги, когда по всему видно, что у нее в карманах и медяка не завалилось?

Ванная оказалась просто кукольно-маленькой, но невероятно удобной. В узком настенном шкафчике висело несколько светлых мужских рубашек и штанов, а на полочке лежало новенькое белье. Мужское, разумеется. И этого ведунье хватило, чтобы сделать мгновенный выбор.

Из ванной Чижики вышла веснушчатый босоногий мальчишкой в собственных дорожных штанах и в чужой великоватой рубахе. Задорно подмигнула солнышку и села под тенью широкого зонта на низкую скамейку.

– Невероятно, – бормотал, вернувшись с корзинкой, Грозвен, рассматривая незнакомого парнишку. – Глазам своим не верю. Вот теперь мне понятно, почему вас так трудно найти и невозможно поймать.

– Зато очень просто понять, что не все любят быть пойманными. Мы сильные, а сильным участь добычи противна на интуитивном уровне. – Пребывая в мужском обличье, Лита любила иногда огоршить собеседника неожиданным высказыванием.

Если бы подобная откровенность прозвучала из уст девушки, ее сочли бы пафосной, наигранной и, скорее всего, восприняли как шутку. А вот рассуждения парня заставляли относиться серьезно и отвечать уважительно.

– Прости, неудачно выразился. – Маг и в самом деле выглядел сконфуженным. – Я не ловил вас. Просто пытался поговорить, попросить...

– Но не пришел сам, а прислал тех, кто уже однажды заманил в ловушку и связал наших сестер, – не захотела принимать извинений Лита. – Ты и сам действовал ничуть не лучше.

– Я собирался поговорить, ты там была, не можешь отрицать! Это ваш магистр желал меня поймать и пытался отрезать от окна. Если бы он успел повесить на окно связку щитов, как они любят, мне поневоле пришлось бы или драться, или сжигать его щиты. Во всех случаях пострадали бы не только мы. А мне к тому моменту уже доложили, что ведуньи не переносят использования рядом с ними боевых заклинаний! – В голосе мага отчетливо звучала вера в свою правоту и неожиданная обида. – Поневоле пришлось бежать и брать тебя с собой.

– Я не упрекаю, – вздохнула ведунья, подвигая к себе корзинку и начиная выкладывать на столик еду. – Просто нужно чаще смотреть на вещи чужими глазами. «Встань на его место», – так постоянно говорит наша мать. И мы встаем. Вот только на наше место никто почему-то не торопится.

– Вы же сильные, слабым на вашем месте неудобно, – утешил ее Грозвен, садясь напротив. – А как тебя зовут в этом обличье? Он ведь неслучаен?

– Анли, – без раздумий отозвалась Чижики, приступая к еде. – Или Ан, мне все равно. У нас, как и у магов, есть обычай делать несколько запасных имен из законного.

Через полчаса свернувшийся в крылет старенький ковер снова нес их на юг, и сколько Лита ни смотрела, вокруг не мелькало ни деревца, ни хижины.

– До темноты будем на месте, – предупредил молчаливый Грозвен, когда солнце наполовину утонуло в желтом песке. – Ковер летит на пределе своих возможностей. Я послал жене весточку.

– Только не надейся, – встревожилась Лита, – что я все увижу и пойму в первую же минуту, как

только выйду из твоего ковра! Кстати, а крылет не развалится на полдороге от такой скорости? Нитки выглядели совсем истлевшими.

– Он не из простых нитей, – снисходительно усмехнулся в ответ маг, – а из усиленной особыми зельями и смолами горной пряжи. Это такой мягкий слоистый камень. Никакая нить не способна надолго удержать заклинание преобразования, и тем более – запас энергии. Для этого в ковер вплетено несколько сотен гранитных и сапфировых бисеринок. Но таких артефактов немного, и если я не ошибаюсь, у ковена онзирских магистров есть подобный.

– Возможно, – ведунья не собиралась выдавать ему Звена. – Но до недавнего времени они с нами не дружили. Я же рассказывала историю Дилли.

В ответ на эти слова Грозвен только втайне усмехнулся: сделанные им выводы противоречили утверждению девчонки. Слишком быстро команда магистров и ведуний добралась до столицы от замка барона Трестьера. Значит, ехали они вовсе не на обычных лошадях и даже не на стравах. Но обвинять Литу во лжи он не собирался, она могла не знать, с помощью чего так быстро попала в Айканир. Наоборот, поставил ей в заслугу уважение чужих тайн. Из таких мелочей и соберется чуть позже основание для решения, которое ему обязательно придется принимать. Как поступить с побывавшей в Файханоль иноземкой, отпустить или удержать навсегда?

Не цепями, разумеется, и не магией. Разве и без них мало способов?

Девятнадцатое светозарня

Файханоль

Лита

Крылет начал снижение, когда от прошедшего дня на горизонте осталась лишь светлая полоска да редкие купы застывших высоко в небе багряных облаков. Ведунья ждала этого момента и подготовилась как могла. Усилила все чувства – слух, зрение, обоняние, и не спускала взгляда с расстилающейся под куцыми крыльями череды барханов. Если тут и в самом деле спрятан город, не может не быть соответствующих признаков. Звуков, запахов, пыли, дыма... да хоть чего-то. Ну а если маги умеют скрывать все это магическими щитами, то будут сами щиты. А их ведуньи прекрасно видят. И ощущают, проходя сквозь них.

Но быстро приближающийся песок был таким же, как и везде. Рыжим, чуть поблескивающим в багровых отсветах угасающего заката и текучим. Вот он совсем рядом, Литу обдало накопленным за день жаром... и вдруг стало прохладно и как-то пасмурно.словно закат погас не медленно, как ему полагается, а разом.

И почти сразу появились запахи и звуки.

Много звуков. Голоса, смех, музыка, постукивание ножей и звон бокалов, скрип стульев и шорох ткани. И море ароматов, от нежнейших цветочных и фруктовых до аппетитных запахов всевозможных блюд и десертов.

«Ну да, время ужина», – сообразила Лита, возвращая себе обычный уровень чувств. Иначе слюной изойдешь, пока доберешься до стола. Но эта мысль была лишь мимолетной, все внимание девушка сосредоточила на открывшейся ей картине. Крылет медленно летел мимо неизвестно откуда появившихся холмов, густо заросших всевозможной зеленью. Ягодными и цветущими кустами, деревьями и овощами. Казалось, ведунья попала во владения сказочных эльфов. Ягоды, яблоки, виноград, апельсины и груши, плоды разных форм и цветов свисали с ветвей и лиан, выглядывали из листвы и ботвы. Они приковывали взор и завораживали, и Лита не сразу рассмотрела разлившуюся между холмами воду.

Целое озерцо или сеть каналов, в сгущающейся темноте трудно было понять, но хорошенькие мостики и лодочки виднелись очень четко.

Все это сельское великолепие манило, соблазняя прикоснуться ладонями к стволам и ветвям, вдохнуть аромат цветов, откусить румяный бочок груши или яблока... Останавливало лишь зыбкое подозрение, что все это лишь мираж, обман зрения.

Тут должны находиться белоснежные дворцы с огромными хрустальными окнами и

золочеными шпильями, висячие сады, широкие улицы и выложенные разноцветным мрамором площади, фонтаны и ажурные беседки вокруг них. Где все это? Или это не легендарная древняя страна Файханоль, а только поселок, носящий ее волшебное имя? Или столица находится в другом месте, а Литу привезли в деревню, выращивающую для магов зелень?

– Ну вот мы и дома, – произнес Грозвен с облегчением, и ковер опустился на лужайку у подножия холма.

А едва девушка шагнула из крылета на траву, он исчез, превратившись в потертую тряпку. Маг сунул ее в корзину, которую держал в руках, перекинул через плечо ремень дорожной сумки и торопливо направился к холму. «Еще бы! – фыркнула про себя Лита. – Столько времени семью не видел!» Ну и где они живут, в норе, что ли?

Но тут под холмом вдруг вспыхнул свет, и Чижик потрясенно замерла, разглядывая открывшуюся картину. То, что она до этой секунды считала холмом, на самом деле было домом. Большим и очень необычным.

Прямо перед ними приветливо распахнулась широкая дверь, а в обе стороны от нее уходила череда высоких, ярко освещенных окон, задрапированных свисающими с необычной крыши ветвями, цветущими лианами и ягодными лозами.

– Анли, ты где? – оглянулся на нее уже шагнувший внутрь маг. – Иди за мной.

И она пошла, а куда деваться? Не спать же на улице, тут, по слухам, ночами дикая холодина. Но в дом входила неторопливо, стараясь разом окинуть все взглядом и запомнить. На всякий случай. А будет он или нет – решит судьба.

Вот теперь Лите поверилось, что это все же Файханоль. Полы и колонны из белого мрамора, на потолке – хрустальные магические светильники, стены отделаны светлыми резными панелями. А посреди просторного зала светятся янтарем ступени широкой лестницы с ажурными перилами, ведущие вверх и вниз.

– Венд! – легкой птицей слетела по ним стройная синеглазая шатенка, замерла в объятиях мага, отбросившего на пол свое скудное имущество, чтобы ее поймать.

– Сень, – нежно шептал ей в волосы Грозвен, и Лита поспешила отвести от них взор.

Развернулась и побрела вдоль окон, закрытых синеватым хрусталем, рассматривая ажурную кленовую мебель, картины и узоры светлых ковров. И вскоре добралась до дверей, откуда доносился ни с чем не сравнимый букет запахов. Только кухня могла пахнуть одновременно острыми приправами, жареным мясом, ванилью и корицей.

– Анли! – остановил ее оклик хозяина. – Познакомься, это моя жена Мальсена.

– Можно просто Сень, – приветливо улыбалась магиня, но в ее синих глазах притаились недоверие и холодок. – Венд сказал, ты ведунья...

Она запнулась, только теперь рассмотрев облик госты, и вопросительно глянула на мужа.

– Она выглядит так, как считает удобным, – беспечно пожал он плечами и добавил с нажимом: – Но нам нужно перекусить и отдохнуть, о делах поговорим утром. Идем, Анли, я покажу твою комнату.

А впустив девушку в огромную, по мнению Литы, спальню, закрыл за собой дверь щитом и строго предупредил:

– Что бы ты ни увидела и какие бы выводы ни сделала – сначала расскажешь мне. Я сам решу, нужно ли ей это знать.

– Так я и подозревала, – печально кивнула своему отражению в овальном зеркале Лита, – что он властный деспот. И вот подтверждение.

– Можешь хоть самодуром называть, – ухмыльнулся маг, – я стерплю. А теперь скажи, тебе принести мужскую одежду или все же наденешь женское платье?

– Сначала мужскую, – не задумываясь выбрала ведунья. – Потом, как осмотрюсь, будет видно.

– Мне нравится, как ты подходишь к проблеме, – насмешливо заметил Грозвен и ушел, сняв щиты.

– Начинает наглеть, – пожаловалась отражению Лита и отправилась умываться и искать обувь.

А когда вышла из ванной, обнаружила разложенные на кресле рубашки и штаны разных цветов и из разных тканей. Обувь тоже была – легкие туфли из тех, какие носят дома и мужчины и женщины. А сверху лежала записка, что столовая через три двери слева.

– Вот это действительно нужное сообщение, – переодевшись стремительно, как гвардеец, сообщила девушка зеркалу и отправилась ужинать, в надежде хоть краем глаза увидеть маленькую пациентку.

Ведь не блюда же дегустировать она сюда ехала?

В столовой ярко сияли светильники и не было никого из хозяев. Лишь суежилась у стола немолодая халгирка в белом фартуке. Но магом она не была ни в коей мере.

«Стало быть, Грозвен солгал, у них тут все-таки есть неодаренные», – мгновенно отметила Лита. Ну и зачем ему это было нужно? Или женщина – все же маг?

Но выяснять прямо сейчас Чижик ничего не стала, помня, что еще не прошла всех проверок и каждый человек может оказаться ловушкой. К примеру, стремительно влетевший в столовую молодой красавчик. Белокурый и стройный, с белоснежной улыбкой и обворожительными серыми глазами в ореоле пушистых ресниц. Все остальное тоже было под стать, Чижик даже про Ланса на миг позабыла, изучая этот образец мужской красоты.

– Привет, Лян, – небрежно бросил он халгирке. – Что, мастер Венд вернулся?

Однако ответить служанка не успела – парень обнаружил Литу и уставился на нее бесцеремонным взглядом.

– А это что за чудо конопатое? – насмешливо приподнял бровь красавчик.

– А это что за чудо невоспитанное? – тотчас скопировала его тон ведунья.

– Эта – гость, – с акцентом объяснила Лян.

– Наверное, новый садовник, – свысока глянул на Литу не удосужившийся представиться незнакомец и отвернулся.

Судя по поведению, он приходился хозяевам дома родичем или близким другом. И обладал довольно неплохим даром, Лита отчетливо видела свет в том месте груди, где маги обычно держат личный запас энергии. Как именно – ведуньи не знали, но предполагали, что постепенно откладывают в одном месте крупницы металлов и солей, запирая их в подобие кокона.

– Не угадал, – ехидно сообщила Чижик и тоже отвернулась, не желая ничего объяснять.

– Неужели лодочник? Не может быть. У этого мальчишки просто силенок не хватит поднять весло! – вслух ядовито рассуждал красавчик.

– А у тебя хватит? – с интересом уставились на него зеленоватые глаза гостя. – Тогда сам и греби, не маленький.

– Ну ты и нахальный, малыш! – изумился явно разозлившийся маг. – И не боишься, что мастер тебя выгонит?

– Куда? – с таким простодушным любопытством взирал на него гость, что парень невольно растерялся и не смог сказать в ответ ничего остроумного.

А когда придумал, отвечать было поздно – в столовую вошли хозяин, старший страж Грозвенд, или мастер Венд, и его жена Мальсена. Для своих – Сень.

– С приездом, учитель, – расцветая радостной улыбкой, почтительно склонил голову красавчик. – Я так счастлив, что ты вернулся!

– Я тоже, – усмехнулся маг.

Теперь он выглядел чуточку старше и намного привлекательнее.

«Значит, ходил под искажением личины», – вмиг сообразила Лита. Ну и правильно, нечего смущать служанок и несчастных претенденток, им и без того бед хватило. А тут, видимо, все

создают себе такую внешность, какую захотят, для магов это нетрудно. Следовательно, красавчик считает себя выше по статусу, раз он сумел вылепить из своего лица прекрасный образ, а Лита – нет.

– Анли, вы познакомились? – учтиво осведомился Грозвенд. – Это Зарвел, мой ученик и племянник Мальсены. Мы зовем его просто Зар.

– А мне обязательно с ним знакомиться? – Вредный мальчишка поднял от тарелки делано несчастный взгляд и преувеличенно тяжело вздохнул.

– Нет, – чуть растерянно ответил хозяин и тут же нахмурился: – Он тебя обидел?

– Ему не понравилось мое лицо, – бесстыдно сдал Зара новичок.

– Ну, это его дело, – с укоризной глянул на ученика страж. – Тебе необязательно всем нравиться.

– Спасибо, – признательно склонил голову нахалюга. – А то я уж начал бояться...

– И зря. – Взор мага вмиг похолодел. – Мы подобными способами не действуем.

– Огромное спасибо! – Анли поклонилась еще почтительнее. – Ты снял камень с моей души.

– Извини, мастер, – не выдержал Зар, – но зачем вам такой наглый помощник? Отправь его домой, я знаю хороших, работающих ребят, которые будут счастливы тебе служить!

– Вот именно, – загадочно усмехнулся новенький, с вызовом глядя хозяину в глаза.

– Лучше я дам тебе декаду отдыха, – строго глянув на ученика, вмиг нашел выход Грозвенд. – У тебя давно не было каникул.

– О чем ты говоришь, Венд? – вступилась за племянника Сень. – Тебя не было всю весну, он и так занимается только повторением старого. Не отправляй его на каникулы, он помогает мне вместо Ансет.

– Хорошо, – нехотя сдался хозяин. – Посмотрю дня два.

– Спасибо, – побледнев, выдавил Зарвел. – Я, наверное, чего-то не понял или не знаю. Но обещаю, больше ни слова ему не скажу.

– На редкость мудрое решение, – не смолчала Лита.

– Благодарю за трапезу. – Ученик отложил вилку, поднялся из-за стола и, поклонившись сочувственно кривившей губы хозяйке, торопливо покинул столовую.

– Мне кажется... – Грозвенд покосился на ведунью, хладнокровно кромсавшую отбивную, посомневался и все же спросил: – Или ты и в самом деле злишь его нарочно?

– Не кажется, – невозмутимо сообщила ведунья.

– Но зачем?! – расстроено пробормотала Сень.

– Чтобы меньше крутился возле меня, – жестко глянула ведунья. – Пусть обижается где-нибудь подальше.

Двадцатое светозарня

Файханоль

Лита

За ночь Лита поняла, что такие большие комнаты ей абсолютно не нравятся. Особенно если в почти скрытые зеленью окна не заглядывают ни луна, ни звезды. В этом полумраке, едва разбавленном магическим ночником, она невольно чувствовала себя тоскливо и одиноко, как будто снова стала маленькой и все куда-то ушли, забыв позвать ее с собой.

Возможно, так действовала на нее магия, бывшая тут буквально во всем. Понемногу, неназойливо, но всюду. И больше всего Лита боялась к ней привыкнуть, перестать замечать, как не замечают ее сами маги. Как рыбы не чувствуют воды, считая ее такой же невидимой, как люди – воздух.

А может, именно этот страх и поднял ее спозаранку, но к тому времени, как светильники начали разгораться ярче, означая, что пора собираться в столовую, ведунья успела переделать массу дел. Сначала с удовольствием выкупалась в огромной, по ее мнению, ванне, оделась, спокойно обдумав каждую вещицу, и причесалась. И если вчера вечером ее короткие, всего по плечи, волосы были нарочно взбиты и спутаны, наполовину закрывая глаза, то сегодня Лита гладко зачесала их назад, открывая высокий чистый лоб. Так, как носила свою тяжелую косу Сень.

Хотя у детей и взрослых разное понимание красоты, и неизвестно, как относится к лохматым людям маленькая девочка, но лучше постараться сразу вызвать у нее доверие. А кому дети доверяют больше, чем любящей матери?

И именно поэтому Лита надела женское платье, тоже чем-то схожее со вчерашним нарядом хозяйки. Бледно-чайного оттенка, с коротким рукавом и свободного кроя. Слишком свободного, по меркам Чижики, зато длиной всего по щиколотку. Она сама ровненько отрезала, не желая путаться в подоле.

А выйдя из своей комнаты, вдруг решила проверить, собрались ли хозяева на завтрак и не появились ли новые родственники. Привычно усилила слух и замерла, ловя каждый звук и шорох.

Где-то лилась вода, звенели раскладываемые по столу приборы, мягко шелестела ткань платьев или рубаш...

– Скажи ей, – с чувством выдохнула женщина, несомненно, Сень, – я отдам свою шкатулку с драгоценностями, только пусть поторопится! Уртиз говорит, с каждым днем все меньше шансов вернуть резерв на место.

– С каких пор Уртиз стал у нас главным знатоком магических аномалий? – тотчас холодно осведомился Грозвенд, и Лита отчетливо представила, как в едком изумлении поднимается его бровь. – Я ведь просил тебя ничего не предпринимать и ни с кем не советоваться. Тебе нравится ковырять свою рану?

– Не сердись, Венд, – женский голос полнился виной и слезами, – но они же нам сочувствуют и хотели как лучше!

– Хотеть как лучше и сделать как лучше – это разные вещи, – сухо произнес страж. – Чем помог Исми совет Уртиза?

– Прости! – Его жена уже почти плакала. – Я надеялась...

– Так! – В голосе хозяина Лите слышались раскаты ближнего грома. – Значит, надеялась! Тогда объясняй, что вы с ней сделали?

– О Венд... – все-таки зарыдала Сень. – Ничего страшного! Она спала... просто попытались вызвать ее силу...

– Каким образом? – Раздавшийся грохот упавшего предмета ударил Литу по перепонкам, и она поспешила притупить слух.

Да и неинтересно ей, какими заклинаниями или ритуалами пытались вылечить кроху настырные маги. Важнее, что ничего у них не вышло. Следовательно, надежда и в самом деле только на нее. И с одной стороны, это неплохо, можно безбоязненно выдвигать свои условия. А с другой – и следить они будут за каждым шагом, и вот этого нужно избежать во что бы то ни стало.

Через минуту Лита невозмутимо вошла в столовую, учтиво поздоровалась с сидящими за столом хозяевами и села на свое место, тихо радуясь про себя, что ребенка и ученика тут пока нет.

– Доброе утро, Анли, – внимательно оглядев гостью, ответил на приветствие Грозвенд. – Как спала?

– Как в пустыне, – ответила она чистую правду и открыто глянула ему в глаза: – Я все

обдумала и приняла решение. Вы приставите меня к своей дочери гувернанткой и постараетесь не мелькать поблизости. Мне нужно ее доверие, иначе все твои усилия и подвиги будут напрасны.

- А на сколько... - заикнулась Сень и смолкла, уколовшись о взгляд мужа.

- Пока на декаду, - деловито объявила Лита. - Потом будет видно.

- Хорошо, - без раздумий постановил Грозвенд. - После завтрака я отведу тебя к Исми.

Его жена только несчастно кривила губы, словно собираясь заплакать, но Чижик давно уже не верила женским слезам. Точнее, далеко не всем из них. Рынок - хорошая школа жизни.

Комнаты Исмиль находились почти рядом со спальней Литы, только дальше от входа, и, разумеется, случайным совпадением это не было. Да и не могло быть у Грозвена никаких совпадений, уж это Лита хорошо осознала во время полета, складывая известные прежде факты с выяснившимися обстоятельствами. И в этот раз он тоже все предусмотрел - все, что зависело от него, само собой.

- Отец! - Маленькая темноглазая девочка, очень хорошенькая и очень похожая на Грозвена, бросилась к нему и тут же взлетела вверх на протянутых к ней руках.

Маг несколько раз подбросил смеющуюся дочь, потом поймал и нежно прижал к груди:

- Ты уже завтракала?

- Я не хочу, - сразу сникла она. - Мне не нравится каша с малиной.

- Мне тоже, - мгновенно сориентировалась Лита. - Я больше люблю разные пирожки. А ты?

- Мороженое, - безнадежно вздохнула малышка и мечтательно добавила: - С орешками и сухими вафлями.

- О! - восхищенно прикрыла глаза ведунья. - Какая вкуснота! Страж Венд, а у вас не найдется хотя бы пары вазочек такого лакомства? Я так хочу попробовать... мы с Исмиль.

- Попытаюсь добыть, - пообещал Грозвенд и, поставив дочку на ковер, серьезно сообщил ей: - Это Анлита, она будет твоей гувернанткой. Мне бы хотелось, чтобы ты с ней подружилась.

- Что такое... гу... гуви... - задумалась Исми, провожая взглядом торопливо вышедшего отца.

- Гувернантка, - помогла ей Лита, усаживаясь на низкий диванчик. - Это я. Я буду с тобой играть и гулять, обедать и ужинать, рассказывать тебе интересные истории и сказки. Еще я могу петь, танцевать и делать фокусы.

- Ты маг? - По детскому личику скользнула тень, вмиг делая его старше.

- Ни капли! - гордо отказалась Лита. - Я все умею делать своими собственными руками.

- Но немагов не бывает! - не поверила Исми.

- Тут, в Файханоль, не бывает, - подтвердила ведунья то, в чем вовсе не была уверена. - Но за широкой пустыней есть другие страны, и маги там, наоборот, очень редки. Все жители там такие, как я, и никто от этого не страдает.

- За пустыней?

- Да. Твой отец много дней преодолевал трудности, чтобы добраться до других людей, а потом долго искал меня. Ему хотелось, чтобы у его дочери была самая лучшая гувернантка на свете. А когда нашел - привез меня сюда. Можешь потрогать мою руку, я самая настоящая.

- Мой папа самый смелый, - поразмыслив над ее словами, заключил ребенок и осторожно коснулся пальчиком протянутой руки ведуньи. - А спать ты где будешь?

- Моя комната недалеко, но если тебе одной скучно, могу спать на этом диване.

- Мне не скучно... - Девочка оглянулась и с неожиданным доверием шепнула: - Мне ночью страшно.

- Тогда я буду спать рядом с твоей кроваткой, или можем ночевать у меня. Там такая огромная

кровать – я утром еле нашла край, – бодро пошутила Лита, гадая, что могло так напугать привычную к магическим щитам и прочим заклинаниям малышку.

– Разрешите? – проскользнула в комнату Лян с заставленным разноцветными вазочками подносом. – Вот ваше мороженое.

– Сколько мне можно? – с восторгом рассматривая это великолепие, шепотом осведомилась Исми.

– Сейчас я открою тебе очень важный секрет, – загадочно пообещала Лита, с заговорщицким видом оглядывая большую гостиную, служившую Исми игровой комнатой.

Всюду стояли и лежали разнообразные, но одинаково прекрасно выполненные игрушки: не важно, была ли это деревянная дудочка или кукольный дворец в два человеческих роста, занимавший целый угол.

– Ага! – Глазки малышки загорелись любопытством.

– Если соблюдать одно важное правило, мороженого можно съесть сколько угодно. Хотя целый день есть.

– Нам столько не дадут, – засомневалась девчушка.

– Я же тебе сказала – нужно точно выполнять правило. Важное. И тогда дадут, никуда не денутся.

– Я буду выполнять! – Исми нетерпеливо подвинула к себе вазочку. – Как?

– Очень просто. Мороженое нужно кушать так, чтобы было вкусно. Не спеши! Ответь сначала на три вопроса. Если ты разом этот шарик проглотишь, долго у тебя во рту сладко будет?

Думала Исми с минуту, по-отцовски сведя темные бровки, потом посопела и сказала нехотя:

– Сразу проглотить мне не разрешают.

– Ну, это потому, что у тебя внутри от большого куска станет холодно, и твое тело решит согреться. Прибавит тебе жару, а он для нас не полезный. Даже вредный, голова кружиться и болеть начинает, горло опухает... никогда так не было?

– Было, – запечалилась Исми и вздохнула почти по-взрослому: – Но мама вылечила, сама я не умею. А мороженое больше не дают.

– Но сейчас ведь дали? Значит, нужно поступить хитро: и мороженое съесть, и не заболеть. Вот для этого и нужно нам правило самой маленькой ложечки. Есть такие у твоих кукол? Неси. И тарелочки.

И пока малышка бегала за игрушечными ложечками, юная ведунья переводила дух. Первый день и первая победа – самые трудные, доверия пока нет, авторитета – тоже, а сомнений, наоборот, выше крыши.

– А теперь самое главное. Бери мороженое маленькой ложечкой, клади на язык и старайся как можно дольше не глотать. Пока оно во рту, а не внутри – тебе вкусно и сладко. А как проглотишь – вкус пропадает. И мороженое так согревается, и твое тело не замерзнет. И можно есть мороженое хоть целый день.

Исми проверяла каждое слово ведуньи и радовалась новым открытиям искренне и открыто. А через час, не доев даже вторую порцию, важно сообщила, что теперь ей уже очень сладко, вкусно и хочется пить.

Потом они играли в незнакомые малышке игры, явно непопулярные у магов: в прятки, угадайки, лото и в самодельных бумажных человечков. И когда Лян принесла обед и забрала вазы с растаявшим мороженым, Исми не пожалела о нем ни на миг. Зато с аппетитом поела горячего рагу и без споров легла поспать.

Лита устроилась рядом и, держа за руку доверчиво прильнувшего к ней ребенка, попыталась обдумать возникшие подозрения. И найти способ их проверить.

Теплое пятно энергии возникло в соседней со спальней комнате неожиданно. Лита не успела понять, откуда, но ожидать, пока на нее нападут, не стала. Прибавив себе силы и скорости,

метнулась к столику с напитками, выхватила широкий кувшинчик с вишневым компотом и с силой швырнула в шпиона. В том, что это не Грозвенд и не его жена, ведунья была уверена, специально изучала силу и оттенки их аур, закрывая на миг глаза. И пусть хозяева думали, будто пленнице так понравился десерт, Литу их усмешки ничуть не волновали.

– Ай! – вскрикнул невидимка смутно знакомым голосом и ринулся прочь, оставляя за собой багряные липкие следы.

Лита позволила ему добежать до выхода, потом стремительно догнала и резким толчком вышвырнула прочь, открыв телом шпиона дубовую дверь.

А едва оказавшись в округлом зале, откуда можно было попасть в другие покои, аккуратно прикрыла створки и, сунув два пальца в рот, свистнула так, как умели только базарные жулики.

Грозвенд не заставил себя ждать – примчался босой, в свободной домашней тунике и легких светлых штанах.

– Что произошло? – крикнул еще издали, рассмотрев напряженную фигурку ведуньи.

– Кто, – зло огрызнулась она, указывая взглядом на зашевелившееся пятно компота.

Маг мгновенно преобразился, как преображается лишь дикий зверь, обнаруживший неподалеку дичь. Вмиг очутился рядом, мстительно посыпал невидимку каким-то снадобьем и добавил замысловатый жест.

С пола раздался зубовой скрежет, потом стон, и наконец невидимость начала таять, выявляя сначала неясный, но быстро набравшийся четкости мужской силуэт.

– Зарвел? – мрачней, осведомился Грозвенд, гневно глядя на прячущего взор ученика.

На голове у того красовалась шишка размером с кулак, в белокурых, ухоженных локонах изюминками светились вареные вишни, с одежды стекал компот.

– Прости его! – выскочила из своих покоев Мальсена, рухнула на колени перед мужем. – Это я попросила...

– Встань, – велел маг, и неведомая сила подняла женщину, как невидимая огромная ладонь. – И объясни, что происходит.

– Я волновалась... – опустив голову, заплакала Сень. – Так долго не видела Исми... что она делает... Как можно полдня есть мороженое!

– Ну? – нахмурился Грозвенд. – Дальше!

– Послала Зарвела посмотреть... – голос женщины упал до шепота.

– Это я уже понял. Объясни другое. Ты помнишь наш уговор, когда я брал его в обучение? Мне не нужен мальчик на посылках, бегающий с поручениями всей семьи. И еще хотелось бы знать, откуда у него амулет невидимости?

– Это... – Его жена горько всхлипнула, не решаясь продолжить, и с надеждой предложила: – Давай я объясню это не здесь?

– Значит, все еще хуже, чем я полагал, – мрачно констатировал Грозвенд, и Сень зарыдала в голос, подтверждая это предположение.

– Не нужно ее обижать! – дернулся племянничек и обиженно вскрикнул, прижатый к полу каким-то заклинанием.

– А тебе за невыполнение кодекса ученика, за попытку превысить свои права и за утаивание от учителя чужих магических артефактов объявляю последнее предупреждение. Указ будет вывешен на площади. Что бывает потом, тебе известно. А в наказание на декаду отправляешься в подвал в полное распоряжение Ансет.

Возникшая ниоткуда сиреневая дымка окружила ученика, заключила в кокон и стремительно куда-то уволокла.

Сень зарыдала еще отчаяннее.

Лита взглядом указала на нее Грозвенду, развернулась и ушла в детские комнаты. Ей необходимо было обдумать открывшиеся факты и изобрести надежный способ не стать врагом несчастной и запутавшейся женщине. Или, еще хуже, разрушительницей счастливой семьи.

Двадцатое светозарня

Файханоль

Лита

Маг пришел в комнаты дочери только под вечер, когда Лита рассказывала уставшей от игр Исми простенькую сказку, на каждой фразе спотыкаясь о необходимость объяснять подопечной банальные вещи. Известные всем детям всех известных ей стран.

– Отец! – ринулась к Грозвену девчушка и засыпала его сведениями о сделанных ею сегодня открытиях: – Ты знаешь главное правило мороженого? Надо долго держать во рту, пока само не съестся! Тогда тело, которое внутри, не замерзнет! А лес – этот такой дом, под которым нету человеческих комнат! Только маленькие погреба для лисов и мышей! А ты и не знал!

– Твой отец все знает, – поправила Лита. – Просто не успел тебе рассказать.

– Да, он самый смелый! – гордо задрала носик Исми.

– Но твои тайны он узнать не сможет, пока ты о них не расскажешь, – печально вздохнула Лита, складывая в стопку разбросанные картинки, с помощью которых объясняла незнакомые девочке понятия.

– А у тебя уже есть тайна? – весело заглянул в глаза дочери маг. – Ну надо же, какие тут новости накопились, пока я добывал гувернантку. Нравится она тебе?

– Анли – самая лучшая! – похвалилась Исми так, словно речь шла о новой игрушке. – Она все умеет!

– Только без прогулок долго прожить не могу, – печально пожаловалась Лита. – Если твой отец не пригласит нас покататься на каком-нибудь половичке, зачахну от тоски.

– Надеюсь, прогулки по озеру будет достаточно? – прищурился заинтригованный ее намеками маг.

– НАД озером? – с откровенной надеждой переспросила ведунья, ловко тасуя в руках картинки. – Ну посмотрим... Мне вообще-то простора тут не хватает, воздуха...

– Хорошо, идем гулять, – поднялся Грозвен, не выпуская из рук дочь. – Только позовем Сень.

– А разве она не легла отдохнуть? – невинно осведомилась Лита, и маг, резко остановившись, подозрительно уставился ей в лицо:

– Откуда... – Рассмотрел усиленно подмигивающий ему зеленый глаз и поперхнулся: – В самом деле! Я совсем позабыл! Ну ничего, мы позовем ее завтра утром. Мы теперь каждый день будем гулять.

И, выйдя из комнаты, свернул не к центральному входу, как намеревался вначале, а к одной из лестниц, выходящих на крышу. В сад.

Лита не сразу поняла, что последние ступеньки привели их на улицу. Сначала показалось, будто это оранжерея, во многих замках Онзира было модно устраивать на чердаках такие комнатки, где изнеженные леди предпочитали гулять холодными зимами. Но, рассмотрев в просветах ветвей тусклое местное небо, ведунья осознала истину и пошла вперед, желая найти место, откуда будет виден весь город.

– Не в ту сторону, – угадал ее желание хозяин и, свернув направо, предложил: – Если желаешь, можешь рвать любые фрукты, урожай у нас всегда отменные.

– Милые мирные эльфы-садовники, – тихо пробурчала под нос Чижик. – Просто сельская пастораль.

– Она знает много непонятных слов, – громко шепнула отцу на ухо Исми. – Но с ней так интересно! Я даже по Ансет не скучала.

– А кто это, кстати, такая? – припомнив наказание Зара, осведомилась Лита, вонзая зубы в нежно-розовый пушистый персик.

– Шкурку чистить нужно! – увидев это, тотчас закричала Исми. – Она несладкая!

– М-да? А без шкурки он от меня не ускользнет? – недоверчиво буркнула Лита, вызвав веселый смех девчушки.

– Его нужно есть на тарелочке... – Она задумалась и огорченно призналась: – Но он все равно убегает, если нет магии.

– Вилки, – расслышав в ее голосе недетскую горечь и мгновенно сориентировавшись, авторитетно сообщила Лита. – Вернемся домой – я тебя научу.

– Готово! – обернулся к ней что-то шептавший Грозвен, сажая Исми в возникшую в воздухе лодочку, смутно похожую на его крылет, только без крыши. – Прошу.

Уговаривать Литу не было надобности, и через пару секунд они уже летели над садом, любуясь пышно цветущими кустами разноцветных роз и осыпанными плодами деревьями.

Исми по-детски бурно радовалась неожиданному развлечению, а Лита внимательно изучала волшебный город, стараясь запомнить каждую мелочь. Нет, никакой надежды на побег она не питала, не наивная же барышня, ничего не знающая о жизни, кроме почерпнутых в любовных романах иллюзий.

Если этот город защищен так надежно, что его не замечают даже сопровождающие караваны маги, значит, ей и тем более никогда не найти отсюда выход. Если он есть, в чем после вчерашнего полета Чижик сильно сомневалась. Ну зачем бы ушлым магам оставлять для кого-то лазейку, если сами они могут просто вынырнуть из морока, скрывающего этот распад, и лететь куда хотят?

И вовсе не все подряд, если она верно поняла пояснения про ковер-везделет. Но это можно и проверить.

– Венд, а нельзя подняться выше? – невинно спросила она, едва лодка заскользила над заменяющими улицы каналами, направляясь к светлевшему впереди озеру.

– Нет, – сразу отказал он. – Эта летучка полностью магическая, песчаный щит ее поглотит.

– Кто такой «песчаный щит»? – наострила уши Исмиль.

– Защита от пыли и песка, которую маги поставили над нашей страной, – обыденным тоном пояснил Грозвенд. – Тебе же не понравится, если на наши яблоки будет сыпаться пыль?

– Фу, – отмахнулась девчушка, еще немного повертелась, рассматривая дома и плывущие по каналам лодки, и вдруг уснула.

– А теперь рассказывай, – бережно уложив ее на диванчик, уставился на Литу маг. – Как ты обнаружила Зарвела и какие тайны хранит Исми?

– Сначала про Исми. Но прежде ответь на вопрос, который так ловко пропустил. Кто такая Ансет?

– Няня. Сначала она была няней Мальсены, потом стала няней Исмиль. Но мне не понравилось, как она воспитывает малышку, особенно после того несчастного случая, и я назначил ее... у вас это называлось бы «садовник». А у нас она занимается заготовкой припасов впрок.

– И это ее, разумеется, обидело, – тотчас сделала вывод Лита. – Теперь следующий вопрос: есть у Лян способности или нет?

– Почему ты спрашиваешь? – насторожился старший страж.

– Мне нужно понять, сколько магии я вижу. Вернее, всю ли, – поглядывая по сторонам, тихо пояснила ведунья. – Иначе никак не определить, есть у Исми способности или нет. Не с чем сравнить, ведь себя мне не видно.

– Теперь понятно, – успокоился маг. – Извини, Лита. Нет, у Лян способностей нет. Она из спасенных. Неподалеку от Файханоль занесло песком обоз, мы не успели всех спасти, хотя стражи каждый день проверяют границы. Нашли только слепого старика и девочку-поводыря и принесли сюда. Мы так делаем очень редко, лишь когда понимаем, что этих людей никто и нигде не ждет. Старик уже умер, хотя мы вылечили его. Мудрый был человек, знал сотни легенд и сказаний, делал чудесные свирели. Так ты уже осмотрела Исмиль?

– Нет, и стараюсь пока этого не делать. У вас очень много магических вещей, и от всех отсвет. Но уже начала изучать ваши ауры. И теперь могу с закрытыми глазами отличить тебя от Сень. А теперь про тайны Исми. Она боится спать в своих комнатах, ей кажется, что ночью там ходит кто-то чужой.

– Это невозможно, дом хорошо защищен, – резко опроверг ее подозрения Грозвенд и мягче пояснил: – Мы не любим незваных гостей, и так живем на виду у всех. Только Зар как ученик и родственник может войти в любую комнату.

– Я тоже так подумала, – кротко согласилась Лита, – сначала. Но Зарвел пришел в покои не через двери. Я как раз лежала рядом с Исми, чтобы она не боялась, и смотрела в ее игровую комнату, когда появился свет ауры. Примерно в том углу, где стоит кукольный замок.

– Вот как... – помрачнел Грозвенд. – Я это проверю.

– А я намерена забрать Исми на ночь в свою комнату, – твердо глянула ему в лицо ведунья. – У нас есть святое правило: если мы взялись помогать человеку, то отвечаем за его жизнь и здоровье и никогда не пренебрегаем интуицией. Ведь это наш разум пытается нас подтолкнуть к тем странностям, которым мы сначала не придали никакого значения.

– Я не против, – подумав, кивнул Грозвенд. – Но как ты это сделаешь?

– Не я, а ты, – озадачила его ведунья. – Придешь с амулетом невидимости и будешь охранять дочку, когда я уйду в свою комнату. А потом тайно принесешь ее мне. И еще вопрос... Извини, но меня теперь волнует, как Исми удалось собственным смерчем поднять саму себя? Ведь он должен был идти от нее?

– Там скала, – глухо произнес маг. – Наш город постепенно опускался, мы защитили дома, но ветра выдували вокруг песок, и приходилось возводить каменные стены, магией спаивая их в одно целое. Это долгий рассказ... но смерч Исми наткнулся на эту стену и повернул назад.

– Значит, у нее был сильный дар.

– Нет. Обычный для ребенка ее возраста. Она чего-то испугалась... – Чувствовалось, что Грозвенд заставляет себя это объяснять, но отступить Лита не привыкла.

– Снова испугалась... Как говорит моя мать: «Если на дороге лежит монета – это подарок судьбы. А если дальше лежит вторая, то это больше похоже на ловушку».

– Я проверю, – пообещал страж и развернул лодку.

Лита с интересом рассматривала тающее в вечерней дымке озеро, светлячки окон, выглядывающих из-под пышных зеленых шляпок висячих садов, и наслаждалась свежестью воздуха, ничем не напоминавшего о прокаленном песке расстилавшейся наверху пустыни.

Воспоминание о лежащем за песчаным щитом мире неизбежно повлекло за собой мысли о Лансе и Дилли, о Леароне и короле, оказавшемся не таким уж негодяем... По сути, всего лишь замороженным тетками упрямцем. Но на Чижики он смотрел с неожиданным восторгом, ей даже неудобно становилось перед Леаром, тот сделал значительно больше, чтобы заслужить признание отца.

– О чем ты вздыхаешь? – прервал ее размышления Грозвенд. – Если задумала сбежать – предупреждаю...

– Не нужно! – резко оборвала его Лита. – Не порть мое мнение о тебе. Никуда я не убегу, пока не пойму, что с Исми. А вздохнула нечаянно, просто вспомнила про Дилли. Она обещала матери за мной присмотреть... теперь, наверное, места не находит.

– Я могу послать ей записку, – смерив ее испытующим взглядом, предложил маг и получил в ответ недоверчивую усмешку:

– Сам напишешь?

– А есть разница? – начал догадываться он. – Тайное слово? Какое?

– Ох.

– Что такое? – нахмурился страж, рассматривая лицо девушки в бледном свете угасающего дня. – Тебе плохо?

– Нет. Это тайное слово такое – «ох».

– А где его писать? В начале? В конце? И сколько раз?

– Все не важно. Главное, чтобы оно было, иначе Дилли никогда не поверит, что письмо от меня.

Лита смолкла, решая, сказать стражу о своих подозрениях или смолчать, и все же решилась намекнуть:

– Грозвенд...

– Можешь звать коротко – Венд.

– Мне не хочется тебя волновать, но и промолчать, наверное, будет неправильно. Я росла в доме, где было много детей, и мать с нами все время разговаривала. Мы знали всё, что она делает и для чего. И сколько денег осталось в кошельке, и сколько стоит маковка... и понимали, что можно попросить, а какая просьба расстроит маму. Но потом мне пришлось столкнуться с семьями, где детей считают глупыми. Семейные дела от них держат в секрете, с ними не делятся даже планами, касающимися самих детей.

– На что ты намекаешь? – остановив лодочку над каналом, резко повернулся к ведунье старший страж.

– Я собираюсь поговорить с Исми откровенно, потому что от ее настроения зависит очень многое. Но лучше всего будет, если это произойдет там, где нет ни магических стен и щитов, ни посторонних глаз и ушей. Выбери в пустыне место и время, когда там не очень жарко. Мне хватит двух-трех часов.

– Хорошо, – подумав, хмуро согласился маг. – Но стену вокруг вас я все же поставлю. Теперь, когда я восстановил свой резерв, это мне нетрудно.

– Хоть три стены, только подальше от шатра. И сам можешь гулять вдоль них. Но самое важное – не говори Сень о том, что я намерена сделать. Она может одним словом или даже несчастным видом посеять в душе малышки недоверие и этим перечеркнет все мои старания. Все маленькие дети верят своим матерям безоговорочно. А Сень и так успела своей жалостью поселить в душе дочери сомнения в ее способностях. Не нарочно, не смотри так возмущенно. Она просто слишком эмоциональна, не умеет скрывать ни огорчений, ни обид, ни слез. Это не порок, но дети очень чутки и ранимы. Лучше всего было привезти сюда нашу мать... но это я уже говорила.

– Кстати, насчет письма, – испытующе глянул на ведунью страж. – Нужно ли кому-то передать привет? Я имею в виду – особый?

– Конечно, – печально улыбнулась Лита. – Лансу, моему жениху.

– Откуда у такой молоденькой девушки жених? – удивился Грозвен, но тут же поправился: – Я хотел просто спросить – кто он?

– Маг. Напарник и друг Тровенга.

– Лорд Ланберс Нейленз? – искренне изумился Грозвен. – Но он же намного тебя старше!

– Но иногда ведет себя как мальчишка! – мигом вспыхнула Чижики. – Хотя для ведуний это абсолютно не важно. Мы выбираем не по возрасту или статусу, а сердцем.

– Понятно, – покладисто кивнул страж и разбудил дочку: – Эй, Исми! Ты что, спать тут собралась? Посмотри, как красиво отражаются в воде огни! Если понравилось, завтра еще погуляем, а сегодня пора домой.

Двадцать первое светозарня

Файханоль

Лита

Грозвенд заявился в комнату ведуньи спозаранку. Лита успела только одеться, нарядить ночевавшую с ней Исмиль и теперь расчесывала волнистые волосики радостной воспитанницы, вдоволь напрыгавшейся на ее широченной кровати.

– Светлого дня, девочки, – оживленно улыбался страж, но Лита ни на гран не поверила его веселью.

В эту ночь она спала вполглаза, усилив слух, и не пропустила отголосков семейного скандала, устроенного Мальсеной. Причем слушать доводы мужа она не желала, рыдала и обвиняла его в черствости. Литу до глубины души возмутило такое отношение к мужчине, который ради счастья дочери и спокойствия жены несколько месяцев скитался по чужбине, договаривался с сомнительными личностями, ел что попало и жил как бродяга. Однако сейчас она и виду не подавала, поздоровавшись вежливо, но сухо.

– Сейчас мы отправимся на прогулку, точнее, на пикник. Там и позавтракаем, – торопливо пояснял Венд, складывая в бездонный саквояж взятые с кровати подушки и одеяла.

Затем развернул свой ковер, посадил в крылет Литу с дочерью и вылетел прямо в окно, тренькнувшее осыпавшимся хрусталем.

– Ой, папа! – оглянулась Исми. – А как мы будем спать?

– Я все верну как было, – беззаботно отмахнулся маг и тут же перевел разговор на другое: – Я тебе рассказывал про солнце, Исми?

– Да. Оно большое и теплое, – закивала девчушка. – Но маленьким детям лучше не смотреть.

– Ты подросла, пока меня не было. Теперь уже можно. Сегодня я покажу тебе солнце.

– Анли, мы летим к солнцу!

От счастья Исми прыгала и вертелась, боясь пропустить знаменательный миг, но Литу вдруг охватило смутное предчувствие беды. Было что-то неуловимо неверное, лживое во всем происходящем, но понять точнее, что именно, пока не получалось. Зато ведунья могла незаметно следить за стражем, сравнивать его улыбку и интонацию с прежними, теми, которые хранила в отличной памяти, и постепенно сделала однозначный вывод – интуиция ее не подвела. Грозвенд решился на что-то, неизвестно пока, на что, но это ему очень не нравилось. И тем не менее он упорно гнал крылет сквозь предутренний сумрак к тому месту, откуда они попали в Файханоль.

Следовательно, это и был единственный вход сюда, четко осознала Чижик, заметив темный круг на фоне сияющего магией защитного свода.

– Видишь? – оглянулся маг, словно чувствуя заинтересованный взор ведуньи.

– Да. А никто не сможет в него упасть?

– До него невозможно добраться. Лишь сильный маг преодолел бы защиту, но стража дежурит постоянно.

– А папа – главный страж! – гордо объявила Исми. – Мне мама рассказала! Он вообще самый главный!

– Это очень трудная работа, – кивнула Лита, ничуть не озадаченная этим заявлением. Нечто подобное она и подозревала.

– Это не работа, – замотала хорошенькой головкой девчушка. – Это... как его... ну, когда все слушаются?

– Значит, самый умный, – упорно не желала подсказывать ей гувернантка, глядя на жестко застывший профиль мага.

– Ну да... – Больше ничего сказать Исмиль не успела.

Крылет резко нырнул вверх, в оконце щита, и над ними засияло утренней синевой бескрайнее небо, опушенное розоватыми клочками тающих облаков.

– Это солнце? – лишь через минуту выдавила малышка, которую Лита на всякий случай крепко прижимала к себе и успокаивающе гладила по голове и спинке.

– Еще нет. Это только небо, – с наслаждением дыша полной грудью, мягко поправила Лита. – Солнце – оно как фонарик, видишь, там, вдали, светлая полоса? Это оно поднимается. Скоро мы его увидим.

– А тот мех?

– Это облака. Они бывают всякие – белые, розовые, темные. Иногда из них идет дождь, но тут он бывает редко... – поясняла Лита, укоризненно поглядывая в спину застывшего статуей Грозвенда.

Мог бы и помочь, ей ведь неизвестно, что положено говорить детям, ни разу в жизни не видевшим ни солнца, ни неба, ни облаков. Только тусклый свод купола.

Однако маг все выше поднимал свой ковер, затем развернул его на север и наконец создал крышу. А потом все-таки оглянулся на дочь.

– Поспи, Исми, на сегодня впечатлений достаточно, – нежно улыбнулся он малышке и легонько дунул.

– Но... – успела возразить она и тотчас смолкла.

Привалилась к Лите отяжелевшим тельцем и засопела мирно и ровно.

– Что ты задумал? – Не выпуская ребенка из рук, ведунья требовательно смотрела на ее отца, невозмутимо ускорявшего свой чудо-ковер.

– Я все объясню позже, Лита, – не оборачиваясь, сухо пообещал Грозвенд, но ее интуиция кричала раненой чайкой.

– Нет. Сейчас. Мне почему-то кажется, что ты совершаешь большую ошибку. Возможно, я ошибаюсь... докажи. Мне вовсе не хочется позже всю жизнь думать, будто именно я стала причиной твоего решения. Неверного, скорее всего.

Грозвенд размышлял минут пять, и это были очень долгие и тяжкие минуты. Лите даже начало казаться, что он никогда ей не ответит, и придется применить один из трюков, припасенных на самый крайний случай. Но маг все же сдался.

– Ладно, – проскрежетал он наконец. – Через полчаса сядем у родника, его мало кто знает. Позавтракаем и поговорим.

– Хорошо, – прикинув, что от родника не так уж далеко возвращаться, согласилась Лита, и страж вдруг невесело засмеялся:

– Жаль, что Ланберс так рано тебя нашел и окольцевал. Я бы с ним поборолся.

– Не говори глупостей! – возмутилась Чижик, не переносившая никаких шуток на эту тему. – Во-первых, это я его нашла, когда он даже не подозревал о моем существовании, а во-вторых, еще не окольцевал. Этот упрямец не пожелал надеть мне свой браслет.

– Так, может, у меня есть еще шанс? – оглянувшись, озорно подмигнул Грозвенд.

– Ни одного. И не шути больше так. Ланс для меня – единственный. И браслет он уже приготовил... Просто хочет устроить мне самый красивый праздник, и, боюсь, Эршель с ним заодно.

– И они совершенно правы, принцесса, – уверенно подтвердил маг, но в его голосе звучала печаль. И усталость, застарелая и безнадежная.

Больше до самого родника они не разговаривали, и Лита успела обдумать и оценить с десятков разных версий произошедшего, но не нашла ни одной, на которую маг должен был отреагировать подобным образом. Побегом, если она правильно поняла. И это вызывало у

ведуньи особую тревогу. До сих пор все, сделанное стражем, имело логичное обоснование. А вот теперь его поступок терял это важнейшее для всех здравомыслящих людей качество, и потому становился особо опасным.

Нет ничего страшнее людей, сошедших со светлой тропы разума, кроме тех, кто никогда по ней не ступал. Особенно если они обладают силой, магией или властью.

– Шатер создавать не буду, посидишь в одеяле, – предупредил страж, опуская ковер на холодный песок, неподалеку от вылизанного ветрами плоского валуна.

Пока ведунья набирала кружкой воду из прячущегося под бочком камня крошечного родничка, снова ускользавшего в песок, едва пробившись наружу, Венд устроил стоянку.

Извлек из баула кучу одеял, уложил Исмиль, замотал потеплее и, кивком указав Лите на место рядом с дочерью, превратил крылет в потертый коврик. Потом ловко разжег на песке огнешар, подвесил над ним плоский серебряный чайник и разложил на салфетке еду, явно наспех прихваченную из буфета.

Девушка упорно молчала, помня святое правило матери: сытый человек всегда добрее. Не проронила ни слова, когда ела и когда просто задумчиво пила пахнущий листьями ореха чай.

– Зови меня просто Венд, – хмуро глянул на нее маг. – Я собираюсь изменить внешность.

– Как скажешь, так и буду звать, – покладисто согласилась она, сделала пару глотков и, мрачно усмехнувшись, добавила: – Но буду очень благодарна, если объяснишь, за какую провинность лишаешь Исми матери и родного дома.

– Затем и остановился, чтобы все рассказать спокойно, – вздохнул мужчина, отвернувшись к родничку. – И только потому, что на мне долг. Теперь я верю в провидение, оно привело в мой дом именно тебя, хотя сначала я решил, будто мне не повезло.

– Венд! – поспешила остановить его ведунья. – Подожди, не торопись. Возможно, я и не хуже других ведуний, однако ничем не лучше... да это и не важно! Я ни в коей мере не желала, чтобы ты рассорился с Сень!

– Знаю. Все я теперь знаю, это прежде горе глаза застило. Тебе ведь кажется, будто мы ровесники? Я и твой Ланберс? Ничего подобного. Мне почти семьдесят лет, и уже двадцать пять – как меня избрали старшим стражем.

– По-вашему – королем.

– Нет. Не так. Король правит своим народом, а я свой защищаю.

– А теперь бросил.

– Будешь огрызаться, наложу заклинание молчания. Что смеешься? Не сработает? Ну ладно, эксперименты делать не будем. Просто не стану ничего рассказывать. – Венд поджал губы и отвернулся с безразличным видом.

– Прости... – тотчас повинилась Лита, – я не назло. Просто очень обидно, когда человек из-за твоих слов или поступков вдруг ломает сложившуюся жизнь. Но больше не скажу ни слова, обещаю.

– Спасибо. Я тебя понимаю. И теперь верю. Так вот, мы женаты с Мальсеной больше двадцати лет. Двадцать четыре, если точно. Говорящие цифры, не так ли? Но раньше я считал иначе. Мы были с Уртизом друзьями и ухаживали за подружками. Вернее, они приходятся друг дружке кузинами. Мне тогда больше по душе была спокойная Таминья, а Уртизу очень нравилась Сень. Но внезапно он предложил свой браслет моей девушке, и они поженились. Я перестал с ними разговаривать и много лет старался не замечать. А Сень жалел, у нее был такой несчастный взгляд... Однажды мы случайно с ней разговорились, потом как-то незаметно стали встречаться, а через полгода я надел ей на руку свой браслет. И почти двадцать лет был уверен, что доживу с ней до глубокой старости. Характер у Сень, конечно, неровный, иногда она упряма, бывала и капризной, но стоило мне рассердиться всерьез – сразу начинала плакать и просить прощения.

«Ну да, – едко фыркнула про себя Лита. – Проверяла запас терпения и прощупывала границы дозволенной наглости, преступать за которые чревато наказанием».

– Не ухмыляйся, сам теперь понимаю, что меня приручали, как норовистого коня. Но первый

серьезный скандал произошел пять лет назад, когда Сень обнаружила, что ждет ребенка. Она слабая магиня и доверяла свое лечение и все прочие заклинания мне.

– И ты воспользовался доверием?

– Не язви. Просто забыл, дела навалились... а она обвинила в обмане и коварстве. Ей хотелось пожить для себя еще лет пятьдесят.

– А дети для кого, для соседей, что ли? – не выдержала Лита. – Извини.

– Поэтому я не удивился, когда она не проявила особой любви к Исмиль. Но все обязанности выполняла, с помощью няни, разумеется. А как только ребенка стало можно оставлять на Ансет, и вовсе подобрела. Ну а когда дочка научилась ходить, говорить и мы начали возить ее в школу для малышни, Сень стала гордиться тем, какая Исми хорошенькая, сообразительная и послушная. Сама ее наряжала и сама возила. До тех пор, пока не произошел несчастный случай. С тех пор Исми нельзя приводить в школу, где дети хвастались первыми успехами и невольно причиняли ей боль.

Венд помолчал, загасил огнешар и начал складывать в баул провизию и вещи. Но Лита упорно сидела на одеяле, приобняв подопечную, и ждала, когда он скажет главное.

– Ночью, перенеся к тебе Исми, я положил в ее кровать большую куклу, а рядом спрятал кота, усыпив, разумеется. Маги чувствуют живых существ и могут определить, спят они или нет.

– Мы тоже, – кивнула Лита, никак не ожидавшая, что ловушка сработает.

Ну просто глупость несусветная – идти туда, где один раз уже попался!

– Он влез через окно... Только мы с Сень знали, что в том углу, где стоит кукольный замок, прежде было окно. Верхнюю часть закрыли панелями, а в нижней установили раму с небольшими оконцами. Когда сидишь внутри домика, их можно открывать, и это делает игру еще интереснее. И только нам двоим прежде было известно, что на всякий случай оставлена возможность открыть снаружи и всю раму. Именно через нее и влез днем Зарвел.

– Его ведь наказали?

– Да. Но как выяснилось, по ночам приходил вовсе не Зар.

– Значит, Уртиз, – уверенно сказала Чижики, вмиг сложив два и два, разом возненавидев Мальсену.

Но пока не решалась обвинить ее в самом страшном преступлении.

– Он. Этот дурак любил ее все эти годы и ради нее сделал предложение Таминье. И она согласилась. Как выяснилось позже, Уртиз всегда нравился ей больше. А во мне было только одно привлекательное качество: мои заслуги перед Файханом, за которые меня бессменно выбирали старшим стражем. Хотя это и ни в коей мере не равнозначно статусу короля, но все равно почетно. А Мальсена всегда была очень тщеславна.

– И хитра, – добавила Лита. – Не могу представить, как ей удалось уговорить Уртиза, он же умный человек?

– Слезами, – скрипнул зубами Венд. – Якобы в отчаянии призналась ему, что не захочет жить, если я женюсь на Таминье.

– И он сделал все, чтобы ты не женился, – поняла ведунья и удрученно вздохнула: иногда любовь напрочь отшибает людям разум, и кого в этом винить? – Но что тогда с Исми? Он напал на ребенка из ненависти?

– Все не так просто, как тебе, возможно, кажется. Маги по натуре очень импульсивны, поэтому нас с детства учат держать свои чувства в руках. Чем мощнее маг, тем крепче у него сила воли, ведь каждый понимает, в какую катастрофу может вылиться даже обыденное раздражение чьим-то замечанием. И выливается – несдержанные маги долго не живут. Поэтому у нас правит стража. Мы не только следим за куполом и крепостью городских стен, но и усиливаем защиту домов. Чтобы чье-то нечаянное заклинание не обрушило крышу на его семью. Отчасти из-за этого наши домохозяева так немногочисленны. Вот в моем доме живут всего шестеро. Кухарка, домоправительница, мы с Сень и Исми да ученик. И это не самая маленькая семья. А Уртиз – хороший артефактор и целитель, и я всегда считал его образцом

хладнокровия. Но, как он сам признался, однажды и на него накатило. Он в тот день был в школе, ставил им кухонный артефакт, а когда вышел на заднее крылечко, увидел Исмиль. Конечно, он ее знал и очень завидовал – их с Тамильей семья распалась через три года. Дочка раз за разом швыряла в стену вихри, и у нее получалось все лучше. Уртизу вдруг стало очень горько, подумалось, что если бы он не попался на шантаж и проявил твердость, это могла быть его дочь. От невыносимой боли и обиды у него потемнело в глазах, и Уртиз со всей силы швырнул в ту стену свой смерч. И в ту же секунду снова бросила вихрь Исми... Они встретились... – Глухой голос мага прервался, и несколько минут он молча глотал ледяную воду, стремясь справиться с вновь нахлынувшим горем.

Но юная ведунья уже и сама все осознала, увидела мысленным взором так отчетливо, будто присутствовала там. Отчаянный взмах руки пронзенного неожиданной догадкой незнакомого мага, почти неосознанно желающего избавиться от рвущей сердце муки, дикий ужас, пронзивший его душу в момент, когда безумным ветром подхватило ни в чем не повинного ребенка...

– В тот день я готов был все ему отдать за спасение Исми, все видели, как он выхватил ее из смерча, – горько усмехнулся Венд. – Благодарил так, что Уртиз сбежал... мне казалось, от скромности. И не жалею об этом. Будь он трусливее или бесчестнее – никто бы этого не узнал. Но он пришел к Мальсене и сам во всем признался. И она тут же в него вцепилась как клещ, пообещала все простить и ничего мне не говорить, если он придумает способ вернуть Исми способности. Бездарная дочь ей была не нужна. Не стало повода ходить в школу и на разные праздники для детей, нечем хвастаться, не для чего наряжаться. А чужое сочувствие и попытки помочь советами она просто ненавидит, не верит в их чистосердечность. Поэтому, пользуясь моим отсутствием, Уртиз ходил в наш дом по ночам как на службу, пытаясь разными артефактами и способами найти у Исми исчезнувший резерв.

– Но ты мог бы выставить жену из дома или уйти сам и забрать Исмиль, – осторожно проговорила Лита, начиная понимать, насколько неприемлемо для него такое решение.

Ведь дочка всегда будет его уязвимым местом. Чтобы вернуть на место строптивого мужа, Мальсена начнет умело играть именно на детской любви и наивности. Будет плакать и жаловаться, лгать и плести интриги, от которых больше всех будет страдать малышка. И, разумеется, от таких недетских переживаний окончательно потеряет уверенность в себе и уже никогда не сможет вернуть потерянный дар.

– Я дал ей на сборы три месяца, – буркнул Венд. – Она может уйти к отцу, они живут вдвоем с мачехой, или попросить дом у города. Не такой большой, конечно, но такой же удобный. Ученика уже передал одному из опытных наставников. А стражей предупредил, чтобы скоро не ждали и выбрали нового командира. И за это решение должен благодарить тебя, вчера ты подсказала мне путь.

– Когда? – безнадежно осведомилась Лита и покосилась на спящую малышку, еще не подозревающую, что ее судьба уже сделала крутой поворот.

– Когда рассказывала про свое детство и говорила про мать и сестер. В твоих глазах светились истинное тепло и любовь, и это намного ценнее всего, что может иметь человек. Люди, которые его любят не за деньги или за положение, а просто за то, что он есть. Ты обещала познакомить меня со своей матерью, я уверен, что смогу быть ей полезен.

– Это несомненно, – согласилась Лита и нехотя сообщила: – Но у Эршеля на нее личные планы. Они знакомы много лет и сделали много ошибок, но все мы надеемся, что в этот раз сумеют договориться.

– Спасибо за откровенность, но я не в этом смысле. Бедность мне не грозит, я могу купить ведуньям несколько удобных домов или усадеб. И хотел бы поселиться неподалеку от одной из семей, чтобы Исми могла каждый день встречаться с детьми ведуний. Ей очень нужна эта наука – во всех случаях.

– Хорошо, – поразмыслив, серьезно ответила ведунья. – Теперь мне понятно, что ты продумал все хладнокровно и мнения не изменишь. Тогда не будем тратить зря время, тем более меня уже ищут.

– Я отправил два письма, – разворачивая крылет, сообщил Венд. – Одно – еще вечером, другое – утром. И назначил место встречи.

Двадцать первое светозарня

Айканир, королевский замок

Дилли

– Ваше высочество, к вам лорд Ланберс Нейленз! – Важная дама, выполнявшая обязанности секретаря, почтительно замерла на пороге кабинета.

– Всех магистров всегда пропускать без доклада, – приказала Дилли, отодвигая план дворца.

Именно ей Эршель доверил выбрать покои для прибывающей через день матери, и отказать отцу ведунья не могла. Слишком резко поменял он все свои прежние привычки и вкусы, яростно сражаясь за возможность вернуть хоть частицу того, что было им утеряно по недоразумению и незнанию.

– Дилли! – Маг влетел в просторную комнату стремительным вихрем, одним движением кисти выставил за дверь опытного, но слишком церемонного секретаря и запер щитом дверь. – Пришло послание от Литы!

– Где?! – вскочила с внушительного кресла ведунья. – Почему мне не сообщили?

– А я что делаю? – резонно осведомился Ланс, кладя перед ней маленький листок, скрученный в тугую трубочку.

– Это не ее почерк, – сразу определила Дилли, едва развернув послание. – И составляла не она. Но всему можно верить, Лита подтверждает.

– Ты уверена?

– Да, совершенно. Она свободна, никто ее не обижает, ни к чему не принуждает и есть возможность скоро вернуться.

– Или я неграмотный, – удрученно пробормотал Ланс, забрав листок и вчитываясь в скупые, сухие фразы, – или ты меня успокаиваешь.

– Ты же сыщик!

– Я-то – да. А вот вы сидели ведь в деревне такими простыми селянками, пололи морковь, варили варенье – когда только все успевали?! Нет, я не сомневаюсь, верю, что ты говоришь правду, и тем обиднее, что сам оказался таким простаком. Ничего не смог у нее расспросить, ни о чем не условился...

– Все ты еще сделаешь, – твердо пообещала ведунья. – Не кори себя. Когда вам было обо всем разговаривать? А сейчас, если хочешь, могу по дружбе подкинуть маленький намек.

– Конечно, хочу, и сомнений быть не может! – пристально уставился на нее маг.

– Тогда начинай заранее готовиться к ее возвращению, больше Лита не потерпит никаких отсрочек.

– Спасибо, но ты опоздала. Я и сам теперь думаю так же. И король согласен. Поэтому все уже делается: шьется платье, обставляется замок, который Эршель намерен нам всучить, готовятся заранее самые необычайные блюда, и мы ставим их под сохраняющие колпаки.

– И мне ничего не сказали! – возмутилась Дилли.

– Тебе же все время некогда, у тебя даже на мужа времени не хватает, – пожал плечами Ланберс и пошутил: – Он тебя скоро совсем узнавать не будет.

Леди Тровенг покосилась на шутника и гордо промолчала. Да, было такое. Вчера вечером, на первом балу, который король давал для своих верных подданных, опоздавший Гард не сразу смог ее узнать. Хотя и замешкался всего на несколько секунд, но внимательные жены советников и офицеров сразу это отметили. И замахали веерами, пряча усмешки, заиграли бровями и глазками, подавая друг дружке многозначительные сигналы.

Зря обрадовались, Гард уже нашел любимую в окружении фрейлин и, шагнув к ней, восхищенно выдохнул:

– Ваше высочество, вы сегодня так ослепительно красивы, что я на минуту разучился ходить, говорить и дышать!

И всем сплетницам оставалось лишь заученно улыбаться и прятать завистливые взгляды.

– А из какого города пришло послание? – заинтересовалась Дилли.

– Откуда-то с побережья, с одного из маяков. На них установлены почтовые пирамидки. Но туда даже ехать бесполезно, по пирамидке никогда не поймешь, с какой стороны поступил пенальчик. Хитрый гад, знает, что Чижику будут искать.

– Знает, что обязательно найдут, – поправила его Дилли. – Лита должна была его в этом убедить. Теперь нужно ждать другие письма, по ним мы ее и найдем.

– Мечтаю, чтобы ты оказалась права, – тихо буркнул маг, покидая кабинет.

Леди секретарь, расслышавшая эти слова, осуждающе поджала губы. Невесть откуда объявившаяся незаконная дочь неожиданно вернувшегося короля совершенно не умела вести себя так, как подобает истинным принцессам.

Дилли отлично понимала, что думает о ней чопорная дама, но не обращала на это никакого внимания. Им хватало хлопот и без подобных пустяков. Как выяснилось, Эршель в своей добровольной ссылке времени даром не терял, не такой он человек, чтобы сесть у окна и любоваться закатами. Тем более оттуда, издалека, не слыша лстивых шепотков и не видя заискивающих глаз, он на многое смотрел с другой точки зрения. Имея более чем достаточно времени, чтобы обдумать любую проблему со всех сторон, взвесить все преимущества и недостатки, король успел припомнить все случаи, когда принял решение, поверив доводам людей, позже ставших предателями. Все это его величество просеивал через призму времени и обстоятельств, строил в уме планы и писал указы.

Конечно, временами накатывало отчаяние, особенно в те дни, когда приходило известие о предательстве еще одного лорда из тех сторонников Эршеля, кого он считал самыми надежными и неподкупными. Он рычал от злости на собственную слепоту, бил зеркала и вычеркивал красными чернилами имена предателей из планов на будущее. И когда вновь обрел власть, одним из первых указов снял всех присягнувших шуту с должностей и выселил из столицы в дальние имения.

– Я с кровью выдираю их имена из своего сердца, – горько усмехнулся он, когда кто-то из преданных друзей попросил за одного из отступников. – И эта рана пока не зажила. Пусть скажут спасибо, что не отнял имений, родовых замков и не отправил в каменоломни, но в ближайшие полсотни лет вряд ли смогу видеть этих людей рядом.

Дилли обвела на плане дворца кружочком выбранные покои, расположенные на первом этаже отведенного для королевской семьи крыла. Вздохнула с удовлетворением и придвинула ближе составленный писарями список мебели и вещей, которые могут понадобиться важной гостье с детьми.

Но просмотреть успела только одну страницу. Вычеркнула дурацкие ширмы и кровати-качалки, добавила ковров, мягких игрушек, валяных подушек и мячей. Воспитанникам Ясвены уже по году, и они не просто ходят, а весьма живо бегают, и в комнате для них важнее всего простор и отсутствие острых углов.

Очередного посетителя леди секретарь объявить попросту не успела, он решительно ворвался в прихожую, рванул на себя дверь кабинета и крикнул:

– Тебе сказали про письмо?

– Только что Ланс прибежал. Я ему все объяснила.

– Теперь объясни мне.

– Проходи и садись, пока леди секретарь не потеряла сознание от ужаса. Ей кажется, что в форте «Скальный» тебя подменили на капитана пиратского брига.

– Капитан брига никогда не смог бы перечислить всех ее поклонников, – входя в кабинет, пренебрежительно фыркнул Эршель, – а я могу.

И резко захлопнул дверь.

Но, сев напротив Дилли, первым делом спросил не про письмо.

– Ты не слишком много работаешь?

– Выбирать удобную комнату для матери – для меня не работа, а удовольствие, – мягко улыбнулась она.

– Выбрала? – сразу заинтересовался Эршель, потянув к себе план. А рассмотрев отмеченные покои, откровенно огорчился: – А почему на первом этаже? Там комнаты для личных лекарей и секретарей. Для моих близких родственников – на втором.

– Мы с Гардом сегодня же переберемся на первый, вот сюда, – стило Дилли показало на покои по соседству с отмеченными. – Малышам нужно много гулять, а таскать их по лестницам не так-то легко, даже нам. Они же не сидят на руках спокойно, как дрессированные собачки.

– А слуги на что? – нахмурился король.

– Ни одна ведунья не доверит своего малыша даже самым надежным нянькам и слугам, – тихо пояснила Дилли.

– Тогда я тоже переезжаю вниз. Давно мечтал выпрыгивать из окна прямо в сад.

– Из чьего? – невинно хлопнула ресницами ведунья.

– Лучше бы, конечно, не из своего, – вздохнув, буркнул он. – Но мала ты еще, задавать отцу такие вопросы. Да и не прыгну я никогда в окно, если меня пустят в двери. А теперь объясняй про письмо. Откуда видно, что Лита не в подвале и письмо писали по ее согласию?

И король положил перед дочерью уже знакомый ей листок.

– Видишь слово «Ох»? Так зовут ее любимого пса. Ох ее защищал, когда Лита сидела на рынке. У нас у каждой есть такое слово, но это у нас с ней общее. Оха нашла я, слепым кутенком. И вырастила, а потом, уезжая, подарила Лите. Она никогда не назвала бы это слово, если бы ощущала хоть малейшую опасность. Поэтому не тревожься, иди спокойно решай свои задачи. Только скажи, где оставил моего мужа?

– В кабинете, с советниками.

– Они его там не сожрут? – пошутила Дилли.

– Его сожрешь! – В насмешливом голосе Эршеля звучало одобрение. – Хватка – как у волкодава. Все уступки припомнил, какие мы выбили у Сайморса за последние двадцать лет. Кстати, хотел сказать...

Король отодвинул план, встал с кресла для посетителя, прошел к окну и несколько минут, словно забыв обо всем, смотрел на трепещущие под легким ветерком кроны деревьев. Дилли молча ждала, догадываясь, что говорить он собирается о чем-то важном, но не очень приятном.

– Шайонс прислал секретное послание, – мрачно выдохнул король, и Дилли невольно перевела дух.

Хвала светлым силам, похоже, ничего по-настоящему плохого не произошло.

– Я мог бы тебе его принести, но лучше расскажу коротко. – Король вернулся к столу, сел на место и испытующе глянул в глаза дочери: – Тебе ведь известно, где он?

– Да, – кивнула ведунья.

Конечно, она знала, не раз обсуждали это с Гардом и магистрами. Шайонс под маской проводника брел сейчас где-то в диких и опасных ущельях Южных гор, сопровождая толпу шаманов в придуманную для них ловушку.

Один из прадедов Эршеля был магом и на старости лет, устав от интриг и бесконечных дел, передал трон сыну и удалился в Южные горы. Никто не знал, куда именно, да никто и не искал. Отряд взятых им с собой егерей и каменотесов вернулся только через год. Все загорелые, обветренные, с мозолистыми ладонями и залеченными ушибами. Никто не мог подробно объяснить, где они были, но все спокойно рассказывали, что построили для бывшего короля небольшую неприступную крепость, где он и остался жить с преданными учениками и

слугами. У них были овцы и куры, а запас необходимых вещей и продуктов пополняли не менее преданные торговцы, каждую весну отвозившие в условное место тюки с товарами. И там же забиравшие щедрое вознаграждение. Но однажды они нашли там лишь письмо, и с тех пор про крепость, так и оставшуюся без названия, вспоминали лишь маги да авантюристы.

– Так вот, сегодня утром шаманы добрались до безымянной крепости, – фыркнул Эршель, явно недовольный тем, что толпа чумазных негодяев оскверняет последнее пристанище его предка. – И там их встретили ученики Шайонса.

– Тебе известно, откуда он узнал про крепость?

– Да. Он потомок одного из учеников прадеда. Их было трое – тех, кому хозяин доверил код магического замка. Но остальные двое не оставили имеющих дар потомков. Поэтому я еще лет сорок назад тайным указом позволил Шайонсу устроить там убежище для магов, уставших от жизненной суеты и желающих заниматься только исследованиями. Пришлось пойти навстречу, не так много их в моем королевстве, большинство вступают в Онзирский ковен.

– Ну а чего ты хотел, если почти сто лет твой дед и отец упорно вешали на магов всех собак? – беззлобно помянула ведунья.

– Исправить все ошибки, – мрачно усмехнулся король. – Не смотри на меня так жалостливо, Дилли, я понимаю, насколько это непросто. Но вернемся к Шайонсу. Он запер шаманов в крепости и объявил своими пленниками. Теперь намерен выяснить, кто был зачинщиком этого похода в северные страны. И первые сведения уже есть. Глава гильдии свободных торговцев, довольно уважаемый господин Бугерт, оказался самым ярым поклонником шаманских амулетов. Поскольку вещицы ковена у нас весьма дороги и на всех не хватает, предприимчивый купец завозил контрабандой поделки халгирцев и сдавал своим сообщникам. А те торговали исподтишка, чтобы не платить торговые пошлины. Очень выгодное дельце. Он же и надоумил Дейса позвать шаманов на помощь, но им самим налил в уши совершенно иного ядовитого меда.

– Довольно примитивно, не находишь? – с сомнением поморщилась Дилли. – Слишком много посвященных, да и трон ему Дейс никогда бы не уступил, хотя и сам не знал, что с ним делать.

– Вот именно, – выслушав ее, довольно ухмыльнулся Эршель. – Я сразу подумал точно так же. Но за Бугертом послал. И тут выяснилось, что он исчез еще три дня назад, в то самое утро, когда мы вышвырнули из столицы шаманов.

– Один?

– Люблю с тобой разговаривать, – кивнул король. – Так же легко было с Ясвенной. Если, конечно, меня не одолевали глупые правила и запреты. Свою семью он не взял. Зато пропала молодая гувернантка дочери.

– И все деньги, разумеется, – сразу сделала простой вывод Дилли.

– Да, деньги тоже. И не только его собственные. Исчезла общая страховая казна гильдии, купцы туда сдают процент прибыли на случай всяких катаклизмов. Но хуже всего другое. Именно к нему ниточка привела дознавателей, разыскивающих пропавшие из моей казны драгоценности и артефакты. Дейс и Расталия продавали их подставным «ювелирам», но через третьи руки все попадало к Бугерту.

– Не сомневаюсь, что раньше он казался прозорливым, спокойным и рассудительным мужчиной, – презрительно усмехнулась Дилли. – А как только поседел, глупо вляпался в ту же ловушку, что и сотни богатых братьев. Называется: «Юная дева, горячо влюбленная в мудрого старца». Но на самом деле девы нет – есть хитрая крыска, мудрого мужа тоже нет – есть толстый сластолюбец. И никакой любви не было и в помине, особенно с ее стороны. Зато искать их проще простого. Юная дева вовсе не затем повесила себе на шею тяжелый седой кошелек, чтобы беречь и лелеять. Ей непременно захочется широко разинутой пастью кусать удовольствия обеспеченной жизни, особенно после капризов и шпилек законной наследницы.

– Магистры сказали почти то же самое, – потрясенно рассматривая дочь, пробормотал Эршель, – но немного поделикатнее.

– Ну да, каюсь, ненавижу я подобные случаи. Изнеженные овечки, оставленные мужьями без хлеба насущного, а иногда и без дома, сначала бегут к адвокатам и в городскую стражу, а когда выяснят, что никаких прав на деньги мужа у них нет и не было, приползают к нам. Больные, несчастные, голодные, продавшие последние серьги на хлеб, а купившие пирожные,

потому что до жути захотелось. Вот и идешь помогать, чтобы сын не пошел в игорный дом или сразу в банду, а дочка – куда повеселее. Дети ведь ни в чем не виновны.

– Хорошо, что ты мне это сказала, – нахмурился его величество. – С этой стороны на таких подлецов я никогда не смотрел. Хотя и сам в ваших глазах ничуть не лучше...

В его голосе прорвалась полынно-горькая обида на все сразу. На жизнь, не простившую ошибок, на друзей, оказавшихся жадными пиявками, на себя – за беспросветное упорство и самонадеянность. Король вскочил с места и ринулся к двери, но ведунья оказалась там раньше него.

Встала, широко раскинув руки и всем своим видом показывая, что ни сдвинуть ее, ни пройти мимо ни у кого не получится.

– Садись, – велела мягко, но во взгляде словно стальные клинки сверкнули. – Я тебе шею разомну. Совсем забегался, за собой не следишь, спать ложишься поздно, встаешь раньше всех. За все дела сам хватаешься, один все сделать решил, что ли? Отдай наконец тайный сыск и охрану дворца Леару и первым не перехватывай у них доклады. Дай ему возможность самому все решить и самому тебе рассказать. Да не в кабинете – заведи привычку обсуждать такие дела за обедом, к примеру. И все остальные смогут словечко вставить, и Леару легче будет поверить, что ты действительно поручил ему важное дело, а не держишь сына вместо болванчика. Иначе его скоро никто ни слушать, ни уважать не станет.

– Дилли! – так и подскочил расслабившийся было от ее массажа король. – А почему ты мне об этом только сейчас говоришь?

– Так я ведь мудрая и терпеливая, – лукаво усмехнулась ведунья. – Жду, пока сам подумаешься. Но если вижу, что ты упрямо идешь не туда, то поневоле приходится открывать глаза.

– Спасибо, – с чувством поблагодарил он и коснулся губами ее пальцев. – Но раз уж зашел разговор о моих ошибках, дай совет... как встретить Ясвену? И как не испортить эту встречу?

– А у тебя насчет нее какие планы?

– Самые серьезные. Я мечтаю, чтобы она стала моей королевой, – произнес Эршель и безнадежно усмехнулся: – Но не представляю, как об этом заговорить после всех моих ошибок...

– Ну, вот как раз с этим я могу тебе помочь, – уверенно объявила Дилли. – Вообрази, сидим мы все за столом, обедаем – нарядные, причесанные, вокруг фрейлины и советники, охрана и слуги... И вдруг во двор въезжает дилижанс, который послал ей ковен, ведь кархов пришлось оставить, площадку для них здесь найти непросто. Надеюсь, Звен позаботился, чтобы стражи пропустили их без всяких выяснений. Потом из повозки вылезает скромно одетая немолодая женщина, высаживает двух малышей, вешает за спину старенький баул и ведет детишек вверх по ступенькам под недоумевающими взглядами слуг, гвардейцев и придворного люда...

– Хватит! – взревел король, вновь вскакивая с кресла. – Я все понял! Ее нужно встретить – как я сам не сообразил?!

– Не знаю, – пожала плечами Дилли. – Я думала, ты помчишься ей навстречу, как только получишь известие, что мать села в крылет.

– Умеешь ты посадить в холодную лужу, – беззлобно огрызнулся Эршель, шагнув к двери.

– Всего лишь сказать правду, – поправила его ведунья и добавила вслед: – Ну извини. А поливать тебе уши медом во дворце и без меня найдутся желающие.

– Скажи всем, что я уехал. Передай Леарону мою просьбу провести вечернее совещание с советниками и подписать указы, – уже из прихожей откликнулся король и почти выскочил прочь, но оглянулся на застывшую с вытаращенными глазами леди секретаря и сердито рявкнул: – А вам никто не давал права поучать моих детей! Получше следите, чтобы у ее высочества всегда были горячий чай и свежие пирожные!

Двадцать второе светозарня

Оазис в пустыне Кинз-Хао

Лита

До оазиса, где Венд собирался пополнить провизию, они добрались на рассвете. Исми сладко спала под боком у ведуньи, а сама Лита дремала вполглаза, грезя о возможности умыться по-настоящему, а не побрызгать в лицо скупым дождичком. Запас, который маг мог увезти с собой, был невелик, и за день они его истратили. А призвать воду в сухой до скрипа пустыне даже магии было не под силу. Просто неоткуда.

– Садимся, – обернувшись, предупредил Венд, и ведунья молча кивнула.

О том, как следует вести себя с хозяином оазиса, маг рассказал спутнице заранее, и теперь она понимала почему. Стражи Файханоль свято хранили тайну его расположения, и появляться в оазисе, по сути, принадлежащем им, старались каждый раз с другой стороны. Байки о блуждающем по пустыне чудо-городе возникли не сами собой и требовали подтверждения, вот и старались важные гости помалкивать с самым загадочным видом.

Едва ковер-везделет замер на жесткой, худосочной травке, которую пытался сожрать каждый из добравшихся сюда верблюдов, Лита спрыгнула наземь и помчалась напрямик к женским купальням. Сегодня она была одета по-мужски, но о том, что это девушка, любой мог догадаться по свободно спадавшему на спину шелковому узорчатому платку. Лите пришлось сделать его из подола одного из платьев, которые наспех прихватил для нее Венд в дополнение к костюму бывшего ученика.

На полпути девушка вдруг на миг приостановилась, ощутив скопление теплых пятен, глянула искоса на увитую диким виноградом чайхану и, с досадой буркнув неподобающее принцессе словечко, еще стремительнее побежала дальше. Теперь она не могла позволить себе, как мечтала еще пять минут назад, поплескаться вдосталь в вожделенной бочке с теплой водой. Торопливо ополоснувшись и, одеваясь на ходу, помчалась к чайхане.

В деревянном строении с узкими окнами и глиняным полом было прохладно и тихо, но на накрытом ковром топчане уже сидела в ожидании завтрака кучка утомленных, молчаливых мужчин. Лита знала лишь двоих: Грозвена, примостившегося рядом со спящей дочкой, и его бывшего ученика, старательно державшегося подальше от учителя. Остальные трое были сильными магами под стать Грозвенду, и амулетов на их шеях висело ничуть не меньше, чем у него.

Заспанный чайханщик, почтительно улыбаясь, торопливо притащил дорогим гостям поднос с ярким чайником и горкой румяных лепешек. Ему явно хотелось поговорить, выяснить, какие события произошли в пустыне, беда или радость принесли в его владения сразу пятерых важных гостей, но никто из них не имел ни малейшего желания кормить его любопытство.

Дождавшись, пока Лита присядет на край топчана, один из магов взмахом руки накрыл всех непроницаемым куполом и откровенно глянул в лицо бывшего командира:

– Прости за наглость, Венд, но мы просто обязаны задать тебе один вопрос.

Грозвен смерил его мрачным взглядом и холодно кивнул:

– Спрашивай, Сайн.

– Всем известно, что мы не вмешиваемся в личные дела верховных магистров, но твоя жена прибежала вчера утром в башню стражи, заливаясь слезами... Умоляла спасти тебя от чар ведуньи или хотя бы вернуть ей украденного ребенка. Иначе она повесится на фонаре у нашего крыльца.

– А ты, Уртиз, – пристально глянул Грозвенд на светловолосого худощавого мужчину, сидевшего с опущенной головой, – зачем с ними примчался?

Лита с интересом рассматривала человека, так сурово и несправедливо наказанного за свою любовь и веру в честность любимой женщины. И по всем приметам – нервно стиснутым побелевшим пальцам, опущенному взгляду и скорбно сжатым губам – все отчетливее понимала, насколько он сломлен, просто раздавлен случившимся.

– Он встретился нам по пути, – тихо объяснил Сайн, видимо, тоже чуявший настроение артефактора, – и очень просил взять с собой. Ты же знаешь, он имеет право.

– А Зарвел на что имеет право? – В голосе бывшего старшего стража все явственнее

ощущалась рвущаяся наружу ярость.

– Он хотел лишь попросить прощения, – примирительно сообщил второй страж, магистр Гетсон. – Хотя не сказал, за что.

– Ну так пусть сейчас скажет, – язвительно процедил Венд.

– Ты можешь меня наказать, учитель... – начал чуть дрожащим голосом Зар, но его перебил гневный рык мага:

– Я тебе больше не учитель!

– Но был им два года, – упрямства красавчику явно было не занимать, – и я знаю тебя с рождения. И всегда знал, что у тебя хорошая, дружная семья, что ты любишь свою жену. Но с того дня, как ты привез в дом эту наглую конопатую оборванку, у которой даже штанов своих нет, ты стал другим человеком. Сень постоянно плачет, ее даже к дочке не подпускают...

Грозвенд от гнева побледнел до синевы, на скулах дернулись тугие желваки, глаза грозно прищурились, рот искривила презрительная ухмылка. Лите не нужно было долго гадать, к чему может привести этот разговор. Видела не раз, как насмерть сходились за рыночными стенами оскорбленные намеками или обвинениями драчуны.

И ни грана не сомневалась – если Грозвенд сейчас сорвется, то очень плохо будет всем. Но в первую очередь ей самой и Исмиль. У нее нет никакой защиты, кроме кратковременного уплотнения кожи, а малышка может проснуться и снова испугаться так сильно, что ей не поможет уже никто и ничто. Да и остальным мало не покажется. И собратья Венда, судя по всему, тоже понимали это очень хорошо. Напряглись и подобрались, как перед боем, свели брови, следя за каждым движением бывшего командира, готовясь защищаться и если нужно – нападать.

Медлить нельзя было ни мгновения, да Лита и не желала. Повелительным жестом протянула к магам руку и неторопливо, звучным, пробирающим до внутренней дрожи голосом, наделяя силой каждый слог, произнесла:

– Ваше величество! Я требую справедливого суда.

Вытаращился и приоткрыл рот, будто вытасченная из воды рыба, ошеломленный ученик, озадаченно нахмурились опешившие маги. Медленно отходя от приступа гнева, тяжело выдохнул неистраченную злость Грозвенд. Но ответил так же звучно и уверенно:

– Вы в своем праве, ваше высочество. Кого выберете в адвокаты?

– Я, Данлита ле Саренс, принцесса Форандии и ведунья по воспитанию, буду защищаться сама, – ледяным тоном отрезала девушка. – И первый вопрос позвольте задать вам, ваше величество. Сколько лет вашему ученику?

– Двадцать три, – ехидно буркнул, начиная понимать ее поступок, Венд, и все расслышали в его ответе и огорчение бывшего учителя, и насмешку, и каплю жалости.

Той самой снисходительно-обидной, с какой умудренные жизнью воины смотрят на зеленого кичливого новичка.

– И он до этих пор не понял, что нельзя судить незнакомых людей ни по внешнему виду, но по стоимости штанов, – с ледяным безразличием констатировала девушка и сделала вывод: – Значит, ему никогда не понять моих слов, пока я остаюсь прежней. Прощу одну минуту.

Не дожидаясь ответа потрясенных до глубины души стражей, Лита плотно прикрыла лицо ладонями и низко опустила голову. Маги не могли рассмотреть, что происходит с ее внешностью, но видели загорелые тонкие девичьи руки, постепенно терявшие упругость и покрывающиеся сухими морщинками и проступающими из-под кожи натруженными сосудами.

– Иллюзия, – пренебрежительно заявил Зарвел и получил по шее ощутимый хлопок невидимой воздушной лапой.

– Помолчи уже, недоучка! – тихо, но яростно прикрикнул на парня Гетсон. – Пока и я от тебя не отказался! У нее нет ни грана способностей и ни одного амулета. Нас не провести.

– А теперь, – подняв голову, уставилась на Уртиза старая женщина с лицом Ясвены и пронзительно-яркими зелеными глазами, – слово тебе. Расскажи все, что произошло двадцать

пять лет назад и после. Судьи дадут про себя обет хранить эту тайну, пока она никому не приносит вреда.

– Могут и не давать, – горько усмехнулся артефактор. – Я собственной глупостью заслужил их порицание.

– Пусть осудит тот, кто никогда не делал ошибок из-за любви. – Вместе с внешностью матери Лита словно получила и частичку ее мудрости, невольно окунувшись в прошлое, когда Ясвена произносила такие истины чуть ли не каждый день. Обиженные судьбой женщины готовы идти и ехать за сотни миль, лишь бы услышать слова утешения и получить немудреный совет.

– Спасибо, – кивнул Уртиз, помолчал и признал: – Ты подлинная ведунья. Я все скажу. Мы встретились с Сень еще в те дни, когда она была женой Ольвара, и я влюбился с первого взгляда.

– Какой еще Ольвар? – возмутился Зар.

– Магистр Ольвар Лудрог, второй муж твоей тети! – прикрикнул на него Гетсон и пояснил: – Он был старше ее на семьдесят лет и ушел к Сень от первой жены.

– А прежде у нее был еще и первый муж, – мрачно ухмыльнулся Венд. – Но они оба были грубияны и лгуны. Сень особенно хорошо удаются сцены разоблачения чужих недостатков. Она прирожденная лицедейка.

– Тогда я этого не знал, – горько признался Уртиз, – и видел лишь синие глаза да тонкий стан. Она всегда казалась такой хрупкой, беспомощной, и я поверил ей беспрекословно, когда Сень с горькими слезами поведала, что без памяти влюблена в Венда и решила покончить с собой сразу после его свадьбы с Тамильей. Никакие уговоры не помогли. Тогда я отправился к Тамилье и подло обманул ее, признавшись в любви, которой не было и быть не могло. Однако я не раскаивался в сделанном ни секунды, ведь эта ложь спасала женщину, без которой мне не было жизни. С того дня уже двадцать пять лет я качусь в пропасть и никак не могу найти способ спастись. А потом я увидел Исми...

Он рассказывал все так откровенно, не приукрашивая и не оправдывая ни одного шага или слова, точно прощался с сородичами, и они это видели, хмурились и огорченно стискивали зубы. Все понимали, как много мук должен перенести человек, чтобы вот так начистоту выпотрошить перед судьями душу, и сколько раз он сам судил себя по самой высшей мерке. Только Зар недоверчиво кривил губы и, несмотря на предупреждение, все же не выдержал, выплюнул как худшее ругательство:

– Ты все придумал, чтобы оправдаться за нападение на ребенка! А Сень – благородная женщина, не выдала тебя, еще и помогала все исправить без суда.

– Заткните рот этому дураку, иначе я его убью, – равнодушно буркнул Уртиз, но все почему-то безоговорочно ему поверили.

И тотчас бросили на Зарвела заклинание, поглощающее звук. Красавчик напрасно разевал рот, махал руками и даже пытался что-то кастовать, от ярости не понимая, насколько бесполезны его попытки.

– Ты зря на него сердишься, – понаблюдав за учеником, грустно улыбнулась Уртизу ведунья. – Сейчас он твой собрат по несчастью. Неужели никто еще не понял, что он влюблен в свою тетку и видит в ней ту хрупкую фею, которую когда-то полюбил ты сам? Отпустите Зара, пусть расскажет, зачем эта интриганка послала его сюда. Сам бы он никогда не додумался.

– Не смей говорить о ней таким тоном! – едва ощутив свободу, с ненавистью прошипел ученик. – Ты и ногтя ее не стоишь! Сень – действительно фея, светлая и нежная, а этот неудачник Уртиз все придумал, потому что когда-то она выбрала не его. А ты можешь хоть королевой себя назвать, она всегда будет неизмеримо выше!

– Действительно дурак, – огорчился Гетсон. – В голове полная каша. Придется запретить встречи с родичами. А чего хотела Сень, я знаю. Слышал. Любой ценой вернуть Венда. Причем про дочь она говорила вскользь, ее интересовал именно муж.

– А в муже ей нужен лишь его статус, – кивнула Лита. – Потерять в одночасье корону, ради которой провернула столько интриг, – для такой кичливой женщины невыносимый удар.

– Вот потому я и ухожу, – хмуро глянул на друзей Венд. – Меня ей не уломать, я ее теперь и близко не подпущу, но Исми будет страдать. Сень в замочную щелку пролезет, чтобы,

манипулируя ребенком, заставить меня вернуться. Ведь за подлость и обман я лишил ее доступа ко всему своему имуществу. Через три месяца дом выбросит ее и больше не пропустит.

– Ты слишком добр, – не согласился Сайн. – За это время она выльет на тебя море грязи и поднимет на ноги весь город. Поэтому как твой временный преемник я решил назначить ей другое наказание. Изменить внешность и вернуть в дом отца. Пусть научится какому-нибудь ремеслу и зарабатывать свой хлеб честным трудом. На распространение сплетен тоже наложить запрет, пусть за каждое злое слово на лице Мальсены вырастает новая бородавка.

– Вы... вы... Только попробуйте так с ней поступить! – задыхался от бессильной ненависти Зар. – Вы все жестокие и злые, не видите, как эта конопатая старуха вами вертит!

– Надоели мне его оскорбления, – огорченно сообщила Лита. – Прошу судей наказать этого грубияна. Пусть походит рыжим и конопатым, пока не заслужит помилования.

– Справедливо, – согласился Сайн и пристально уставился на начавшего стремительно бледнеть парня.

А Лита снова склонила голову и, натянув пониже платок, замерла, создавая новую внешность. И в этот раз ни в чем себе не отказывала. Обидные слова злобного ученика невзначай укололи больнее, чем прежде, когда она каждый день сидела на рынке горбатым мальчишкой. Лите вдруг вспомнилось, что через день или два она встретится с Лансом, и он снова увидит ее повседневный, невзрачный облик. И придворные прелестницы тоже хорошенько ее рассмотрят – будут кривить губы, вздыхая, как этот чванливый парнишка, что с красотой дочерям Эршеля не повезло. Хотя Дилли все же выбрала один из близких к ее внешности облик, а вот Лите все хотелось, чтобы Ланс рассмотрел в ней душу, а не «глазки, ротик, оборотик».

Но теперь уже он любит ее такой, какую видел, и вполне можно сделать ему подарок. А заодно поднять себе настроение, испорченное влюбленным дураком.

– Готово, – тихо сообщил Сайн, и ведунья медленно подняла голову, отбрасывая назад завившиеся локонами белокурые волосы.

Рассеянно взмахнула длинными пушистыми ресницами, одарила ошарашенно притихших магов нежностью сияющего зеленью взора и кроткой жемчужной улыбкой.

– Тогда давайте позавтракаем? Нас уже ждут. И Исми пора будить, она хотела купаться.

И словно невзначай мазнула взглядом по рыжему парню с усыпанным конопущками носом и потрясенно приоткрытыми тонкими губами.

– Конечно, – согласился Венд и, склонившись к дочери, прошептал: – Исми, пора вставать, малыш. Мы уже долетели до оазиса.

– Уже? – кулачками сонно потерла глазки девчушка. – А Анли не ушла?

– Тут я, – с улыбкой отозвалась Лита.

– Ух ты! – изумилась Исмиль, разглядывая нежную кожу девушки. – А где делись эти... ну, следы солнечных зайчиков?

– Вода тут чудесная, все смыла, – развела руками ведунья. – Ну, идем? Тебе тоже пора умыться.

Пока она водила малышку в купальню, чайханщик споро подтаскивал все то, что успел на это время наготовить его повар. Жаренное на углях мясо, острый овощной салат, свежую зелень и огромные оранжевые ломти пахнущей медом дыни. Свободное время все жители этого крохотного селения отдавали огороду.

– М-да, – выдохнул Сайн, когда суетливо-услужливый чайханщик наконец ушел, – а принцесса-то – как волшебная шкатулка с секретами. И каждый все чудеснее. Ты знал, какая она?

– Думаю, этого и ее жених еще не знает, – лукаво усмехнулся Грозвенд. – На севере есть поговорка: «Истинная любовь видит душу человека, а все остальные – лишь оболочку».

– В Серанзии говорят: «Можно и чучело нарядить в шелка да камня, но душа в нем от этого не появится», – задумчиво добавил Гетсон.

– А кто ее жених? – просто из любопытства спросил Уртиз.

– Как быстро ты забыл свою любовь, – тотчас едко буркнул расстроенный преображением ведуньи Зар.

Ну откуда ему было знать, что неглупая девушка может оставаться невзрачной простушкой, если ей так легко стать прекрасной, как видение?

– Забыл предупредить, – покосился на него Сайн, – все твое зло и ехидство будет расцветать на роже новыми пятнами. Все более крупными и яркими. Учись быть добрым.

– Жених вам известен, – намекнул Венд и, не желая доверять эти сведения Зару, взглядом усыпил бывшего ученика и отодвинул его тело к дальнему краю топчана. – Верный напарник Онзирского Тигра.

– Ланс? – изумился Сайн и покосился в сторону купальни, откуда Лита вела Исми. – Но ведь он...

– Изменился. А Тигр теперь женат на старшей сестре Анли и объявлен регентом княжны. – Венд по привычке делился с друзьями сведениями, которые могли понадобиться покинутой родине, и знал, что и впредь не откажет им в помощи. Но вернуться туда прямо сейчас, как они надеются, пока не готов.

– Спасибо, – все понял Сайн и тихо спросил: – Писать будешь? Хоть иногда?

– Неужели ты сомневался? – с укором глянул на друга его негласный король.

– Венд, – решился вдруг Уртиз, – я понимаю, что прошу слишком много... но возьми меня с собой? Нельзя мне туда, снова попаду в паутину.

– Возьмем, – ответила за спутника подошедшая ведунья. – Обязательно. Отцу нужен хороший маг и целитель. Думаю, моей рекомендации будет достаточно.

– Ну, раз ты так решила, – кивнул Грозвенд, ощущая труднообъяснимое довольство, словно нашел давно потерянную памятную вещицу, – значит, берем. К тому же с ним мы доберемся быстрее, будем вести ковер по очереди.

Двадцать второе светозарня

Айканир, королевский замок

Дилли

– Как бы я хотел полететь с вами! – В голосе принца звучала искренняя досада.

Дилли лишь сочувственно улыбнулась брату и молча скользнула в крылет. Ничем ему помочь они не могли. Леарону предстояло провести прием вместо отца, и никто из них не сумел бы его подменить.

Принц знал всех просителей как облупленных, и его невозможно было ни разжалобить, ни купить на лесть. Тем более сегодня к нему на аудиенцию напросились обворованные Бугертом купцы. Звен собирался сидеть на этой встрече под личиной секретаря; магистры подозревали, что у главы гильдии были сообщники.

Король отсутствовал уже второй день, и вчера поздно вечером Гард получил весточку от сопровождавшего его Воргуса. Магистр сообщал, что ночевать они будут в Импле, так как кархи устали, а запасных птиц в городке не нашлось. Как и удобной площадки для посадки – им пришлось воспользоваться любезностью одного из живущих неподалеку от города лордов. Дальше Эршель порывался ехать в карете, но маг, сочтя, что велика вероятность разминуться с двигавшейся окольными путями магической повозкой, категорически воспротивился. Решительно занял для короля особняк бывшего градоначальника, за активную помощь шаманам посаженного в каземат, и послал весточку Брэну, ведущему дилижанс Ясвены, и Лансу.

Прочтя письмо Воргуса, Ланс в свою очередь отправил ему копию второго послания от Литы.

Вернее, теперь уже от ее клиента. Венд сообщал, что они возвращаются и придут в пограничный поселок Каножье к утру двадцать третьего светозарня. И теперь чета Тровенгов и сам Ланс собираются срочно вылететь им навстречу на двух крылетах.

Звен, помнивший мощь и ловкость Грозвена, сначала собирался лететь с ними, но Дилли категорически отказалась.

– Извини, – вздохнула, виновато заглянув в глаза верховного магистра, – но там нас будет четверо. Ланс – сильный маг, и Гард каждый день понемногу занимается и уже может остановить огонь. Ну и нас с Литой не стоит сбрасывать со счетов, хотя я чувствую, что там все будет хорошо. Не суди о ней по дерзким выходкам и высказываниям – если нужно, Чижик может быть очень собранной и рассудительной. А вот оставить без особой охраны Леарона я не могу. Хотя и знаю, что дворец уже тщательно вычищен и тут нет ни предателей, ни ловушек, а преданные гвардейцы никого не пропускают без приглашения. Да и Инзерис с Жюсом пока здесь, но они почти безвылазно сидят в лазарете. Но все равно как-то беспокойно – ты знаешь, что это такое.

И Звен сдался. Хотя и хмурился недовольно, но и слова больше не сказал. Проводил и забыл о своем желании посмотреть в глаза наглому невидимке, сунувшему за пыльный шкаф одного из семерки верховных магистров ковена.

Но не про страхи ведуньи. Понял уже, что просто так она никогда бы об этом не сказала. Значит, что-то заметила, услышала, почувствовала в чем-то тоне или взгляде, и теперь оно всплыло, проросло и тревожит душу вовеки не понятным намеком.

Потому и велел Инзерису с Жюсом сесть в приемной под видом писарей, а сам наставил в устроенном для принца кабинете дополнительных щитов. Немного подумал и добавил в свой арсенал боевые артефакты, а на шею Леарона повесил лишнюю пару мощных защитных амулетов.

– Ничего, спина не сломается, – насмешливо огрызнулся на возмущенное ворчание наследного принца. – И не вздумай снимать. Это не моя прихоть, Дилли предупредила, у нее на душе беспокойно.

Против указаний Дилли Леар ничего возразить не мог, ее интуиция ошибалась так редко, что о подобных случаях никто и не помнил. И потому делегацию купцов принц встретил строгим, недоверчивым взглядом, предварительно изучив все, что накопили по этому делу сыщики.

– Поздравляем, ваше высочество, – степенно кланялись принцу солидные господа с ласково-пройдошливыми взглядами и тут же наябедничали: – Мы к вашему высочеству с подарками, но стража отняла.

– Не беспокойтесь, – с деланным участием утешил их Леар. – Таков приказ короля. Позже маги все проверят и принесут.

– Да разве же мы из-за этого! – так же притворно запечалился круглощекий гильдиец. – Просто хотели угодить, достали редкие старинные поделки, а им требуется особое обращение.

– Азвен! – крикнул принц в приемную. – Принесите дары, которые задержали гвардейцы. Мне хочется на них взглянуть. Люблю все необычное.

– Иду, ваше высочество, – покорно ответил Звен, и в приемной хлопнула входная дверь.

Но вниз отправился не магистр, а все правильно понявший Жюс, постигавший тонкости чужого языка со скоростью, доступной лишь одаренным людям.

– А пока расскажите, как ваши дела, как идет торговля? – предложил Леарон, и минут пять безо всякого интереса слушал рассказы людей, осмелившихся прийти во дворец с темными намерениями.

И про себя думал, как мало их, оказывается, знал, если почти всех считал вполне порядочными людьми.

– Ваше высочество, все принесли, – торопливо вошел в комнату Звен и, пряча невольную улыбку, скомандовал: – Заносите.

Дюжие гвардейцы бережно вносили ящички и шкатулки из душистого темного дерева, расставляли на столе и тумбах, на подоконниках и каминной полке. А Звен одну за другой откидывал обитые изнутри вишневым бархатом крышки.

– Что это такое? – изумленно хмурился Леар, начиная осознать, что происходит нечто непредвиденное.

– Драгоценности, – почтительным шепотом сообщил круглолицый купец и уже громче с довольной улыбкой пояснил: – Старинные. Семейные, королевские. Те самые, которые проныра Бугерт выманил у шута Дейса. Мы покупать отказались, но нашелся один дурак, хозяин ломбарда, пожадничал.

– И как... – Уточнять Леарон не стал, но купцы и сами все поняли.

– Среди людей живем, – улыбались уклончиво. – Если к ним с добром да по совести, то и они всегда помогут. Люди ведь все видят, все понимают.

– И где ж он теперь? Вернее, они? – прищурился принц, отлично осознавший, что просто так, без боя, ни один хапуга не отдаст нечестно нажитого. – В омуте или в болоте заблудился?

– Мы не судьи и не палачи, – качнул головой Чазерт, самый старший из купцов. – Рук даже о подлецов не мараем. Свое забрали и из друзей вычеркнули, а как и где он теперь – нам неинтересно.

– Простите, ваше высочество, – снял личину Звен, – но мне тут больше делать нечего. Если позволите сказать вашим гостям несколько слов...

– Разумеется, позволяю, – усмехнулся Леар. – Спасибо за помощь.

И облегченно выдохнул. Слава светлым духам, в этот раз Дилли волновалась напрасно. Видимо, ее тревожила подспудная мысль, что купцы гильдии пожелают вернуть украденные бывшим главой страховые накопления, но определить явственно, на чью сторону они при этом встанут, подсознание не смогло. Да и как тут угадать, если не знаешь точно, кто на что способен ради денег.

– Рад служить, – вернул ему любезность магистр и повернулся к бдительно слушающим их купцам: – Вы правильно сделали, вернув королевские сокровища, и за это можете просить у меня в дар любые амулеты на выбор. От воров, от порчи продуктов, от мышей и крыс, от промокания или от пожара. Каждый амулет прикроет три стоящих рядом больших амбара.

– Спасибо, ваше светлейшество, не откажемся, – учтиво, но без подобострастия поклонился Чазерт. – Но просить хотели иного. Дошли до нас слухи, что у его величества теперь в зятях его светлость Гардант Тровенг, регент Онзирский, а у нас с ними торговля запрещена...

– Уже разрешена, – с улыбкой сообщил Леарон. – И даже больше. Его величество и регент договорились о строительстве надежного тракта и расширении моста через Ресну.

– Какого именно, неизвестно? – осторожно осведомился круглолицый купец.

– Одного из трех, расположенных выше Порога, – довольно усмехнулся принц, и не сомневавшийся, что это сообщение станет для гильдии торговцев ценным даром. Всегда выгодно знать заранее, где строить склады и амбары, скупать дома под постоянные дворы и дорогие гостиницы. По дороге ведь не только товары повезут, но и путники поедут. – Скорее всего, Синский, окончательно пока не решили. Но если у вас есть веские доводы в пользу другого моста или даже места для дороги, выкладывайте. Я сообщу о них его величеству. И садитесь к столу.

– Конечно, есть! – Вот теперь купцы расслабились, заулыбались, тайком отирая платочками вспотевшие лбы.

Двадцать третье светозария

Импле

Ясвена

– Его величество инкогнито едет нам навстречу, – прочтя полученную записку сообщил ведуньям Брэн. – Уже добрался до Импле и захватил особняк мятежного градоначальника.

– Ну наконец-то! – с насмешкой буркнула Мира. – Долго же он думал.

– Вы к нему несправедливы, – не выдержал маг, до этого предпочитавший в разговоры ведуний не лезть. – Королю в последнее время пришлось очень несладко, а он прямо из седла кинулся разгребать проблемы, навороченные шутом и его советчиками. Мы все работали рядом с ним, не зная, за что хвататься. Полный дворец предателей, шаманов, непонятных личностей и замученных пленников, половина из которых до сих пор остается в лазарете. В столице властвовал голод, в стране неразбериха и растущее недовольство, войска воюют между собой...

– Мы рады, – мягко остановила его Ясвена, укладывая в кроватку заснувшего малыша, – что вы забыли все обиды и поддержали его в этой борьбе. Но мне тоже нелегко, причем давно. Нет, я не жалуюсь, упаси светлые духи, мне хватает в жизни тепла и радостей, как и бед. И по собственной воле прибавлять еще одну как-то не хочется. Поэтому я и сомневаюсь... Да, не смотрите так недоверчиво, при всех своих умениях я всего лишь женщина. Немолодая, уставшая и одинокая. Дети не в счет. Это счастье, но хочется иногда и ощутить рядом крепкое теплое плечо. Просто по-женски.

– Простите, – огорченно пробормотал Брэн. – Если я чем-то могу помочь...

– То ты это поймешь, – пообещала ведунья, переходя на свободное обращение. – А сейчас поясни, сколько нам осталось ехать до этого самого Импле?

– Смотря как. Если помчимся по полям, то доберемся часов за пять. Или немного меньше.

– А если крылетом?

– В Импле крылету не сесть. Там градоначальник считал постройку причальной площадки непозволительной роскошью. Хотя, – магистр позволил себе усмехнуться, – как утверждают злые языки, просто боялся, как бы крылет под ним не сломался. А ты желаешь быстрее попасть в Импле?

– Я не желаю встречаться с ним в чистом поле, – честно созналась Ясвена. – Нам нужно поговорить без детей.

– И без свидетелей, – добавила Мира.

– Тогда собирайте вещи, а я пока чуточку изменю дилижанс. Давненько мечтал о прогулке под луной.

Ведуньи проводили мага загадочными взорами, переглянулись и молча и умело принялись складывать в баулы только полчаса назад распакованные вещички. А выбравшись на крыльцо с детьми на руках, убедились окончательно, насколько их представление о «чуточке» не совпадает с понятиями магистров.

Перед ними стояло совершенно невозможное сочетание кареты и крылета, обтекаемое, как перевернутая чаша, с вытянутым вперед носом. Оно возносилось над дорожкой на добрых три локтя на высоких, широко расставленных колесах, а попасть внутрь можно было лишь через единственную дверцу, расположенную в задней стенке. К ней вела выдвижная удобная лесенка, и, помогая ведуньям по ней взбираться, магистр гордо сообщил:

– Экспериментальный образец. Разумеется, показывать его мы никому не собирались, но вам я доверяю. И не беспокойтесь, он очень надежен и вдвое быстрее прежнего варианта.

Ведуньи лишь плечами пожали. А что можно сказать, если уже притащили в эту миску на колесах детей и немудреный, но немалый багаж? Малышам в дороге требуется очень многое, гораздо больше, чем дома. К тому же как они могли заранее догадаться, что в чудесной повозке магов будет и крохотная ванная кабинка, и уголок со шкафом, сохраняющим продукты свежими? И даже магическая жаровня, в которой можно согреть любую еду, от чая до супа.

А сейчас Брэн устроил для пассажирок широкую мягкую постель, отделенную от его собственного кресла легкой, непроницаемой для звуков и света, перегородкой. Видимо, надеясь дать им выспаться.

И снова путницы и словом не дали понять, что дремать будут по очереди, охраняя покой детей и бдительно вслушиваясь в шуршащие под колесами камни и кусты. Беспечными и беззаботными ведуньи себя просто не представляли, особенно в чужой стране и на глухом бездорожье.

Не спалось в эту ночь и Эршелю.

Король бродил по чужой, удручающе роскошной спальне, подавляющей даже его, привычный ко всему, взор обилием позолоты, аляповатой росписи и всевозможных драгоценных безделушек – от небольших шкатулок и крохотных янтарных фигурок до статуэток всех размеров и цветов.

Он с удовольствием вышвырнул бы их в окно, но терпел ради городка, которому принадлежали деньги, потраченные градоначальником на всю эту мишуру. И Эршелю оставалось лишь строить планы, как накрыть одновременной проверкой всех чиновников высшего ранга во всех подобных городах. О приготовлениях к встрече с Ясвенной он старался не думать, и так голова пухла от мыслей и идей, которым его величество посвятил весь прошедший день. А чем еще было заниматься, болтаясь между небом и землей в стремительно летящей шкатулке размером с тележку зеленщика?

Его тревоги немного урезонивал невозмутимый Варгус, доброжелательно выслушивающий новые идеи Эршеля и так же благодушно разбивавший их логичными доказательствами королевской неправоты:

– Ну зачем ей в дороге корзины с цветами? Они же едут с детьми, а у малышей от запаха срезанных растений может появиться сыпь и жар. Подари один красивый цветок или букетик, но самых безобидных. Лучше ромашек или календулы. Редкие растения тоже дарить нельзя. Дети в этом возрасте все тянут в рот, оглянуться не успеем, как сжуют ядовитые цветики.

К концу полета его величество был твердо убежден, что от детей вообще лучше держаться подальше, а покои для них следует обить мехом и одеялами и закрыть решетками. Ну и пусть станет похоже на клетку, зато никто не отравится, никуда не вылезет и не свалится.

А корзину алых роз он любимой женщине все равно привезет. И пусть потом Яся бросит их под колеса дилижанса, главное – они будут.

– Ваше величество! – стукнул в дверь Варгус. – Вы не спите?

– Мы не спим, – мрачно пошутил король. – А с каких пор мы на «вы»?

– Со сна обмолвился по привычке, – фыркнул маг. – Жду в столовой, срочный разговор.

– Самое время, – саркастически хмыкнул король, глянув на огромные, в полтора человеческих роста, часы. – Почти три.

Но в столовую направился немедленно, лишь накинул шелковый шлафрок да сунул ноги в мягкие туфли.

– И какая же светлая мысль пришла в твою голову среди ночи? – входя в столь же роскошную столовую, ехидно осведомился он у магистра.

– С тем, что светлая, полностью согласен, – ухмыльнулся Варгус. – И ты сам в этом сейчас убедишься. Но вот голова была, к сожалению, не моя.

– И чья же? – насмешливо осведомился Эршель, присаживаясь к столу и подвигая к себе чашку с бодрящим ореховым взваром.

– Леди Ясвены, – не стал тянуть маг. – Она сочла, что мотаться по полям в поисках места встречи – не самая лучшая затея. Поэтому они уже едут сюда, вот письмо от Брэна.

– Дай, – еще небрежно буркнул король, но, не успев взять листок, внезапно побледнел и вскочил с места: – К-как с-сюда?! А ц-цветы?! М-мол-локо д-детям?! Слуги, няни, завтрак, постели... ничего же не приготовлено!!!

– Предлагаешь написать им, чтобы остановились посреди болота и подождали, пока мы найдем слуг и букет? – невозмутимо осведомился Варгус.

– Не передергивай! Конечно, останавливаться нельзя... но почему ты сидишь и ничего не делаешь?!

– Я уже принял меры, садись и выпей чаю, пока объясняю. Дворецкий получил указания и отправил лакеев в ресторацию и к соседям. Скоро они приведут служанок и поваров. А тебя позвал, чтобы спросить... не хочешь ли стать немного моложе? Это в моих силах. И еще... какой костюм тебе приготовить для ритуала?

– Какого еще ритуала? – опешил и без того донельзя растерянный король.

– Объединения жизней, разумеется. А когда вы будете въезжать в Айканир, на площади объявят, что король привез королеву, мать своих детей.

– Но они – не мои дети...

– Я не про малышей. Их всем представят как детей Миры, названной сестры Ясвены. Я про твоих. Леара, Дилли, Литу...

– Литу? – подпрыгнул король. – А ты подумал, как мы скажем Ясе про Литу? Она ведь в плену! Какой уж тут ритуал!

– Извини, не успел сказать. Вот письмо от Ланса. Брэн тоже получил такое. Лита возвращается, Дилли с мужем и Лансом вылетели в условленное место ее встречать. И Ланс, как ты понимаешь, сразу же предложит невесте свой браслет и ритуал. А теперь представь, как позабавят народ две ваши свадьбы в один день. Еще хуже будет выглядеть, если ты женишься сразу после свадьбы дочери. И я уверен, Ясвена это прекрасно понимает, потому так и спешит. Но если ты испугался, я сам сделаю ей предложение...

– Я ведь и врезать могу за подобные шутки, – огрызнулся король. – Ничего я не боюсь. Я мечтаю об этом много лет... Глупая гордость и обида держали как в цепях. Но она же не может пойти в храм без достойного платья?

– Эршель, опомнись. Зачем тебе провинциальный храм и лишние сплетни? Через час у тебя будут два высших магистра, а молельня в этом доме ничуть не хуже, чем во дворце, где традиционно соединяют судьбы принцев и принцесс. А про платье и все прочее мы подумали еще в Айканире, когда собирали багаж. Просто успокойся и посиди ровно, я уберу морщинки и седину. Не всю, немного оставлю.

– Ощущаю себя марионеткой, – послушно замерев в кресле, проворчал король.

– А скоро будешь чувствовать себя счастливым мужем прекрасной и умной женщины, – отбрил маг. – Можно ради этого немного потерпеть?

– Уговорил, – вздохнул Эршель и тут же забеспокоился: – А мы не опоздаем?

– Не переживай, – успокоил Варгус. – Как только они доберутся до города, Брэн отправит весточку. Вон почтовый амулет, он звякнет.

И сразу же пожалел, что это сказал. С того мига король больше никуда смотреть не мог, кроме причудливо витой спирали, вписанной в грани пирамидки. Его не волновала ни собственная внешность, ни праздничный костюм, в который обряжали его величество неловкие от робости лакеи, ни няньки и служанки, поспешно обустраивающие комнаты, где малышам предстояло провести всего несколько часов.

Только обещанный звонок.

И едва послышалось тонкое, почти комариное зудение, Эршель вскочил с места и рванул к дверям, расталкивая попавшихся на пути слуг.

Варгус мчался следом, щедро раздавая обещания наслать проказу или облысение, если все немедленно не исчезнет из особняка через черный вход.

У крыльца предсказуемо никого не было, и магистр смог остановиться, перевести дыхание и запустить в особняк призрачного стража, чтобы поторопил слишком любопытных. Отдаленный визг доложил ему, что это было отнюдь не излишней мерой.

И только после этого Варгус достал из прихваченного с собой амулета тугую трубочку письма и прочел пару скупых фраз.

– Они у городских ворот, будут только через пять минут. Просят не поднимать особого шума и не встречать с оркестром, дети спят.

– Пять минут? – разочарованно протянул король и вдруг подпрыгнул как ужаленный: – А цветы?!

– Вон стоят на крыльце и вдоль дорожки, – указал Варгус на ряды корзин и сунул в руку Эршеля женский браслет: – А это сразу надевай ей на руку, не давая опомниться. Женщины

ценят решительных в этом вопросе мужчин. Раз сделал выбор – будь смелее, не тани kota за хвост.

– А если...

– Никаких «если»! Не забывай про Литу! Едут!

Король одернул белый, с вышивкой, камзол, беспомощно оглянулся и, как утопающий за соломинку, вцепился в ближайшую корзину. Выдернул из нее несколько цветков и ринулся по ступенькам вниз, к резво развернувшемуся у крыльца странному экипажу.

– Да где тут дверь? Варгус! Брэн! – рычал он яростно, хлопая свободной ладонью по гладкой поверхности.

– Тут, – раздался от задней стенки до боли знакомый голос ведуньи, и она со смешком добавила: – Не шуми.

– Ясенька!.. – бросился туда Эршель, подхватил осторожно спускавшуюся по лесенке стройную светловолосую женщину и потащил к крыльцу.

Но, донеся до первых ступеней, опомнился, поставил ее так, чтобы смотреть прямо в лицо, и, впихнув в руки душистую охапку, достал из кармана второпях засунутый браслет.

– Дай руку! – потребовал властно и облегченно выдохнул, когда ведунья беспрекословно выполнила его приказ. Защелкнул браслет и прильнул к ее пахнущим молоком пальцам в полном нежности и благодарности поцелуе: – Не могу больше без тебя жить... просто не могу!

– Ёршик мой, – ласково гладила его склоненную голову ведунья, украдкой стирая непрошеные слезинки, – я тоже не могу. Но Лита...

– Уже летит назад. Дилли ее встречает. И Ланс. Он все приготовил к свадьбе, и я тоже. Магистры обещали провести для нас ритуал. Идем, моя королева, тебя ждет платье и венок. Ты и так самая красивая, но этот день пусть будет особенным, самым главным в нашей жизни!

Эршель и сам не понимал, откуда его измученное одиночеством и обидами сердце берет эти слова, но знал точно – они неимоверно важны и нужны для них обоих, эти самые главные клятвы, данные вот так, глаза в глаза.

А Ясвена и не думала сопротивляться или возражать. Он наконец повзрослел, ее умный, хитрый и сильный седой мужчина, начал делать собственные выводы и совершать собственные поступки. И больше никогда не обидит ее недоверием или высокомерием. А раз ему так хочется, она наденет и платье, и все положенные украшения, в таких мелочах ведуньи никогда не идут против своих избранников.

Двадцать пятое светозарня

Айканир, королевский замок

Лита

– Ну что? Говорите же! – не выдержав, поторопил Грозвенд сидевших полукругом ведуний, задумчиво смотревших на Исми, крутившуюся перед ними в прелестном белом кружевном платье.

И тут же стиснул губы от кольнувшей сердце боли, заметив стремительный обмен многозначительными взглядами.

– Что... совсем? – прошептал упавшим голосом.

Сидевший в дальнем углу Уртиз застыл источающей муку статуей.

– Потерпи! – строго глянули на него голубые глаза королевы и тут же засияли теплом и нежностью: – Исми, ты не забыла про своего котенка? Ему пора поесть молочка. Беги, няня тебя проводит. А потом возвращайся, ты же помнишь, кто сегодня должен сделать самое важное дело? Проводить нашу Литу?

– Помню, – важно задрала носик малышка и тут же подпрыгнула от нетерпения: – А где взять молоко?

– Все уже на месте! – Улыбчивая женщина среднего возраста открыла перед девочкой двери и вышла из комнаты следом за ней.

Венд взглядом захлопнул створки и уставился на самый необыкновенный консилиум, какой только мог представить. Четыре женщины разного возраста и положения: статная королева в строгом серебристом платье с высоким веерообразным кружевным воротником; ее названная сестра Мираллия ле Саренс, вместе с именем принявшая на себя заботу о детском приюте; супруга регента Онзирской княжны, утонченно-оухотворенная Андилия Тровент; и юная принцесса Данлита Форандская, очаровательная зеленоглазая блондинка в струящихся снежной метелью оборках свадебного платья.

Его недавняя гостья, ошибочно считавшая себя пленницей. Но он пока так и не сказал ей об этом, и не из одного лишь нежелания оправдываться. Просто не хотел ничего вспоминать, решительно отрезав все нити, связывавшие с самым большим заблуждением и обманом в его жизни.

– Лорд Венд, – мягко смотрела на магистра королева, – мы все выяснили и готовы вам рассказать. Но, к сожалению, у нас есть условия. И их исполнение обязательно. Скажу сразу, обычно мы на такие вещи не идем, но, учитывая все обстоятельства вашей жизни и ваше несомненное благородство по отношению к пленнице... Молчите, я знаю, что вы считали ее гостьей, но нам важнее, кем чувствовала себя Лита. Даже день, час, минута несвободы наносят вольному существу глубокую душевную рану, и вы должны поклясться, что никогда больше не пойдете этим путем даже во имя самой благой цели.

– Клянусь, – искренне произнес Грозвенд. – И каюсь от всей души. И даже не стану оправдываться, хотя это на самом деле был неосознанный порыв, и я должен был, остыв и все осознав, вернуть ведунью. Но не смог... и сам себя за это казню.

– Не нужно, – тихо попросила Лита. – Я не таю обид. И прощаю тебя от всего сердца.

– Теперь второе условие, – продолжила королева. – Лечить Исми будем мы, и так, как считаем нужным. А ты ни во что не станешь вмешиваться, даже если появятся сомнения и покажется, будто все бесполезно.

– А надежда... – Горло перехватил спазм, и с минуту маг молчал, отвернувшись к окну и силясь справиться с незнакомым прежде волнением.

– Если бы не было, – мягко просветила Дилли, – мы не начали бы этот разговор. Так ты согласен?

– Конечно. И слова не скажу, лечите хоть пять лет!

– Надеемся, что справимся быстрее, но есть еще два условия, – снова вступила в разговор королева.

– Заранее на все согласен.

– Не спеши, они не так просты, – предупредила Лита. – Но очень важны для всех нас.

– Тогда тем более сделаю все возможное.

– Хорошо. Третье условие совпадает с твоим прежним намерением, если оно не изменилось, разумеется. Ты хотел жить неподалеку от семьи ведуньи. Такая семья есть – моя. – Королева смотрела на Венда пытливо и сочувственно, и он не сразу понял, о чем она говорит.

– Но ваше величество...

– Наше величество – ведунья, – добродушно засмеялась леди Ясвена. – И у меня под опекой около десятка несовершеннолетних детей. Половину я оставляю в Онзире, они наравне со мной считают матерью Миру и будут ей помощниками. Тех, кто без меня будет сильно тосковать, уже везут сюда магистры ковена. Для них и малышей готовят спальни на первом этаже. А тебе я предлагаю место придворного мага и соседнюю угловую башню. Там несколько уютных комнат, я сама проверила.

– Согласен, – склонил на миг голову страж Файханоль, пряча предательскую слезинку.

– И последнее, – заторопилась королева, слыша приближающийся шум. – Мы просим тебя как короля тайного города взять под присмотр несчастный народ Халгира. Ведь это ваш мощный источник пробуждает в его жителях магический дар, но вы почему-то считаете допустимым оставлять этих недоучек на шее у простых людей.

– Откуда... – не выдержав, потрясенно прохрипел Грозвенд. – Откуда вам известно про источник?

– Я сама его видела, – с укором смотрела на мага его недавняя гостья, – когда ты возил нас на прогулку. Под озером ярко светится сиреневая звездочка, самая мощная из всех, какие мне встречались. Но не хватайся ты за голову, Венд! Ведуньи умеют хранить чужие тайны и не хуже вас осознают опасность этой информации. Именно поэтому мы попросили вас поставить тут купол вдвоем, чтобы никто даже случайно ничего не подслушал.

– Хорошо, – обдумав ее слова, магистр поднял взор, и на миг в нем мелькнула стальная твердость уверенного и опытного правителя, – я этим займусь. Вы правы, давно пора навести там порядок. Теперь у меня два вопроса...

– Я отвечу, – улыбнулась ему Дилли. – Сначала о твоём друге. Прежде чем делать выбор, ему необходимо осмотреться и спокойно все обдумать. И возможностей для этого предостаточно. Уртиза приглашают в гости Онзирский ковен и обитель «Хазрет», надеясь на советы и помощь в создании артефактов, а также Инзерис, придворный маг Серанзии, король Эршель Форандский и лорд Тровенг, регент Онзирской княжны. И последнее, самое важное. Дар Исми никуда не делся, она сама его спрятала от страха, неосознанно разделив на несколько частей. Бледные пятнышки заметны в стопах и на ладонях, и даже на шее. И ей под силу их собрать воедино, но пока нет главного – уверенности в себе. Бесконечными проверками, уговорами, упреками и беспорядочными экспериментами, которые Исми смутно ощущала, как навязчивые сны, ее мать добилась противоположного результата, взрастила в ребенке неверие в свои силы и боязнь повторения бесплодных опытов.

– Но не нужно бежать ее убивать! – рассмотрев сверкнувшую в глазах Венда ярость, жестко предупредила Ясвена. – Так всегда бывает, когда к больному человеку подпускают профанов и неумех. Поэтому ты и сам виновен не меньше, но это пустой разговор. Теперь мы будем лечить душу Исми, возвращать ей веру в себя, и однажды она сама соберет свои искры воедино на прежнем месте. А теперь открывайте двери и вспоминайте, зачем сюда бежит толпа фрейлин с цветами и лентами.

– Ой! – ахнула Лита и ринулась к зеркалу, поправлять вплетенные в прическу белые фрезии и ландыши. Сегодня она должна быть самой прекрасной.

Хотя Ланс и так уже почти сутки, с момента их встречи, ходит с юношески восторженным блеском в ошеломленном зоре, не замечая, кроме любимой, никого и ничего вокруг.

Ни сияющих счастьем короля с королевой, ни понимающей усмешки напарника, ни зависти в осторожных взглядах вновь назначенных королевой фрейлин. Прежним Ясвена дала отставку одним взмахом ресниц. Незачем подвергать любимого мужчину ненужным испытаниям и соблазнам.

О счастье и спокойствии в своих семьях ведуньи всегда заботятся сами.